

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«МЯГКАЯ СИЛА» В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

МОСКВА
ИЕ РАН
2023

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**«МЯГКАЯ СИЛА» В ЧЕРНОМОРСКО-
СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

**Доклады Института Европы
№ 398**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2023**

УДК 327(100:262)
ББК 66.4(0),9(922.6/922.9)
М99

Редакционный совет:

**Ал.А. Громько (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Ответственный редактор Е.Г. Энтина,
редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Маркедонов Сергей Мирославович, к.и.н., ИМИ МГИМО МИД России
Шиманская Ольга Константиновна, к.филос.н., ИЕ РАН

Тема НИР 0167-2021-0005

«Комплексные исследования политического, экономического и
социального развития стран и регионов Европы»

«Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе =
«Soft power» in the Black Sea – Mediterranean region : [монография] /
Е.Г. Энтина, Н. Танасич [и др.]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 194 с.
– (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Фе-
деральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской
акад. наук ; № 398). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-199-3.
DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12023_398. – EDN: –TWJUCL.

В работе российских и зарубежных учёных рассмотрены пробле-
мы публичной дипломатии и «мягкой силы» в условиях растущей
конкуренции международных акторов и надлома прежней структуры
международных отношений на европейском континенте. Особое вни-
мание уделено Черноморско-Средиземноморскому региону, где гео-
политические противоречия и международная конкуренция в послед-
ние два десятилетия неуклонно усиливаются.

Авторский коллектив: Е.Г. Энтина (введение, гл.8, заключение); Н. Танасич
(гл.1); Н. Дунамалян (гл.2); К.М. Табаринцева-Романова (гл.3); О.А. Глубокая
(гл.4); М.Г. Яшина, И.Д. Строков (гл.5); Е.С. Зиновьева (гл.6); Е.Н. Рыжкин
(гл.7); А.М. Наджаров, С.Б. Давранова, Д.П. Ерёмин (гл.8); Р.Н. Лункин (гл.
9); В.Е. Язькова (гл.10); Д.Р. Исламов, Н.С. Кулиева, Р.Т. Мамедов, А.Ю. Миро-
нов (гл.11); Д. Пророкович (гл.12); С. Стоянов (гл.13); Н.В. Бодиштяну (гл.14).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12023_398

© ИЕ РАН, 2023

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**SOFT POWER IN THE BLACK SEA –
MEDITERRANEAN REGION**

**Reports of the Institute of Europe
№ 398**

Monography

**Moscow
IE RAS
2023**

Аннотация

Коллективная монография представляет собой результат исследований историков, политологов и международных экспертов из ИЕ РАН, НИУ ВШЭ, МГИМО МИД России, Дипломатической академии, УрФУ, а также научно-исследовательские структуры Армении, Болгарии, Сербии. Её цель – продемонстрировать на богатом эмпирическом материале, каким образом различные международные акторы задействуют ресурсы «мягкой силы». Среди традиционных – деятельность неправительственных и некоммерческих организаций, образовательное и научное сотрудничество. Среди относительно новых – медиа и их развитие в последнее десятилетие, социальные сети и электронная дипломатия как существенно масштабировавшие своё распространение в результате коронавирусной пандемии. Монография поднимает и важный философский вопрос о том, что есть истинная «мягкая сила».

Annotation

This collective monograph is the result of research by historians, political scientists, and IR scholars from the IE RAS, the Higher School of Economics, the MGIMO, the Diplomatic Academy, the UrFU, as well as research institutions in Armenia, Bulgaria, and Serbia. Using the rich empirical material, it aims to demonstrate how different international actors use the resources of «soft power». Among the traditional ones are the activities of non-governmental and non-profit organizations, educational and scientific cooperation. Relatively new are the media and their development in the last decade, social networks, and e-diplomacy, all of which have significantly expanded as a result of the coronavirus pandemic. The monograph also raises the important philosophical question what is true «soft power».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Американская популярная культура на службе «мягкой силы» России.....	14
Глава 2. Эффективность методов публичной дипломатии внерегиональных акторов в Армении.....	25
Глава 3. Научная дипломатия Италии в Средиземноморском регионе.....	37
Глава 4. Образование как инструмент публичной политики Италии в Средиземноморском регионе.....	46
Глава 5. Язык и культура как средства реализации «мягкой силы» Италии.....	53
Глава 6. Особенности использования социальных сетей в политической коммуникации международных акторов...	62
Глава 7. Социальные сети как инструмент публичной дипломатии МИД Италии.....	71
Глава 8. Образовательная политика Франции в полиакторных пространствах на примере ведущих стран Ближнего Востока, Северной Африки, Южного Кавказа и Западных Балкан.....	79
Глава 9. Институты гражданского общества Армении как источник «мягкой силы».....	103
Глава 10. «Мягкая сила» папы Франциска.....	118
Глава 11. Культурно-гуманитарная политика Турции: расширение подходов и диверсификация инструментов...	131
Глава 12. Сербские политические элиты и роль НКО и СМИ в конструировании дискурса.....	152
Глава 13. Образ России в предвыборной кампании нового парламента Болгарии.....	161
Глава 14. Русскоязычные СМИ в республике Молдова как фактор внутривыборного размежевания.....	170
Литература	182
Об авторах	189

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. American pop culture on the payroll of Russian «soft power».....	14
Chapter 2. Efficiency of the public diplomacy methods employed by the intraregional actors in Armenia.....	25
Chapter 3. Italian scientific diplomacy in the Mediterranean region.....	37
Chapter 4. Education as a tool of Italian public diplomacy in the Mediterranean region.....	46
Chapter 5. Language and culture as means of Italian «soft power» implementation.....	53
Chapter 6. Peculiarities of social media usage in the political communication of international actors.....	62
Chapter 7. Social networks as a public diplomacy tool of the Italian MFA.....	71
Chapter 8. France’s education policy in the poly-actor spaces exemplified by the leading countries of the Middle East, North Africa, South Caucasus and the Western Balkans.....	79
Chapter 9. Civil society institutions of Armenia as a source of soft power.....	103
Chapter 10. «Soft power» of Pope Francis.....	118
Chapter 11. Turkey’s cultural and humanitarian policy: extension of approaches and diversification of tools.....	131
Chapter 12. Serbian political elites and the role of NGOs and mass media in the discourse construction processes.....	152
Chapter 13. Russia’s image in the electoral campaign of the new parliament of Bulgaria.....	161
Chapter 14. Russian-language mass media in the Republic of Moldova as a factor of domestic political strife.....	170
Literature	182
About the authors	189

ВВЕДЕНИЕ

В современной дискуссии о состоянии международных отношений всё чаще появляется тезис о силовом факторе и способности обеспечивать и формировать жёсткую безопасность как определяющих инструментах, которыми располагают акторы, чтобы влиять на мировую повестку, складывать новые и поддерживать старые союзы. Отчасти такому положению дел и вправду способствует высокая турбулентность всех международных процессов, активное реформатирование и передел рынков, производственных цепочек – всё это требует новых инструментов обеспечения безопасности.

Вместе с тем за последнее десятилетие существенно изменилось и само понятие «безопасности». Последняя доктрина НАТО делает его чуть ли не всеобъемлющим. Таким образом, угрозы безопасности могут представлять любые действия недружественных акторов. Это заставляет по-новому взглянуть и на концепции «мягкой силы» как таковой, и на инструменты, с помощью которых она формируется, расширяется, корректируется.

В отечественных политических кругах и экспертном сообществе господствует несколько упрощённое, порой даже поверхностное представление о «мягкой силе» как одной из основополагающих характеристик современного государства и интеграционных объединений и того, как она воспринимается другими международными акторами и их населением. В настоящей коллективной монографии предпринимается попытка на примере Черноморско-Средиземноморского региона показать, насколько более многомерна «мягкая сила», как много делается на практике для её обслуживания и реализации.

Чуть более 30 лет назад при запуске экономических реформ в Российской Федерации, связанных с переходом от планового хозяйства к свободному рынку и его формированием, также обладали в какой-то степени книжные представления, оторванные от повседневной реальности. В основу предпринимаемых шагов было положено базовое предположение о том, что нужно высвободить рыночные силы, раскрепостить их и дать проявить себя, не мешать им излишним государственным вмешатель-

ством и опекой.

Последовавший глубочайший экономический кризис постсоветского пространства, утрата широкой гаммы высокотехнологичных эффективных производств, колоссальные потери в социальной и трудовой сфере, обнищание населения, падение рождаемости наглядно продемонстрировали, какие тяжелейшие последствия влечёт за собой неоправданно доверчивое отношение к абстрактным идеологизированным теоретическим построениям. Годы борьбы с трагическими последствиями первого глобального финансово-экономического кризиса, затем коронавирусной пандемии подтвердили, что для управляемого перехода от одной модели социально-экономического и политического развития к другой в действительности необходимо по-настоящему сильное государство, обладающее достаточными ресурсами и уважаемое всеми.

Только такое государство или объединение государств способны эффективно обеспечить требуемый временем социально-экономический манёвр. Аналогичным образом выявилась амбивалентность установки на передачу нарождающемуся классу промышленников и предпринимателей прежде государственной собственности в надежде на то, что они станут мотором ускоренного экономического прогресса. Не оправдалась и извечная установка «заграница нам поможет», блестяще высмеянная ещё Ильёй Ильфом и Евгением Петровым.

Наивность нынешних обыденных представлений о «мягкой силе», заимствуемых политическими науками и лицами, принимающими политические решения, состоит в уверенности, будто её действие носит автоматический (объективный) характер. Механизм её реализации примерно такой. Глобальная/региональная держава или интеграционное объединение обладают весомой жёсткой и экономической силой. Они успешны, богаты, влиятельны. Они динамично развиваются. Выработанные ими ценности притягательны. Практикуемая ими модель политического и социально-экономического устройства доказала свою эффективность и может служить образцом для других. Их проект будущего, мечта о будущем увлекают людей. На них ориентируются и те, кто их разделяет, и те, кто им противостоит, но

сомневаются в своём выборе.

Совокупность данных качеств захватывает умы. Все хотят жить так, как предлагают эти глобальная/региональная держава или интеграционное объединение. Население, элиты, бизнес третьих стран рассчитывают, что, если будут подражать им, придерживаться опробованных ими рецептов, следовать в фарватере проводимой ими политики, им будет хорошо. Они будут жить лучше. Это принесёт стабильность, безопасность, процветание. Так они и поступают. В этом контексте представляется, что превосходство «мягкой силы» как раз в том, что она фактически сама порождает клиенталистские отношения между теми, кто ею обладает, и теми, кто ей подчиняется.

Достаточно вспомнить опыт СССР, чтобы развеять эту целенаправленно насаждаемую иллюзию. Коммунистическая идея была крайне притягательна. Давала альтернативу. Порождала веру в светлое будущее для всех. Но вовсе не сама по себе, а потому что Советский Союз и дружественные/братские политические элиты и движения создали мощнейший разветвлённый пропагандистский аппарат глобального охвата.

Интенсивное межгосударственное взаимодействие было поставлено на гораздо более надёжную основу теснейших межпартийных связей. Эти связи либо объединяли СССР и родственные страны узлами взаимопомощи в социалистический лагерь, либо взрывали изнутри страны противоположного лагеря, либо давали постколониальным элитам стран социалистической ориентации гарантии политической стабильности и преемственности.

Межпартийные связи дополняла система контактов общественных организаций, сидящих на государственном финансировании, с партнёрами по всему миру. Заинтересованность в коммунистической идее и соответствующей политической аффилиации подкреплялась щедрым потоком военной техники, поставляемой на некоммерческих условиях, масштабной практической помощью в осуществлении индустриализации и бесплатной подготовкой кадров для национальной экономики и государственных структур.

Всё это создавало многочисленные группы в основных слоях общества, преданных коммунистической идее, солидаризи-

рующихся с ней, делающих на неё ставку. Таким образом, на «мягкую силу» СССР и социалистического лагеря работала эшелонированная армия агентов и групп влияния на всех этажах жизни общества третьих стран, включая партии, номенклатуру, управленческие кадры, неправительственные организации, хозяйственников, создателей информационной продукции, людей искусства и связанные с ними слои общества.

Отказавшись от коммунистической идеи, Российская Федерация утратила не только оригинальное видение завтрашнего дня, привлекательную для всех мечту о будущем и отвечающую ей перспективу развития, являвшиеся истоком «мягкой силы», которой она обладала в прошлом. Москва лишила себя гораздо большего: комплексной многофункциональной инфраструктуры, обслуживающей «мягкую силу» и её реализацию. С момента распада СССР мало что было сделано для её восстановления. По ряду параметров такая задача и не ставилась. Россия довольствовалась межгосударственными методами взаимодействия с третьими странами. Создание средств вещания на иностранных языках, несмотря на их профессионализм и популярность, и фондов публичной дипломатии имело большое значение, однако в связи с их точечным характером на общей картине сказаться не могло.

Ситуация начала меняться только вследствие развёртывания недружественными странами полномасштабной санкционной войны против Москвы в 2014 г. и особенно после начала СВО. Понимание того, что для успешной переналадки логистики и цепочек производства стоимости, смены торговых потоков и транспортных коридоров, осуществления мер антисанкционной и контрсанкционной борьбы необходима опора на «мягкую силу» и инфраструктуру её обслуживания и реализации, ставит такую задачу на повестку дня как одну из ключевых.

Напротив, чуть ли не все другие глобальные/региональные державы и интеграционные объединения – не только США, Великобритания, ЕС, но и Китай, Индия, Турция, Саудовская Аравия, Иран и другие – на протяжении всех этих лет целенаправленно развивали инфраструктуру «мягкой силы». Они возвращали в третьих странах лояльные им политические элиты и предпринимательские круги; включали местные политические пар-

тии в более широкие универсальные и региональные формы; лоббировали ставленников во властные структуры различного уровня; создавали сети прямо или косвенно подконтрольных им общественных, религиозных, культурных, правозащитных и иных неправительственных организаций; внедряли их в свои внутренние профессиональные, академические, клубные сообщества; расширяли подконтрольные информационное и образовательное пространства, нередко вне зависимости от коммерческой рентабельности подобных проектов; использовали широкий инструментарий для формирования соответствующего общественного мнения.

О том, какая колоссальная работа была проделана в этом отношении США, Великобританией, Германией, Францией, Нидерландами и др, свидетельствуют результаты голосования по резонансным антироссийским резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Европы, открытых и закрытых международных межправительственных организаций; присоединение к антироссийским, антикитайским, антииранским санкциям государств, которые в другой информационной реальности предпочли бы этого не делать, поскольку тем самым очевидно вредят своим объективным национальным интересам. Может быть, ещё в большей степени на то, сколь всепроникающим стал диктат условно прозападного информационного пространства, указывает односторонний разрыв связей по линии гражданского общества учреждениями, считавшими в прошлом недостойным и неприемлемым следовать текущей политической конъюнктуре.

Эффективность индустрии «мягкой силы» указанных держав и союзов государств была бы ещё выше, если бы не новая геополитическая и экономическая реальность, утвердившаяся в мире в 2010-х гг. С одной стороны, многочисленные кризисные явления в развитии США, НАТО, ЕС и государств-членов, утраченные западными странами ореол превосходства вследствие относительного упадка т.н. либерального мироустройства (которое на самом деле никогда ни последовательно, ни универсально либеральным не было), всё более уверенное конкурентное соперничество с ними региональных держав Южной, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока отодвинули проблематику модернизации данной

индустрии на второй план. С другой стороны, лидерам западного мира ошибочно показалось, что инфраструктура обслуживания и реализации их «мягкой силы» уже создана, а того, что сделано, достаточно.

В первой главе показано, как созданная Западом инфраструктура обслуживания и реализации «мягкой силы» в третьих странах, мощная, разветвлённая, обильно финансируемая, опирающаяся на прозападные элиты, тем не менее даёт сбои, порождая прямо противоположный эффект.

Влияние прозападных НКО на эффективность публичной дипломатии в контексте противостояния России и США, России и ЕС иллюстрируется данными по Армении и в несколько меньшей степени по странам Южного Кавказа. Приведённые цифры финансовых вливаний и анализ направленности расходов в науку, искусство, медицину, региональное строительство и многое другое наглядно объясняют, как и почему, в частности в армянском обществе, возникло общее позитивное восприятие ЕС и всего того, что делает и Брюссель, и государства-члены (гл. 2).

В сходном ключе на примере деятельности исследовательских, университетских и культурных центров и аффилированных структур Италии в Черноморско-Средиземноморском бассейне и Франции в полиакторных пространствах Ближнего Востока, Северной Африки, Южного Кавказа и Западных Балкан раскрывается то, как в целях реализации «мягкой силы» может использоваться научная дипломатия, реформы образования, обучение иностранному языку и культурное проникновение, которые концептуализируются и институализируются в качестве политического инструмента влияния (гл. 3, 4, 5 и 8). Доказательно показано, в чём культурно-гуманитарная экспансия Турции созвучна тому, что делается западными державами, а чём принципиально отличается (гл. 11).

Важное место в коллективной монографии отведено изучению того, как в условиях повсеместной цифровизации и перевода значительных объёмов деятельности в виртуальное пространство центральным звеном инфраструктуры обслуживания и реализации «мягкой силы» становятся социальные сети и распространяемые в них подходы к самой широкой номенклатуре

событий и явлений внутренней жизни. Показано, как они формируют общественный дискурс и оказывают определяющее влияние на изменения в общественном сознании (гл. 6 и 7).

На примере Армении авторы рассуждают о современной роли некоммерческих и неправительственных, в том числе религиозных, организаций в Черноморско-Средиземноморском регионе, а также изучают влияние различных западных фондов и грантовой поддержки на процессы в политике и обществе (гл. 9). Авторы предоставляют читателю необходимые аргументы, позволяющие оценить как глубину проблем в современной католической церкви, так и потенциал личного авторитета её главы в деле поддержки традиционных норм морали и общественных устоев в регионе и за его пределами (гл. 10).

В гл. 12 разъясняется, каким образом ЕС и НАТО удалось сформировать в Сербии, Черногории, в целом в странах Юго-Восточной Европы такую политическую систему, которая воспроизводит глубочайший разрыв в идеологических предпочтениях между элитами и партийной номенклатурой, ориентирующихся на них, и большинством населения, придерживающегося традиционных ценностей. Центральное место отводится анализу системы внешнего управления политическими процессами и месту в ней части университетского образования, НКО, электронных СМИ и социальных сетей, скоординировано решающих задачу формирования властной элиты. Отвечая на внешний запрос, система управления здесь сработала на закрепление власти по сценарию «стабиллократии».

Вопросы партийного строительства, фрагментации политического пространства, размежевания в СМИ, гонений на русский язык, спекуляций в связи с отношением электората к СВО, к российской политике и последствиям санкционных войн, подчинения партийных программ и в целом политической борьбы тому запросу, который формируется мейнстримом ЕС и НАТО, на основе большого фактологического материала разбираются в главах об избирательной динамике в Болгарии (гл. 13) и о роли русскоязычных СМИ в Молдавии (гл. 14).

Представляется, что богатый фактологический материал и разные грани, через призму которых изучается феномен «мяг-

кой силы» в странах Черноморско-Средиземноморского региона, могут быть важным подспорьем в выстраивании новой концепции российского культурно-гуманитарного и информационного присутствия в трансформирующемся с точки зрения идеологических императивов мире.

ГЛАВА 1. АМЕРИКАНСКАЯ ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА НА СЛУЖБЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Условно пророссийская политика Сербии является своеобразным геополитическим скандалом ещё с 2014 г., когда сербы стали единственным народом Европы, отказавшимся ввести санкции против России¹. Этот факт привлёк к Сербии большое внимание и западных «суверенистов»², и западных глобалистов³, а также самой России⁴. Одни в сербах видели «единственный свободный народ Европы»⁵, другие – «пион в российской гибридной войне в регионе Балкан»⁶. При этом и для тех, и для других позиция сербского народа представляла собой аномалию, загадку, которую необходимо разгадать.

История с Сербией становится ещё более загадочной, если учесть, что по всем формальным показателям она не является более самостоятельным и суверенным государством, чем стра-

¹ Montes Torralba R. Belgrade at the crossroads: Serbian-Russian relations in light of the Ukraine crisis. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/11/ari63-2014-montes-belgrade-crossroads-serbian-russian-relations-ukraine-crisis.pdf> (дата обращения 17.11.2022).

² Marciacq F. Entre amitié avec la Russie et intégration européenne: la Serbie à la croisée des chemins. URL: <https://regard-est.com/entre-amitie-avec-la-russie-et-integration-europeenne-la-serbie-a-la-croisee-des-chemins> (дата обращения 17.11.2022).

³ Ajeti F. Is Serbia Still a Troublemaker in the Balkans? URL: https://www.oip.ac.at/cms/media/is-serbia-stil-a-troublemaker-in-the-balkans_.pdf (дата обращения 17.11.2022).

⁴ Калоева Е. Б. Останется ли Сербия проводником российских интересов на Балканах // Страны Восточной Европы и Россия: развитие отношений в 2005–2015. 2015. С. 77-97.

⁵ Grossouvre H. Actualité de la Serbie entre Bruxelles et Moscou – Non alignement et rôle de la Serbie au cœur de la nouvelle Europe // Culture of Polis. 2015. Vol. 12 №3.

⁶ Rajic D., Hoare M.A. Serbia and Russia and the Coming Balkan Storm. URL: <https://afsa.org/serbia-and-russia-and-coming-balkan-storm> (дата обращения 17.11.2022).

ны – члены Европейского союза или страны – кандидаты на вступление. Более того, пример Сербии доказывает⁷, что для государства крайне сложно, а зачастую почти невозможно вести самостоятельную политику, независимую от европейского и западного политического влияния. Тем не менее – и именно поэтому – даже минимальная забота о собственных интересах в вопросе санкций по отношению к РФ грозила стать «фактором Оливера Твиста» – «дурным» примером для других стран в орбите Запада, которые могут «попасть под пагубное влияние» и «заразиться идеями» о необходимости защиты собственных политических и национальных интересов.

При этом проблемой стал не просто отказ от введения санкций, а отношение сербов к России в целом. Несмотря на высокий уровень интегрированности Сербии в политические структуры «глобального Запада» (Сербия находится на продвинутом этапе процесса переговоров о вступлении в ЕС⁸), доминирование западного капитала и западных идеологических нарративов в сербских СМИ, антироссийская пропаганда (и даже просто критика в адрес России, а особенно в адрес президента РФ В. Путина) среди большинства населения страны категорически не воспринимается. Любой ошибке России на международной арене у сербов есть вполне логичное объяснение: каждая российская неудача является частью хитрого плана, подразумевающего превращение поражения в новую блестящую победу в будущем.

Таким образом, Сербия является единственной страной Европы, в которой Россия обладает реальной «мягкой силой» – способностью продвижения своих политических интересов и идеологических установок практически без вложения каких-либо материальных средств или пропагандистских усилий. Настоящая «мягкая сила» состоит именно в этом – ей не нужны усилия, не нужны финансовые средства, её эффекты распространяются даже в условиях активного противодействия со сторо-

⁷ Muharremi R. The «Washington Agreement» between Kosovo and Serbia. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/25/issue/4/washington-agreement-between-kosovo-and-serbia> (дата обращения 17.11.2022).

⁸ Republic of Serbia, Ministry of Foreign Affairs. Political relations between Serbia and the EU. URL: <https://www.mfa.rs/en/foreign-policy/eu-integration/political-relations-between-serbia-and-eu> (дата обращения 17.11.2022).

ны официальной пропаганды⁹. Именно таким образом действовали векторы американской «мягкой силы» в странах Восточного блока и, в частности, в Югославии, при этом история распространения американской «мягкой силы» в Югославии, как ни парадоксально, сыграла важную роль в формировании нынешнего сербского русофильства.

Векторы формирования русофильского сознания сербов

Простых ответов на загадку сербского русофильства существует немало. В частности, в западных СМИ утверждается, что: 1) сербский народ является жертвой российской пропаганды и манипуляций¹⁰; 2) Россия проплачивает сербскую линию политическими услугами (в частности, готовностью накладывать вето в Совбезе ООН на любое решение, противоречащее сербским интересам по проблеме Косова и Метохии) и дешёвыми энергоносителями¹¹; 3) до сих пор, особенно на Балканах, сохраняет популярность тезис, согласно которому сербы просто являются «маленькими русскими», при этом подчёркивается фактор энтропии и антиевропейства, якобы являющихся сербской «национальной чертой»¹². Эти предположения, помимо того, что они в большой мере основаны на стереотипах¹³, по сути, ошибочны и их не трудно опровергнуть: 1) Сербия – не единственная страна Европы, в которой действуют российские СМИ и агенты влияния; 2) Россия – не единственная страна, политически поддерживающая Сербию (в Сербии нет аналогичного восхищения китайцами, испанцами или бразильцами), Сербия – далеко не единственная страна, зарабатывающая на сотрудничестве с Рос-

⁹ Бондарев Н.В. Россия на Балканах ходит как лунатик. URL: <https://picreadianalitika.ru/bondarev> (дата обращения 17.11.2022).

¹⁰ Simic A. Russia's media manipulation keeps Serbs trapped in the past. URL: <https://bne.eu/balkan-blog-russia-s-media-manipulation-keeps-serbs-trapped-in-the-past-239380/?source=blogs> (дата обращения 17.11.2022).

¹¹ McGlynn J. Why Putin Keeps Talking About Kosovo. URL: <https://www.middlebury.edu/institute/news/why-putin-keeps-talking-about-kosovo> (дата обращения 17.11.2022).

¹² Marković T. The cult of Putin in Serbia reflects a nation that has still not dealt with its past. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/oct/28/the-cult-of-putin-in-serbia-reflects-a-nation-that-has-still-not-dealt-with-its-past> (дата обращения 17.11.2022).

¹³ Антонић С. Стефан Немања рускоколонаш. URL: <https://standard.rs/2022/03/04/slobodan-antonc-stefan-nemanja-ruskokolonas/> (дата обращения 17.11.2022).

сией в сфере энергетики; наконец, 3) сербы находятся под влиянием западной культуры и ценностей даже в большей степени по сравнению с другими народами Балкан и Восточной Европы с учётом приверженности массовой культуре, а также медиа и экспертной среды, где превалирует западное финансирование.

Конечно, есть и более сложные, уходящие корнями в историю ответы на вопрос об истоках сербского русофильства. В частности, можно отметить (а) фактор Третьего Рима (Россия исторически являлась центром православного мира и покровителем православных народов, но не только сербов, а также греков, болгар, румын и др.)¹⁴; (б) фактор славянофильства (Россия активно поддерживала движения славянского самосознания и единства в Европе, но не только в Сербии, а во всех славянских странах)¹⁵; можно отметить и (в) фактор влияния интернационала/Коминтерна (Югославия являлась социалистической страной почти полвека, однако в Югославии влияние СССР было во всех сферах значительно меньше, чем в странах Варшавского пакта)¹⁶. В конечном счёте имеет место также фактор, который можно назвать (г) фактором девяностых (или фактором санкций), который относится к окончательному распаду Югославии и масштабному историческому конфликту сербского народа с так называемым «коллективным Западом» в ходе югославских войн 1991–1995 и 1998–1999 гг.¹⁷ Но и в данном случае можно говорить о том, что Сербия не являлась единственной страной, «попавшей под дубину» США и НАТО, хотя она является единственной страной Европы, подвергшейся бомбардировкам НАТО.

Вероятно, все эти факторы, очевидно актуальные как для других народов Европы, так и для народов иных регионов, в случае сербов «удачно совпали», и они оказались в эпицентре

¹⁴ Ђого Д. Р. Теополис – а четвртога Рима неће бити. URL: <https://www.in4s.net/o-darko-djogo-teopolis-a-cetvrtoga-rima-necesce-biti/> (дата обращения 17.11. 2022).

¹⁵ Блажић Пејић Ј. Руско словенофилство и «словенско питање» у Аустрији и Турској, Московски словенски комитет и српско питање (1858–1875). Докторска дисертација. Београд, 2021.

¹⁶ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988. Str. 15-28.

¹⁷ Perić N. Media War: «Artillery Support» for NATO Aggression on the FRY 1999 // David Vs. Goliath: NATO War Against Yugoslavia and Its Implications. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2019.

«идеального шторма»? Любой из вышеупомянутых факторов можно тщательно исследовать, и для понимания сербского русофильства все они важны так же, как важны и практические российско-сербские отношения в настоящее время. Тем не менее в случае сербов существует ещё один удивительный «катализатор», оказывающий влияние на особо глубокое восприятие упомянутых факторов и исторических процессов. Этот «катализатор» пусть и не является определяющим для столь устойчивого, ярко выраженного сербского русофильства, существующего на протяжении веков¹⁸, однако в значительной степени определяет форму сербского русофильства в Сербии XXI в. Речь идёт об упомянутой выше высокой степени американизации, т.е. вестернизации популярной культуры Югославии.

Югославский период и фактор американизации

Как было сказано выше, большинство указанных факторов актуальны и для других стран, в первую очередь стран бывшего социалистического лагеря. Ключевое отличие Югославии состоит в том, что она являлась единственной страной Восточной Европы, обладавшей популярной культурой не советского, а западного образца. В период холодной войны аксиология попкультуры Югославии, а тем самым и сербов, формировалась под влиянием комиксов (в первую очередь итальянского и французского происхождения¹⁹), голливудских фильмов (вестернов и романтических картин, позже – боевиков²⁰) и в большой степени – рок-н-ролла и других видов бунтарской и протестной культуры Запада²¹. У других народов Югославии фактор вестернизации

¹⁸ Ђого Д. Р. Руска култура – мјесто богочешње и искупљења. URL: <https://www.in4s.net/o-darko-djogo-ruska-kultura-mjesto-bogoceszne-i-iskupljenja/> (дата обращения 17.11.2022).

¹⁹ Димитријевић У. Балкан и стрип: чији је вршњак Дилан Дог. URL: <https://www.bbc.com/serbian/cyr/balkan-58675637> (дата обращения 17.11.2022).

²⁰ Вучетић Р. Американизација југословенске филмске свакодневице шездесетих година 20. века // Годишњак за друштвену историју. 2010. Бр. 1. Стр. 39-65.

²¹ Божиловић Н. Култура сећања и југословенски рокенрол // Култура. 2016. Бр. 152. С. 257-280. Надо обратить внимание, что здесь ключевым является именно факт, что речь идёт о *культуре протеста*, т.е. о «контркультуре». На сербское и югославское восприятие Запада в большей мере влияла критика западных культурных и политических деятелей в отношении собственного общества, чем позитивная пропаганда. Именно этот негативный характер западной культуры имел большое значение при формировании отношения юго-

был также силён, но они не обладали столь значимым совместным историческим прошлым с Россией, в первую очередь военным. Не было у них и культурных связей с Российской империей и российской белой эмиграцией, которая была у сербов²².

При этом уже тогда сербское русофильство существовало во многом как противовес западной русофобской пропаганде. Оно например, наблюдается как сформированный социальный феномен в романах И. Андрийчак и М. Црнянского, которые описывают жизнь сербов на территориях Османской и Австрийской империй в XVIII–XIX вв.²³ Также на сербское русофильство серьёзное влияние оказала поддержка России в Первой мировой войне. Сама же Первая мировая война традиционно воспринимается в сербском национальном сознании как сознательная жертва России и её императора Николая II во имя спасения братского сербского народа от полноценного уничтожения²⁴. Значительное влияние белоэмигрантов на светскую культуру межвоенной Югославии привело к формированию симпатий именно сербской части населения к СССР. Эти настроения сыграли большую роль в сопротивлении немецкой оккупации 1941–1945 гг.: симпатии к русским стали одним из определяющих факторов при выборе сербов вступать в ряды партизан-коммунистов. Эти

славского среднего класса к собственному государству. Это привело к падению авторитета югославских властей, что, в частности, касалось и отношения Югославии к СССР, которое всегда являлось неоднозначным.

²² Необходимо отметить, что национальные идентичности на постъюгославском пространстве флюидны, и ряд элементов самосознания и культурной истории иных народов Балкан совпадает с сербскими. Тем не менее те же русофильские векторы, которые действуют среди, скажем, хорватов, боснийских мусульман или македонцев, не настолько сильны, чтобы оказать значительное влияние на государственную политику.

²³ Одним из важных мотивов известного романа И. Андрича «Травницкая хроника», касающийся периода работы в г. Травник (столица Боснийского эялета Османской империи) консульского представительства Французской империи (период 1807–1812 гг.), является именно ожидание среди местных сербов открытия аналогичного консульства России, которая воспринималась в качестве покровителя и защитника сербов. Отношение сербов к России занимает важное место в культовом романе М. Црнянского «Переселение». В нём можно увидеть, что вера в Россию среди сербов уже в XVIII в. была крепкой, в большей мере нерациональной и почти религиозной.

²⁴ Танасић Н. Цар Николај Други као трагични херој Косовског завета. URL: <http://www.nspm.rs/kulturna-politika/car-nikolaj-drugi-kaio-tragicni-heroj-kosovskog-zaveta.html> (дата обращения 17.11.2022).

настроения также сыграли свою роль и в ходе конфликта Сталина и Тито, одним из последствий которого стало то, что большинство (более 65%) сталинистов, репрессированных и высланных на «Голи-Оток», являлись именно сербами (из них почти $\frac{1}{3}$ из Черногории), при этом поводом для преследований зачастую становились не политические заявления, а лишь выражения приверженности России и русским²⁵. Если на другие народы американская и западная пропаганда действовала напрямую, подстрекая русофобию и антисоветские настроения, то среди сербов данная пропаганда нередко имела обратный эффект.

Антисоветская пропаганда как сербский идеал России²⁶

Негативная картина СССР и конкретно русских, которую распространял Голливуд, сербам нравилась. Смотря американские антисоветские фильмы, они регулярно «болели за злодеев».

Это объясняется действием нескольких факторов. Во-первых, русские в голливудских фильмах были вовсе не похожи на настоящих русских и советских людей, но они очень сильно напоминали самих сербов. Они были громкими, эмоциональными, драчливыми; любили выпить и запеть, жёстко настаивали на том, что считали справедливым, их было нетрудно спровоцировать. В этих образах сербы узнавали романтическую картину «эмоционального и душевного славянства», которое они приравнивали к идеализированной картине самих себя.

Во-вторых, американская попкультура в Югославии являлась культурой среднего класса, имевшего преимущественно социалистическое и марксистское образование. Соответственно, главные «потребители» западных комиксов, фильмов и музыки были вполне способны относиться к ней критически и

²⁵ Анђелковић П. Случај Капичић – прича о фашистима и антифашистима. URL: <http://www.nspm.rs/politicki-zivot/slucaj-kapicic-prica-o-fasistima-i-antifasistima.html> (дата обращения 17.11.2022).

²⁶ Необходимо подчеркнуть, что мы говорим о «сербх» в общем. Предметом этой главы в первую очередь является проблема формирования определённых идей и культурных ценностей среди сербов, но это не значит, что эти процессы имели исключительное, абсолютное влияние. Разумеется, немало сербов были восприимчивы к антисоветской пропаганде, но всё-таки можно констатировать, что для большинства её эффект оказался достаточно слабым, а зачастую даже противоположным. Доля «сербов-буквалистов» сопоставима с долей сторонников НАТО в сегодняшней Сербии – они скорее являлись исключением, чем правилом.

узнавать в них пропаганду, направленную против собственного общественного устройства.

В-третьих, бунтарская культура США заставляла сербов развивать критическое отношение к социалистическим властям Югославии и к её собственной русофобской пропаганде, связанной с уже упомянутой «борьбой со сталинизмом». Вместе с тем американская контркультура, где центром нередко были хулиганы, бандиты и изгои, у сербов тесным образом увязывалась с наследием чётников – монархического и националистического движения сопротивления нацистам, «классовым врагом» югославских коммунистов, которых государственная пропаганда приравнивала к пособникам нацистов. Чётники в югославских фильмах являлись типичными злодеями и «плохими парнями», при этом их вид и символика едва ли отличались от белогвардейских. Когда в Югославии начали показывать фильмы т.н. «Нового Голливуда»²⁷, активно реабилитировавшие типичных «плохих парней» из классических фильмов – бандитов, разбойников и головорезов, – сербам было несложно провести аналогичную ревизию образцов югославского партизанского кино. К этому стоит добавить, что чётническая культура со своими прозападными и антикоммунистическими, но одновременно православными и русофильскими взглядами, была очень популярна среди сербской эмиграции в США, что в сербском сознании дополнительно связывало бунтарскую контркультуру Запада с «чётническим» антикоммунизмом. С учётом того, что образы «русского злодея» в американском и «чётника» в югославском кино часто совпадали, эффект «обратной вспышки» только усиливался²⁸.

Американские злодеи периода холодной войны зачастую становились для сербов героями. Несмотря на «жанровое сознание» и любовь к американским фильмам, картина «громкого, сильного и вспылчивого русского» стала для сербов позитивной. При этом всё, что американцы «признавали русским» в своих фильмах (храбрость, хитрость, эмоциональность, умение хорошо шпионить, умение обращаться с оружием и пр.), стано-

²⁷ Biskind P. Easy riders, raging bulls: how the sex-drugs-and-rock-'n'-roll generation saved Hollywood. New York: Simon & Schuster, 1998.

²⁸ Gligorijević J., Rudić M. Draža i četnici u pop-kulturi. URL: <https://www.vreme.com/vreme/draza-i-cetnici-u-pop-kulturi/> (дата обращения 17.11.2022).

вилось культовыми атрибутами «русского» в сербском национальном сознании, что важно – именно в таком ярком, преувеличенном, голливудском виде. При этом тот факт, что русские в этих фильмах являлись злодеями, просто отбрасывался.

Этот процесс «реконструкции России» на основе голливудских фильмов продолжился и в 1990-е гг., когда сербы сами стали «дежурными злодеями Европы», а отношение к американской пропаганде ещё более негативным и недоверчивым²⁹ Оклеветанная и изолированная Сербия, «воюющая против целого мира», стала своеобразным миром чудес, чем-то вроде «мира наизнанку». Американские фильмы и пропаганда по-прежнему доминировали, они же являлись основным источником информации о России, но сербы их буквально начали воспринимать «навыверт». В этих условиях все прежние факторы, влиявшие на сербское русофильство, – и православное братство, и поддержка в борьбе за освобождение, и культурный обмен, и преследование сербских «сталинистов» – всё это начало работать одновременно на пользу России, которая в сербском сознании стала занимать всё более важное место в период самого сильного упадка самой Сербии.

Фактор «голивудской свалки»

Попав под санкции и международную изоляцию, сербы фактически потеряли доступ к мировой культуре, включая массовую. Её произведения попадали в страну, но в основном контрабандным путём. Соответственно, огромную роль в попкультуре играла «классика» – фильмы 1970–1980-х гг., которые на самом Западе уже являлись «немодными», а зачастую и эстетически «устаревшими». Они были практически единственным, что распространялось среди молодёжи, и стали основой уже сугубо «сербской» попкультуры западного образца. Эта культура формально была западной, т.к. формировалась на переизданных западных комиксах и фильмах, но по сути она была именно сербской, т.к. её моральные и идеологические образы были полностью пересмотрены в соответствии с политической и социаль-

²⁹ Баковић Б. Срби и Јевреји, дежурни колективни кривци. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/442382/Srbi-i-Jevreji-dezurni-kolektivni-krivci> (дата обращения 17.11.2022).

ной обстановкой в изолированной Сербии.

Соответственно, идеализированная чёрно-белая моральность Голливуда впиталась в национальное сознание и в нём далее переплелась с основными сербскими конструктами идентичности. Сербия, сама став европейским «диким Западом», начала сильно идентифицироваться именно с образами «вестернов», старых голливудских фильмов с акцентом на бунтарстве, свободе и конфликте с бесчеловечными институциональными силами американского государства, приравненного к глобальному «мировому сообществу», навязавшему сербам санкции и изоляцию и поддерживающему сербских врагов в югославских конфликтах³⁰.

В 2000-х гг. в результате «демократизации» в Сербию стала проникать новая, не просто «американская», а именно космополитичная, глобалистская культура, но было уже поздно, чтобы изменить сложившуюся ситуацию: сербы уже были влюблены в консервативные образы «Америки» из фильмов времён холодной войны. Соответственно, в Сербии кумирами западной культуры остались те, кто на самом Западе стремительно становились неполиткорректными символами консерватизма – Брюс Ли, Чак Норрис, Стивен Сигал. Новые продукты массовой культуры в сербской среде оказались менее запоминающимися, чем старые. Как и в 1990-е гг., сербы продолжали «копаться на голливудской свалке» и выстраивать свою картину мира на западных образах, но не современных, а на забытых и отброшенных осколках и символах былых времён.

В итоге в Сербии получился очередной переворот сознания: то, что на самом Западе считали не только экономически нерентабельным, но и неспособным продолжать представлять западную культуру и ценности в мире, в Сербии формировало представления о «Западе». И эта вымышленная картина «Запада», обеспечившая США победу в холодной войне, теперь противоречила и картине «нового», глобалистского, политкорректного Запада³¹.

³⁰ Шеховац Д. Индијанци и Срби лоши момци по П. Хандкеу? и С. Жижеку! URL: <https://katera.news/dusan-sehovac-indijanci-i-srbi-losi-momci-po-p-handkeu-i-s-zizeku> (дата обращения 17.11.2022).

³¹ Танасић Н. Чак, Ник и ми. URL: <http://www.nspm.rs/pdf/kulturna-politika/cak-nik-i-mi.pdf> (дата обращения 17.11.2022).

Россия по-американски – англоязычное русофильство

Эти тектонические перемены в глобальной культуре и сербская относительная «отсталость» по отношению к ним сильно повлияли на сербское восприятие России. Сербские русофилы по-прежнему любили Россию при отсутствии непосредственного контакта с русской культурой. Им были известны преимущественно русские классики, являющиеся частью мирового наследия и карикатурные голливудские картины. Большая часть сербских русофилов почти не понимала русский язык, и эта ситуация практически не изменилась до настоящего времени³². Соответственно, Сербия по-прежнему воспринимает Россию через «американское зеркало». Сербы продолжают игнорировать антироссийскую пропаганду и сознательно принимают только ту информацию о России, которая соответствует их ожиданиям и стереотипам, но это не отменяет того факта, что для сербов главным источником информации о России являются западные СМИ. При этом механизм чтения остаётся прежним: западная пропаганда переворачивается «с ног на голову».

Таким образом, выходит, что Россия не только обладает настоящей «мягкой силой» в Сербии, но и американская «мягкая сила» в Сербии работает в её интересах. Разумеется, это изумляет представителей Запада, которые никак не могут понять, по каким причинам их попытки существенно повлиять на общественное мнение в Сербии по отношению к России остаются безрезультатными несмотря на то, что уже десятилетиями на эти задачи тратят существенный финансовый ресурс³³. Провал продвижения современных западных идеологических конструктов имеет ту же природу, что и безуспешная деятельность советской про-

³² Знакомство сербов с русским языком является отдельной темой. Можно отметить тенденцию сокращения числа школ, в которых преподают русский язык в качестве иностранного. Тем не менее интернет и социальные сети (а также автоматические переводчики) сделали русскоязычные фильмы и музыку более доступными, так что ситуация в этом вопросе в настоящее время гораздо лучше, чем 20 лет назад.

Војиновић О. Какав је данас положај руског језика у Србији? URL: <https://standard.rs/2022/01/23/kakav-je-danas-polozaj-ruskog-jezika-u-srbiji/> (дата обращения 17.11.2022).

³³ Gočanin S., Čosić G. Srbija između mitova i realnosti. URL: <https://www.vesti.rs/Evropska-Unija/Srbija-izmedju-mitova-i-realnosti.html> (дата обращения 17.11.2022).

пагандисткой машины, не дававшей ожидаемых результатов: и в том, и в другом случаях действовали одни и те же механизмы «мягкой силы» и её инструменты – фильмы, комиксы, музыка.

В то же время этот специфический сербский иммунитет по отношению к западной пропаганде делает вышеупомянутый клубок факторов, создающих сербское русофильство, настолько крепким и устойчивым, что он одновременно становится главным препятствием для настоящего культурного сближения Сербии и России. Благодаря Голливуду и американской пропаганде сербы ожидают, что русские – «большие сербы», а Россия – «Сербия под лупой».

Сербское англоязычное русофильство «назло» США и ЕС хорошо работает в качестве политического орудия в новых идеологических войнах, но оно является ненадёжной основой для настоящего сближения «братьев навеки». Для последнего сербы должны понять, что Россия – это вовсе не «Сербия с ядерным оружием», а русские должны понять, что Сербия – не часть «мира по-русски». Только тогда станет возможно начать по-настоящему строить мосты и увидеть, как реально народы могут помочь друг другу.

ГЛАВА 2. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДОВ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В АРМЕНИИ

Современная публичная дипломатия во многом заставляет пересмотреть классический концепт, предложенный в 1965 г. американским дипломатом и учёным Э. Галлионом. Принципиальным отличием является ситуационная подоплёка, связанная с использованием термина «публичная дипломатия» в контексте холодной войны и появления новых переменных в международных отношениях, меняющих всю логику «большой игры» в реальном времени. В начале XXI в. исследователи перешли к поиску «новой публичной дипломатии», существующей в условиях международных отношений после холодной войны и основанной на принципе диалогичности³⁴. То есть публичная дипло-

³⁴ Melissen J. The new public diplomacy: soft power in international relations.

матия воспринималась больше не как эвфемизм термина «пропаганда», а начала приобретать иные характеристики в новых условиях. Именно с этим связаны проблемы с восприятием и применением понятия «публичная дипломатия», отождествляемого с народной или общественной дипломатией, а в некоторых случаях и с «мягкой силой».

Наиболее часто встречающаяся путаница связана с отождествлением публичной, народной или общественной дипломатии, но в рамках исследования новой публичной дипломатии важно осознавать специфику её проведения отдельно взятым субъектом, который способен использовать сложный и различный инструментарий. Так, продвижение языка или отдельной национальной культуры в рамках деятельности какой-либо НКО при поддержке государства может быть рассмотрено как совмещение публичной и культурной дипломатии³⁵. В то же время негласное содействие государственных структур активизации общественных контактов с целью разрешения конфликта между различными странами может быть представлено как элемент общественной дипломатии³⁶. Таким образом, понятие «публичная дипломатия» остаётся дискуссионным и зависит от конкретного контекста, связанного с наличием следующих факторов: институты, глубина связи между государством и обществом, культурная составляющая, роль СМИ, уровень положительного отношения общества к бизнесу.

Важно при этом выделить ряд основных признаков публичной дипломатии:

1. основные акторы: правительства и органы государственной власти; частные группы интересов, НКО и отдельные лица; СМИ и другие;

2. специфика взаимоотношений государства и общества: могут выступать как в качестве субъекта, так и объекта публичной дипломатии;

Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 240.

³⁵ Kim H. Bridging the Theoretical Gap between Public Diplomacy and Cultural Diplomacy // The Korean Journal of International Studies. 2017. Vol. 15. №2. P. 293-326.

³⁶ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 8-10.

3. цель: изменение внешне- и внутривластных установок другого государства;

4. специфика построения: эффективное использование ресурсов и создание положительного имиджа государства³⁷.

В идеале все эти признаки должны присутствовать в рамках осуществления публичной дипломатии любого общества, но разница в идеологической, организационной и ресурсной базе влияет на эффективность тех или иных методов.

Специфичность проблемы реализации публичной дипломатии может быть ярко проиллюстрирована на примере влияния внерегиональных акторов в Армении и других странах Южного Кавказа на фоне разворачивающегося в последние годы глобального кризиса.

В прошлом отсутствие серьёзных политических противоречий между Россией и США создавало предпосылки для сохранения российского влияния на Южном Кавказе в качестве третьей стороны на основе взаимодействия с местными элитами и их поддержки. С 2000-х гг. начался процесс вялотекущей конфронтации в регионе между Западом и Россией. В 2012 г. в РФ было введено жёсткое регламентирование деятельности западных неправительственных организаций³⁸. При этом уже в Концепции внешней политики Российской Федерации в редакции 2000 г. отмечался ряд вопросов, касающихся утверждения многополярного мира и снижения «роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности»³⁹. Политическое и информационное противостояние начало набирать обороты, что подстегнуло включение великих держав в реализацию публичной дипломатии на Южном Кавказе.

В свою очередь, США ввели ограничения для российских информационных ресурсов за рубежом, что было связано с по-

³⁷ Саркисян О.Л., Дунамяян Н.А. Публичная дипломатия на Южном Кавказе // Сборник международной научной конференции «Современные проблемы управления». 2017. №3-4. С. 439.

³⁸ Федеральный закон 121 «Об иностранных агентах». URL: <https://gia.ru/spravka/20140616/1011656413.html> (дата обращения 25.10.2022).

³⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html (дата обращения 25.10.2022).

явлением новых вещательных каналов *Russia Today*, агентства *Sputnik* и привлечением крупнейших западных консалтинговых и PR-агентств к работе над улучшением международного имиджа России. Таким образом, две державы встали на путь кардинального разграничения национальных интересов, чему сопутствовал ряд событий на постсоветском пространстве («Революция роз» 2003 г. в Грузии, политические потрясения в Кыргызстане, кризисы на Украине), изменивших логику развития политических и экономических отношений на постсоветском пространстве.

Сегодня российско-американская конкуренция в сфере публичной дипломатии в республиках Южного Кавказа носит достаточно острый характер, хотя и зависит от позиций местных властей и их способности лавировать. Кроме того, наблюдается значительный дисбаланс ресурсов между США и Россией. Для сравнения: в 2020 г. США в рамках деятельности дипломатических миссий и различных программ публичной дипломатии потратили в трёх республиках в общей сумме более 9 млн долл.: 5,3 млн в Грузии, 1,7 млн в Азербайджане и 2,3 млн в Армении⁴⁰. В России же наблюдается сокращение поддержки институтов публичной дипломатии из бюджета⁴¹, несмотря на довольно кризисный период отношений с государствами Южного Кавказа. Инструменты публичной дипломатии также активно используют ЕС, Турция, Иран и Китай. Происходит формирование конкурентного поля в этой сфере, не имеющего чётких границ применения и способствующего углублению разобщённости региона в контексте более глобального противостояния.

Другой проблемой является фрагментарность деятельности институтов публичной дипломатии. Довольно ярко это демон-

⁴⁰ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения 01.11.2022).

⁴¹ Ткачёв И., Кошкин П., Макаров О., Фейнберг А. Россия сократит расходы на внешнеполитическую повестку. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/07/24/59723c879a794741088d42d8> (дата обращения 01.11.2022); Атасунцев А., Галимова Н., Химшиашвили П. Власти приступили к реформе российской «мягкой силы». URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2020/5f05a8079a79477c4c39bfa5https://www.rbc.ru/politics/13/07/2020/5f05a8079a79477c4c39bfa5> (дата обращения 01.11.2022).

стрирует деятельность российских институтов, которые могут быть эффективны в ограниченных рамках взаимодействия с местными НКО (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова), но низкий уровень взаимодействия с другими организациями (Фонд Русский Мир, Российские центры науки и культуры) ведёт к падению эффективности всего комплекса инструментов публичной дипломатии. Вместе с тем отсутствие у неё долгосрочной стратегии также препятствует работе ресурсных центров, которые являются её основными проводниками. В этом случае возникает непонимание транслируемых целей и смыслов, что способствует формированию предпосылок для их отторжения со стороны общества. Подобная фрагментарность наблюдается и в других странах, но на примере США и ЕС можно констатировать, что эффективность публичной дипломатии зависит от наличия долговременной стратегии деятельности и разработки единых принципов работы её институтов.

Пример Армении

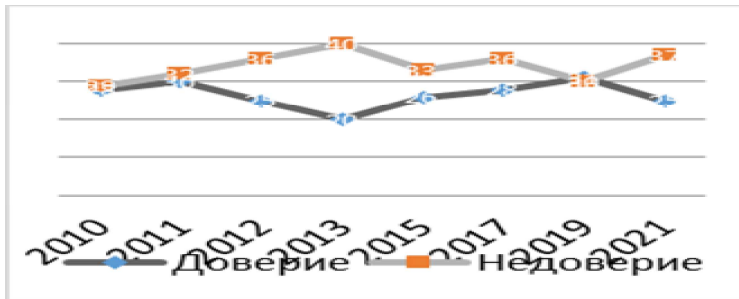
Прозападные НКО в Армении всегда представляли собой серьёзную политическую и социальную силу, руководствующуюся чёткой повесткой, но играющую на слишком узком общественном поле (рис. 1). Иными словами, влияние прозападных НКО на всё армянское общество никогда не было критическим, но активная его часть подвергалась довольно сильному воздействию. Как результат, происходила крайняя поляризация взглядов между гражданскими активистами и властью, а остальная часть общества пребывала в маргинализированном состоянии. Последствия «бархатной революции» в Армении стали ярким тому подтверждением.

НКО в Армении стали действовать на идеологически опустошённом поле, когда государство «ушло» из многих сфер общественной жизни⁴². Необходимо было заполнить этот вакуум новыми идеями, обеспечить работой людей и предложить новую повестку, которая была бы важна для общества независимой Армении. Вместе с распадом СССР распалось и общее гуманитарное пространство, где больше не существовало единого язы-

⁴² Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: Academia, 2005.

Рисунок 1

Уровень доверия общественным организациям в Армении,
% (CRRC)

ка, идеологии или каких-либо культурных основ. Единственными носителями данного «гуманитарного пространства» стали бывшие граждане Союза. Но со сменой поколений и формированием определённых общественных дискурсов крен гуманитарного развития перешёл в сторону складывания национальных государств. Гуманитарное пространство распалось, а вместе с ним прежние политические и исторические мифы. Однако важно, что после распада СССР в армянском обществе Россия не стала восприниматься как источник угрозы⁴³. Наоборот, в контексте обеспечения безопасности связь с Россией считалась необходимой.

Основной повесткой западных фондов на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг. стало формирование лояльной политической элиты и общества, чему способствовал социально-экономический кризис и рост бедности. В свою очередь, независимым республикам нужна была помощь в деле восстановления различных сфер общественной жизни, а американские и европейские фонды её предоставляли. Однако специфика армянского общества корректировала степень влияния Запада и других государств на общественные дискурсы в республике, так как его монолитность не позволяла сыграть на внутренних противоречиях или легко дестабилизировать ситуацию. Это приво-

⁴³ Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. №1. С. 59.

дило к тому, что внешним силам приходилось считаться как с традиционной приоритетностью армяно-российских отношений, так и необходимостью установления партнёрских отношений с США или ЕС.

С другой стороны, с 1990-х гг. Армении начала активно помогать диаспора, которая имела иные политические и идейные ориентиры, чем те, что сложились в бывшей АССР. Часть диаспоры, которая впоследствии переехала в Армению на постоянное жительство, также не разделяла ценностей общего «советского» прошлого. В Армении начало формироваться (и поныне формируется) специфическое гуманитарное пространство, совмещающее сразу несколько культурно-цивилизационных векторов, с чем внешние игроки также должны считаться при продвижении какого-либо дискурса.

Между стратегическими партнёрами и стратегическими союзниками

К концу 2000-х гг. стало очевидным, что конфронтация между Западом и Россией будет углубляться по причине кардинального несоответствия ряда подходов к внешней политике и реформатированию отношений на постсоветском пространстве. На тот же период пришлась и агрессивная риторика в вопросе выбора стран общего окружения (*shared neighborhood*⁴⁴) ЕС и РФ, что в дальнейшем привело к санкциям, украинскому кризису и предельно накалённой ситуации во многих постсоветских республиках. В условиях отсутствия прямого конфликта неправительственные организации, финансируемые извне, стали одним из важнейших инструментов идеологического противостояния. При этом линия гуманитарного противостояния проходила не только в рамках развития гражданского общества, но и в сферах социогуманитарной науки и медиа.

Не хотелось бы создавать ложного впечатления, что программы США, ЕС, РФ и других государств имели однозначно негативное влияние, так как в условиях разрухи и упадка, а также формирования определённых авторитарных тенденций во власти, финансовые вливания со стороны зарубежных фондов

⁴⁴ Gower J., Timmins G. Introduction: The European Union, Russia and the Shared Neighbourhood // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. №10. P. 1685-1687.

стали важным «мотиватором» для общественной активности. Тяжёлая социально-экономическая ситуация заставила правительство РА создать механизмы сотрудничества с различными источниками финансирования, чтобы пополнять скудную ресурсную базу. Кроме того, демонстрируемая многовекторность внешней политики РА смягчала влияние глобальной конфронтации, настраивая иностранных партнёров на равные условия конкуренции в республике.

Выбор евразийского пути интеграции способствовал активизации ЕС в сфере поддержки армянских НКО. Кризис отношений между ЕС и Арменией также совпал с ростом социальных протестов в республике, что, в свою очередь, благоприятствовало формированию целого блока общественных организаций, придерживающихся оппозиционных взглядов. «Обоюдострое лезвие» публичной дипломатии ЕС впредь было обращено не только против укрепления позиций России в республике, но и авторитарности армянской власти (данный вопрос до 2013 г. еврочиновники успешно обходили⁴⁵).

В 2014–2017 гг. было запланировано потратить более 140 млн евро на развитие гражданского общества. В 2018 г. на соответствующую поддержку Армении ЕС выделил 1,75 млн евро. Среди областей, финансируемых ЕС, отдельно выделяли науку, искусство, медицину, образование, развитие регионов и многое другое – всё это сформировало общее позитивное представление о ЕС в армянском обществе.

На деятельность ЕС наслаивается функционирование других институтов, занимающихся мониторингом демократического развития страны (*Transparency International*), проведением анализа общественного мнения (*International Republican Institute*) или формированием определённого информационного нарратива. Все эти организации объединяет чёткая программа действий и определённая идеологизация всего процесса, что, в свою очередь, приводит к субъективному отношению к социальным и политическим реалиям в Армении и других странах. Кроме того, важным аспектом является работа с армяноязычными ин-

⁴⁵ Giragosian R. Armenia's Strategic U-Turn // European Council of Foreign Relations Policy Memo. 2014.

формационными ресурсами и телеканалами, которые продвигают прозападную повестку.

Деятельность некоторых американских фондов созвучна гуманитарной политике ЕС. К примеру, Фонд «Открытое общество – Армения» (более известный как Фонд Сороса) ежегодно предоставляет гранты в сферах поддержки гражданского общества, медиа, образования и права. Проекты, поддерживаемые Фондом, направлены прежде всего на защиту уязвимых групп, антикоррупционную деятельность, пропаганду толерантности, поддержку либерального дискурса (табл. 1). Финансируемые Фондом организации в рамках своих исследований и отдельных мероприятий часто разделяют критику влияния России в Армении и эффективность ЕАЭС, а также других интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Ситуация с деятельностью подобных фондов в Армении сложна, поскольку трудно отделить реальную социальную помощь от субъективной пропаганды каких-либо явлений, противоречащих общественной морали в Армении.

Возвращаясь к политической мифологии, сформировавшейся вокруг Фонда Сороса, заметим, что необходимо разделять позицию Фонда и правительства США, так как распространяемые идеологические установки радикальны даже по меркам американской политики. Сама поддержка США в начале 1990-х гг. была связана не столько с геополитическими амбициями этой державы, сколько с усилиями армянского лобби обеспечить финансовую поддержку независимой Армении. Здесь можно отметить также и фигуру бывшего министра иностранных дел РА Вардана Осканяна, который использовал свои связи в США для привлечения инвестиций в республику. Не секрет, что экономический подъём в Армении после 2003 г. был не в последнюю очередь связан с большим потоком инвестиций из США. Отметим также, что армянское лобби добилось поддержки не только РА, но и Нагорно-Карабахской республики, что стало возможным в рамках различных программ по безопасности и миру (программа разминирования в НКР). Несмотря на то что администрация Д. Трампа выбрала путь постепенного свёртывания программ по поддержке других стран (кроме важных союзни-

Таблица 1

Список некоторых проектов, поддержанных Фондом
«Открытое общество»

Наименование НПО	Описание проекта	Сумма гранта	Сфера деятельности
<i>Yezidi Center for Human Rights NGO</i> (2020)	Поддержка езидской общины в контексте борьбы с последствиями <i>Covid-19</i>	\$11000	Социальная сфера
«Aleppo» <i>Compatriotic Charitable NGO</i> (2020)	Проект направлен на установление фактов нарушений прав человека и гуманитарного права в Арцахе во время 44-дневной войны с целью восстановления прав жертв	\$30000	Права человека
Союз информированных граждан (2019)	Мониторинг социальных и традиционных медиа, формирования общественного мнения на основе проверки фактов	\$137500	Гражданское общество
Хельсинский комитет Армении (2019)	Защита прав человека, мониторинг « <i>hate speech</i> » в медиа	\$100000	Гражданское общество
<i>Lori TV, Tavush Media, STVI, Kyavar TV</i> (2022)	Поддержка региональных телеканалов Армении в разработке аналитических материалов совместно с <i>DW, BBC и Hetq</i>	\$107000	Медиа
Факультет химии и биологии Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (2019)	Поддержка программы бакалавриата	\$17740	Образование
Культурно-научный фонд « <i>Boon</i> » (2019)	Поддержка дискурса толерантного отношения к миграции и оживление тем демократического развития	\$25500	Гражданское общество

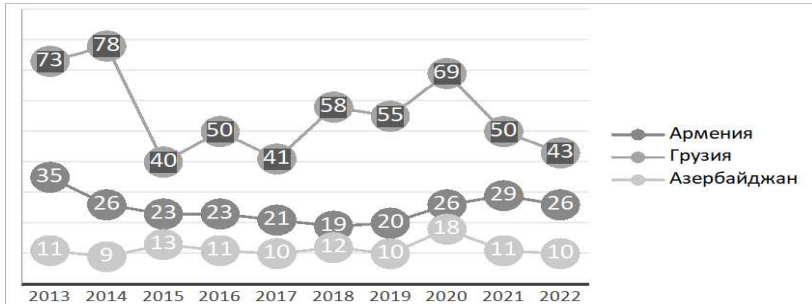
Источник: составлено автором по данным Open Society Foundations – Armenia. URL: <http://www.osf.am/about-company/grants-lists> (дата обращения 10.11.2022).

ков), в 2020 г. был отмечен рост помощи южнокавказским республикам (рис. 2). Американские и европейские фонды вносили позитивный вклад в развитие республики, но вместе с тем приносили свою повестку.

Таким образом, чрезмерное влияние прозападных НКО в Армении можно объяснить несколькими факторами: 1) скудностью ресурсов государства и ростом бедности; 2) комплиментарностью внешней политики; 3) чёткой программой действий

Рисунок 2

Финансирование программ *USAID* в странах Южного Кавказа,
млн долл.

Источник: составлено автором по данным USAID. URL: <https://explorer.usaid.gov> (дата обращения 10.11.2022).

зарубежных организаций; 4) распадом гуманитарного пространства; 5) конфликтом Запада и РФ. Интересно, что общественное мнение в Армении даже после «бархатной революции» остаётся стабильным: РФ воспринимается как важный политический и экономический партнёр, но дискурсы постепенно меняются в сторону обсуждения раздражающих армянское общество тем (Стамбульская конвенция, вопросы экологии, преподавание армянского языка и истории в непрофильных учреждениях). Прозападные НКО принимают самое активное участие в обсуждении этих вопросов посредством СМИ и отдельных мероприятий. Но в то же время надо понимать, что альтернативных организаций практически нет.

Влияние пророссийских общественных организаций сведено к минимуму во многом по причине ограниченности круга обсуждаемых тем. Ещё одной проблемой пророссийских или проевразийских НКО, а также российских федеральных агентств и фондов, остаётся низкий уровень организованности всего процесса, отсутствия общей концепции и связи между гуманитарными организациями. К примеру, совместные с ООН программы РФ в Армении не освещаются должным образом, а единичные мероприятия по тематике общей истории или роли ЕАЭС не получают в армянском обществе должного отклика.

Кроме того, стоит отметить крайнюю агрессивность проти-

востояния различных общественных организаций в Армении. НКО, получающие деньги из западных фондов, наотрез отказываются сотрудничать с организациями, замеченными в обсуждении какой-либо пророссийской или евразийской тематики. Тем самым происходит раскол не в обществе, а в стане общественных организаций, занимающих те или иные позиции. Это обстоятельство не приводит к крайнему росту общественных противоречий, но мешает формированию здорового общественного дискурса.

Подытоживая, конкуренция в гуманитарной сфере Армении будет расти параллельно увеличению количества игроков (Китай и другие государства), поэтому подходы к продвижению «мягкой силы» также должны меняться. Главной целью западных сил является формирование лояльного социального и политического дискурса в Армении при условии снижения влияния РФ, а также других государств в регионе. Сохранение общего гуманитарного пространства на постсоветском пространстве представляется несбыточным. Именно поэтому общее гуманитарное пространство должно формироваться в пространстве новых технологий, творческого подхода к распространению социальных и политических идей. Иными словами, для включения широких слоёв армянского общества в общее гуманитарное пространство необходимо сформировать конкурентное преимущество в сравнении с западными программами в сфере науки, образования, культуры и т.д.

К этому можно добавить рост интереса к региону со стороны Китая и Турции. Даже внутри ЕАЭС такие крупные государства как Казахстан пытаются сформулировать своё видение евразийских интеграционных процессов и распространить эти идеи за рубежом и в т.ч. в Армении.

Для армянской власти важно определить «красные линии» в обсуждении общественно значимых тем со стороны различных НКО, представив концепцию развития армянского общества и государства. Единственным путём является формирование своего собственного видения общественных и политических отношений, а также создание механизма финансирования широкого круга армянских НКО.

ГЛАВА 3. НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Возникновение научной дипломатии относят к первому десятилетию XXI в., хотя практика научной дипломатии имеет глубокие исторические корни и различные формы, которые раньше не обозначались как таковые. Научная дипломатия относится к профессиональным практикам на стыке мира науки и дипломатии. По сути, научная дипломатия имеет двойное обоснование: продвижение национальных интересов страны и решение глобальных проблем. Она включает широкий спектр мер по продвижению и обеспечению целей внешней политики государства, а также мероприятий по достижению глобального общественного блага на транснациональном уровне. К ним можно отнести, например, использование научных рекомендаций, привлечение учёных к дипломатическим переговорам или назначение научных атташе в посольства. Как известно, научная дипломатия содержит в себе три базовых блока: 1) наука в дипломатии – помощь науки (пониманию и) достижению внешнеполитических целей; 2) дипломатия для науки – дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству; 3) наука для дипломатии – использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений⁴⁶. В настоящее время существует достаточное количество статей по связи науки, дипломатии и международных отношений, например, работы К. Калтофен и М. Акуто⁴⁷, В.К. Турекяна и П.Д. Глюкмана⁴⁸, А.В. Шестопада и Н.В. Литвака⁴⁹, Р.О. Райнхардта и Е.А. Масловой⁵⁰ и др.

⁴⁶ New frontiers in science diplomacy. URL: <https://royalsociety.org/topics-policy/publications/2010/new-frontiers-science-diplomacy/> (дата обращения 10.10. 2022).

⁴⁷ Kaltofen C., Acuto M. Rebalancing the Encounter between Science Diplomacy and International Relations // *Theory Global policy*. 2018. №9. P. 15-22.

⁴⁸ Gluckman P. D., Turekian V. C., Grimes R. W., Kishi T. Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside // *Science & Diplomacy*. 2017. Vol. 6. №4. P. 1-13.

⁴⁹ Шестопад А.В., Литвак Н.В. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // *Вестник МГИМО*. 2016. №5 (50). С. 109.

⁵⁰ Райнхардт Р.О., Маслова Е.А. Некоторые особенности научной и образовательной политики Италии на современном этапе // *Среднее профессиональное образование*. 2017. №4. С. 58-60.

Италия одной из первых европейских стран создала отдельный раздел на официальном сайте МИДа, посвящённый данному виду дипломатии. Главными «двигателями» итальянской научной дипломатии являются: Министерство иностранных дел и международного сотрудничества, которое занимается продвижением итальянских исследований и развитием научной дипломатии через создание международной договорной базы; Объединение по взаимодействию в области науки и технологий работает напрямую с университетами, научно-исследовательскими институтами, вовлекая их непосредственно в международную и экономическую деятельность (патенты, внедрение в производство и т.д.), а также Национальный исследовательский совет. Основной платформой по распространению информации является *Innovitalia* – портал, управляемый в сотрудничестве с Министерством университетов и исследований. Центральная редакция *Innovitalia* находится в ведении Генерального управления по продвижению страновой системы Министерством иностранных дел и международного сотрудничества. Администрирование страновых страниц осуществляется научными отделами итальянских дипломатических представительств за рубежом. Однако «фигура научного дипломата характеризуется “гибридным” профилем, выходящим за рамки науки и международных отношений»⁵¹. Дипломатическая деятельность направлена на содействие международному научному сотрудничеству и заключается в следующих направлениях: научные консультации органов государственной власти по разработке внешнеполитических целей и стратегий; использование сотрудничества между учёными и научными учреждениями для улучшения отношений между государствами. Исходя из этого, основными функциями научного персонала во внешнеполитической деятельности являются: поддержка и развитие двустороннего сотрудничества как на этапе переговоров, так и при реализации исполнительных протоколов; продвижение итальянской научно-технической системы; информация о научных системах и научной политике, осуществляемой

⁵¹ Professione science diplomat: cosa fa e come diventarlo. URL: <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/competenze-digitali/diplomazia-scientifica-cosa-e-il-science-diplomat-e-come-formarlo/> (дата обращения 10.10.2022).

странами аккредитации; сотрудничество с ИТ-платформой *Innovitalia* и информационной сетью *RISeT*; продвижение и управление контактами с итальянскими исследователями, которые работают за границей, и непосредственно с иностранными исследователями; реализация инициатив по продвижению итальянской науки и техники; координация с итальянскими институтами культуры для организации мероприятий по продвижению итальянской научной культуры; координация с коммерческими офисами посольств, офисами агентства *ICE* и местными торговыми палатами для продвижения итальянской индустрии высоких технологий. Существенная роль в продвижении и развитии научной дипломатии отводится исследовательским институтам и университетам⁵².

Документом, определяющим исследовательскую политику в Италии, стала опубликованная в официальном бюллетене (общая серия №13 от 23 января 2021 г.) и предусмотренная Законодательным декретом 204/1998 Национальная исследовательская программа на 2021–2027 гг. Программа разделена на системные приоритеты, направленные на укрепление «сильных» и преодоление «слабых» сторон итальянской исследовательской системы. Шесть основных сфер исследований и инноваций отражают шесть кластеров рамочной программы исследований и инноваций Европейского союза «Горизонт Европа» на 2021–2027 гг.: 1) европейский «зелёный» курс; 2) здоровье – цели программы сосредоточены на повышении диагностического потенциала, разработке эффективных и инновационных технологий здравоохранения, в т.ч. цифровых технологий, вместе с разработкой новых диагностических и терапевтических подходов и выявлением факторов риска бесплодия. Эти цели напоминают некоторые цели устойчивого развития ООН (например, 3 и 8); 3) культура, творчество, социальные преобразования, инклюзивность – направлены на привлечение инвестиций в развитие и приумножение культурного, исторического и творческого наследия страны, а также сокращение социального и экономического нера-

⁵² La promozione all'estero della scienza e della tecnologia italiane: il ruolo degli addetti e degli esperti scientifici e tecnologici. URL: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/reteaddettiscientificitecnologici/> (дата обращения 10.10.2022).

венства; 4) безопасность социальных систем подразумевает исследования для поддержки устойчивости конструкций и разработки методов и технологий для мониторинга и предотвращения рисков природных катастроф; кроме того, переход энергии от традиционных видов топлива к возобновляемым источникам требует строительства замещающих заводов и инновационной инфраструктуры, что ставит перед исследователями новые задачи по обеспечению безопасности и эффективности; 5) климат, энергия и устойчивая мобильность – по сути реализация ЦУР № 1, 3, 4, 5; 6) продовольствие, биоэкономика, природные ресурсы, сельское хозяйство⁵³. Таким образом, на институциональном уровне отмечается активная реструктуризация научного сектора с т.з. «активного включения» его как во внутреннюю, так и во внешнюю политическую деятельность. Естественно, учитываемая универсальную повестку, реализация ЦУР выходит на первый план стратегического планирования научного развития. При разработке национальной программы, как мы видим, итальянское государство опирается на Повестку по науке ЮНЕСКО «Открытая наука», а также на программу ЕС «Горизонт Европа», лавируя, таким образом, между национальным интересом, союзными обязательствами и приверженности к ЮНЕСКО. Сами сотрудники таких профильных отделов выделяют следующие сложности по «внедрению» науки в дипломатию: 1) нехватка чиновников в посольствах, несмотря на гигантскую и деспотичную бюрократию, с которой им приходится сталкиваться; 2) хаотичная ситуация с соглашениями и «эгоистичная» политика интернационализации, проводимая каждым научным учреждением, которая часто не позволяет посольству находить лучшие достижения, в которые можно вкладывать энергию⁵⁴.

Далее кратко рассмотрим, как декларируемые идеи реализуются на практике на примере Средиземноморского региона. На настоящий момент Италия заключила ряд двусторонних соглашений о научном сотрудничестве с Черногорией (приоритетные направления: сельское хозяйство, биотехнология и медицина;

⁵³ Programma nazionale per la ricerca 2021–2027. URL: <https://www.mur.gov.it/sites/default/files/2021-01/Pnr2021-27.pdf> (дата обращения 10.10.2022).

⁵⁴ How to improve the Italian science diplomacy. URL: <https://www.scienzainrete.it/node/9636> (дата обращения 10.10.2022).

оценка и смягчение последствий стихийных бедствий) и Словенией (физика и астрофизика; информационно-коммуникационные технологии; технологии, применяемые в сельскохозяйственных и лесных науках и пищевой безопасности).

Как показал анализ договоров о научном сотрудничестве, на данный момент в Средиземноморском регионе Италия активно участвует в следующих направлениях: морские исследования, археология, «голубая» экономика, климатические изменения. Например, *LCIS* – научно-исследовательский проект между Италией и Израилем, направлен на интеграцию инновационных исследовательских инструментов и киберинфраструктуры (веб-DSS) в сельскохозяйственную сферу для решения новых социальных и климатических проблем, чтобы гарантировать продовольствие и безопасность питания за счёт оптимизации использования водных ресурсов. Помимо официальных встреч, организуются различные лектории, общественные форумы для обсуждения вышеуказанных проблем.

Ярким примером реализации научной дипломатии в рамках публичной внешнеполитической деятельности Италии стал «День итальянских научных исследований в мире». Например, посольство Италии в Израиле организует программу инициатив с привлечением академического и научного сообщества, которая даёт возможность повысить уровень сотрудничества в области научных и промышленных исследований, особенно в высокотехнологичных секторах между государствами. Так, с 2020 г. благодаря программе «Акселератор в Израиле», итальянские стартапы имеют возможность разрабатывать свои промышленные проекты в течение трёх месяцев в израильских акселераторах, максимально используя инновационную экосистему последнего.

Ещё одной иллюстрацией является создание научных итальянских ассоциаций в других государствах. Так, в Испании существует Ассоциация итальянских исследователей, которая содействует развитию контактов между исследовательскими и промышленными системами Италии и Испании, а также двустороннему сотрудничеству между государственными и частными учреждениями по вопросам научных исследований и университетской политики. Целью ассоциации также является создание

платформы поддержки для облегчения включения итальянских студентов или молодых исследователей в испанский академический/научный мир. В сентябре 2021 г. в Сорренто состоялась первая Лига инноваций – мероприятие, посвящённое инновационным стартапам, организованное Министерством иностранных дел в рамках председательства Италии в G20. В рамках Лиги инноваций G20 министр Ди Майо объявил, что в Сан-Франциско будет открыт первый итальянский инновационный культурный центр, призванный поддерживать итальянские компании, которые хотят выйти на международный уровень и расширить свои возможности за рубежом⁵⁵.

Таким образом, Итальянская Республика на официальном уровне активно развивает научные (исследовательские и университетские) отношения практически со всеми странами Средиземноморья в таких направлениях, как «голубая» экономика, сельскохозяйственная безопасность, медицина, высокие технологии.

Говоря о втором треке дипломатии, в качестве примера реализации научной дипломатии можно рассмотреть деятельность *MedECC* (Средиземноморские эксперты по изменению климата и окружающей среды). Это открытая сеть учёных, основанная в 2015 г. *MedECC* основывается на сообществе научных экспертов, готовых предоставить свои экспертные знания на добровольной основе. Данная организация оценивает имеющиеся научные знания об изменении климата и окружающей среды и связанных с ними рисков в бассейне Средиземного моря с целью сделать эти результаты доступными для лиц, принимающих решения, заинтересованных сторон и граждан. Соответствующее взаимодействие между *MedECC* и официальными лицами основано главным образом на тесном сотрудничестве с *Plan Bleu* – Региональным центром деятельности Средиземноморского плана действий, Программой ООН по окружающей среде и Союзом для Средиземноморья. Работа представленной сети сосредоточена на предоставлении различных отчётов вышеперечисленным структурам. Так, в первом отчёте об оценке ситуации в Среди-

⁵⁵ G20 Innovation League, da Sorrento il meglio delle giovani start-up. URL: <https://www.thewaymagazine.it/trends/g20-innovation-league-da-sorrento-il-meglio-delle-giovani-start-up/> (дата обращения 13.10.2022).

земноморье (*MARI*)⁵⁶, опубликованном в ноябре 2020 г., представлены текущее положение и будущие риски, связанные с воздействием экологических изменений на Средиземноморский бассейн. Этот отчёт является результатом масштабного сотрудничества, в котором на добровольной основе приняли участие 190 учёных из 25 стран. Во время второй министерской конференции Союза для Средиземноморья, состоявшейся в октябре 2021 г. в Каире (Египет), министры признали важными действия научного сообщества в сфере охраны окружающей среды.

В своём отчёте эксперты отмечают, что научная дипломатия была принята в Европейском союзе как внешнее измерение политики ЕС в области науки и инноваций комиссаром по исследованиям, науке и инновациям К. Моэдасом, который охарактеризовал её как «естественное продолжение европейских ценностей». Особое внимание уделяется евро-средиземноморскому партнёрству посредством поддержки таких проектов, как Партнёрство по исследованиям и инновациям в Средиземноморье (*PRIMA*) и *BLUEMED*. В 2017 г. министры науки Евро-средиземноморского региона (Валлеттская декларация, Научная дипломатия в Средиземноморье, 2017 г.) определили «науку как двигатель устойчивого развития и роста числа рабочих мест в регионе, способствующий циркуляции «мозгов»». В документе «Обновлённое партнёрство с южным соседством: новая повестка дня для Средиземноморья» (Европейская комиссия, 2021 г.) исследования и инновации рассматриваются как ключевые составляющие достижения более «устойчивого» и «инклюзивного» роста. Пандемия *Covid-19* стала своего рода символом того, почему международное научное сотрудничество должно быть интегрировано с дипломатией для решения общих проблем, с которыми страны не могут справиться в одиночку, а этап восстановления – «это возможность поставить науку на службу устойчивому развитию и благополучию общества»⁵⁷. Как отметил

⁵⁶ Climate and Environmental Change in the Mediterranean Basin – Current Situation and Risks for the Future. URL: <https://www.medecc.org/medecc-reports/climate-and-environmental-change-in-the-mediterranean-basin-current-situation-and-risks-for-the-future-1st-mediterranean-assessment-report/> (дата обращения 13.10.2022).

⁵⁷ Science and Innovation Diplomacy in the Mediterranean. URL: https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2021/12/Report_Science_Innovation_Diplomacy_

М. Г. Солер, эксперт по научной дипломатии в *CREAF*⁵⁸, «в Средиземноморье научная и культурная дипломатия – это две стороны одной медали, которые должны идти рука об руку, учитывая общие средиземноморские ценности и идентичность. Научное сотрудничество может принести более широкие выгоды: укрепление доверия, укрепление потенциала и навыков, устойчивое развитие, гендерное равенство и мир»⁵⁹.

Ещё одним любопытным и не столь очевидным вопросом становится подготовка специалистов в области научной дипломатии: крайне важно создать новые возможности для междисциплинарного обучения. Так, основной «кузницей» кадров стали такие международные структуры, как *Unitar* или *SciTech Diplo-Hub*. В Италии мы можем найти различные учебные программы, осуществляемые учреждениями международного характера, такими как *Twas (The World Academy of Sciences for the advancement of science in developing countries)* или *Venice International University (VIU)*, или организованными в контексте сотрудничества между итальянскими университетами, например, между Падуанским университетом и *Roma 3*, или по инициативе отдельных университетов, например, Триестского университета.

Однако, несмотря на растущий интерес к научной дипломатии при подготовке научных дипломатов, как пишет С. Арнальди, доцент Триестского университета, возникает ряд трудностей. Во-первых, это тип предлагаемых программ обучения. По сути, все приведённые выше примеры предлагают «летние школы», циклы семинаров, отдельные уроки или столь же короткие формы обучения, что свидетельствует о кратком введении в изучаемый предмет, без особого «погружения» в материю. По его мнению, более оптимальным было бы создание профильных магистерских программ. Во-вторых, необходимо осуществлять «пере-

Mediterranean_ALTA.pdf (дата обращения 10.10.2022).

⁵⁸ *CREAF* – общественный исследовательский центр в области экологии суши, глобальных изменений и наблюдения за Землёй, целью которого является содействие знаниям, сохранению и управлению природной средой и территорией, а также адаптации к изменениям окружающей среды на местном, региональном и глобальном уровнях.

⁵⁹ Why does the Mediterranean region need science diplomacy? URL: <https://next.medec.org/why-does-the-mediterranean-region-need-science-diplomacy/> (дата обращения 10.10.2022).

крёстное» распространение информации о политической значимости научных исследований в области международных отношений и, наоборот, важности политического контекста в международном сотрудничестве между научными учреждениями⁶⁰. На наш взгляд, данный тезис является дискуссионным. Принимая повестку ЮНЕСКО об открытой науке, не следует ставить вопрос о «политической значимости исследований»: они должны быть универсальны, прозрачны и аполитичны. Для иллюстрации задачи науки работать на внешнеполитический имидж приведём высказывание М. Пардо, атташе посольства Италии в Берлине: «Часто немецкое общественное мнение считает, что итальянцы – великие дизайнеры, но не более того – часто они даже не могут себе представить, сколько ведущих учёных являются итальянцами». Фактически «научный» дипломат осуществляет деятельность по «пересечению границ» – посредничеству между различными типами знаний, связанных как с наукой, так и с политикой. Таким образом, своеобразный гибридный характер этой роли ставит вопрос о том, какими характерными компетенциями должен обладать человек, выполняющий её.

Подводя итог, следует отметить, что за последнее десятилетие итальянская научная дипломатия была концептуализирована и институционализирована как политический инструмент, дипломатическая основа для взаимодействия и область междисциплинарных исследований. Она активно используется как в двусторонних отношениях, так и при участии в международных организациях. Несмотря на заявления итальянских политиков о стратегической значимости Средиземноморского региона, Италию нельзя назвать лидером по реализации научной дипломатии: большинство научных совместных проектов в регионе иницированы или Францией, или Испанией. При этом итальянское государство лавирует между «обязательствами» в рамках деятельности в ЮНЕСКО, ЕС и реализацией национального интереса. На данный момент профильные, неправительственные организации активно участвуют в научной средиземноморской

⁶⁰ Professione science diplomat: cosa fa e come diventarlo. URL: <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/competenze-digitali/diplomazia-scientifica-cosa-e-il-science-diplomat-e-come-formarlo/> (дата обращения 10.10.2022).

повестке. Происходит и разделение сфер влияния: высокоточные и высокотехнологичные отрасли, а также те, которые связаны с продовольственной безопасностью, попадают в зону ведения официальных дипломатов, в то время как морская экология чаще реализуется акторами публичной дипломатии.

Учитывая итальянский опыт работы в изучаемом регионе, в качестве рекомендаций по развитию научной дипломатии можно наметить следующие векторы: профессиональная подготовка научных атташе (на данный момент на уровне университетской подготовки эта ниша практически не занята); выстраивание единой общей вертикали продвижения науки от МИД и профильных структур до научно-исследовательских центров; создание при университетах и/или МИД (от федерального до муниципального уровня) лабораторий/центров взаимодействия между дипломатами и учёными, уделяя особую роль не только естественным, но и гуманитарным наукам.

ГЛАВА 4. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Важность формального обучения отмечается в разных странах, однако большинство из них заинтересовано в академических квалификациях своих граждан, в качественном и доступном образовании⁶¹. Итальянская Республика демонстрирует прямую вовлечённость в развитие данной сферы через реформы и инвестиции как внутри страны, так и за её пределами. Публичная политика в сфере образования тесно связана с внешнеполитическими интересами страны и её географическим положением.

Приоритетными векторами внешней политики Итальянской Республики являются европейский, атлантический и средиземноморский⁶². С учётом нестабильности последних лет и пере-

⁶¹ Долгая О.И., Тагунова И.А. Доступность качественного образования для всех как мировая тенденция в общем образовании // Школьные технологии. 2019. №1. С. 3-10.

⁶² Мансур Ю.Н. Внешняя политика Италии 2001–2017 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2019. №3. С. 144-149; Rapporto –

группировки мировых акторов, именно направление Средиземноморья и Ближнего Востока указывается во внешнеполитической доктрине как приоритетное⁶³, а новая концепция Расширенного Средиземноморья⁶⁴ удачно отражает устремления Рима масштабировать свои геостратегические интересы. Рассматриваемому направлению традиционно уделяется повышенное внимание со стороны правительства Италии⁶⁵. Мягкая сила способствует планомерному расширению влияния Италии за рамки географических ограничителей, тем не менее стратегия поведения «средней державы» постепенно становится менее эффективной⁶⁶, особенно в условиях необходимости соблюдать баланс между остальными векторами внешней политики в условиях кризисов последних лет.

Региональное взаимодействие прошло долгий путь от «глобального и сбалансированного подхода»⁶⁷, создания Евро-Средиземноморского партнёрства и принятия Барселонской декларации, Совместной стратегии Европейского союза для Средиземноморского региона⁶⁸ до инициатив, направленных на развитие диалога культур и цивилизаций. Первой значительной подвижкой с целью улучшения коммуникации и культурного обмена между Европой и соседними странами Средиземноморского региона стало создание Евро-Средиземноморского Фонда Ан-

2020. Le scelte di politica estera. Ministero degli Affari Esteri. URL: https://www.esteri.it/mae/doc/rapporto2020_sceltepoliticaestera_090408.pdf (дата обращения 11.09.2022); Гаврилова С.М. Российские учёные о внешней политике Италии на рубеже XX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. №1(9). С. 18-19.

⁶³ Гаврилова С.М. Политика Италии в Средиземноморье: приоритетные направления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. №3(29). С. 121-134.

⁶⁴ Focus Mediterraneo allargato. n. 10 – Maggio 2019. ISPI. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/focus-mediterraneo-allargato-n._10.pdf (дата обращения 10.09.2022).

⁶⁵ Маслова Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (начало) // Вестник БГУ. 2018. №1(35). С. 111-116.

⁶⁶ Алексеенкова Е.С. Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. №1. С. 80-90.

⁶⁷ Ландабасо Ангуло А.И. Проблемы взаимоотношений Южного Средиземноморья с ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2003. №4. С. 124-139.

⁶⁸ Гусаров Ю.А. Евросоюз и Средиземноморье: Барселонский процесс // Актуальные проблемы Европы. 2007. №3. С. 101-113.

ны Линд для диалога между культурами, базирующегося в Александрии (Египет). Фонд объединяет и представляет более 40 национальных сетей, созданных европейско-средиземноморскими партнёрами. Основная цель фонда – сблизить народы и организации по обе стороны Средиземного моря, придавая особое значение развитию человеческих ресурсов, особенно среди молодёжи. Другая цель – способствовать развитию толерантности народов, организуя культурные обмены между членами гражданского общества разных стран региона⁶⁹.

В данном контексте интересна программа обменов *Erasmus*⁷⁰, которая более известна с точки зрения студенческих обменов. Новый этап 2021–2027 *Erasmus+* – это совместные усилия стран – членов ЕС для содействия интернационализации и модернизации школ. Также это возможность для учителей пройти курсы повышения квалификации за рубежом и изучить новые стратегии преподавания, разработать инновационные средства обучения. Количество учителей итальянских школ, участвующих в *Erasmus+* возрастает. С 2014 по 2019 гг. численность учителей, участвовавших в мероприятиях по мобильности, увеличилась с 1,7 тыс. до примерно 4,2 тыс.⁷¹ Программа предполагает практику школьного обмена. Кандидаты проходят на конкурсной основе, что способствует выявлению будущих специалистов⁷², около 122 тыс. молодых людей приняло участие в 2020 г., однако отчёты не содержат данные по количеству обучающихся по данной программе из Средиземноморского региона⁷³.

Помимо общеевропейской линии диалога, у Италии есть

⁶⁹ About the Anna Lindh Foundation. URL: <https://annalindhfoundation.org/about> (дата обращения 10.10.2022).

⁷⁰ Sholkamy M. E. A. Le iniziative italiane per la promozione della lingua e della cultura italiana all'estero // ELLE. 2019. Vol. 7. №3. P. 495-508.

⁷¹ Number of Italian teachers who participated in Erasmus+ mobility projects 2014–2019. Statista Research Department. URL: <https://www.statista.com/statistics/719258/number-of-school-teachers-who-participated-in-erasmus-plus-european-mobility-program-in-italy/> (дата обращения 08.11.2022).

⁷² Erasmus+ EU programme for education, training, youth and sport. URL: https://erasmus-plus.ec.europa.eu/it/programme-guide/part-a/eligible-countries?#footnote_7_dhqmuqf (дата обращения 15.10.2022).

⁷³ Erasmus+ annual report. 2020. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7bda9285-5cc4-11ec-91ac-01aa75ed71a1> (дата обращения 08.11.2022).

собственный подход к осуществлению публичной политики в сфере образования, науки и культуры. Культурно-образовательное сотрудничество со странами Средиземноморья поддерживается посредством укрепления контактов на уровне университетов, школ, лингвистических центров, организации обменов, выставок и культурных программ. В данный момент наибольшего внимания заслуживает Главное управление общественной и культурной дипломатии Италии, созданное в 2022 г. и координирующее 269 кафедр и лекториев в иностранных университетах, 82 Итальянских института культуры, 207 археологических миссий, 62 итальянские школы по всему миру⁷⁴. Из общего количества, без учёта археологической составляющей, суммарно 75 образовательных пунктов базируются в Средиземноморье, что составляет 17,5% от общего числа учреждений. На первый взгляд, данная часть не отражает декларируемую заинтересованность итальянского правительства в развитии региона, однако в процентном соотношении не уступает оставшимся регионам, в том числе лидирующему трансатлантическому.

Итальянские институты культуры⁷⁵ схожи по своей деятельности с работой Россотрудничества⁷⁶: гуманитарная политика, культура, образование, наука, деловые контакты и обмены, работа с соотечественниками. Также среди наиболее ярких инициатив выделяются проекты публичной дипломатии Общества Данте Алигьери, являющегося частью Национальной комиссии по продвижению итальянской культуры за рубежом⁷⁷.

Отдельная сфера деятельности правительства – продвижение итальянского языка, развивающееся параллельно с сохранением региональных языков и диалектов самой Италии⁷⁸. Благо-

⁷⁴ Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Sito ufficiale. URL: <https://italiana.esteri.it/italiana/chi-siamo/mappa/> (дата обращения 10.09.2022).

⁷⁵ Istituti Italiani di Cultura. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Sito ufficiale. URL: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cultura/reteic/> (дата обращения 10.10.2022).

⁷⁶ Муратшина К.Г. Гуманитарное сотрудничество как направление внешней политики России // Власть. 2022. №3. С. 115-121.

⁷⁷ Бокерия С.А., Данилов В.В. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. №4. С. 643-653.

⁷⁸ Еремичева О.И., Языковая политика Италии по защите региональных язы-

даря открытости Италии и участию в подобного рода инициативах культурная и языковая экспансия, в свою очередь, приводит к укреплению позиции страны в обозначенном регионе и способствует возможности своевременного отбора иностранных квалифицированных кадров. Итальянское правительство предоставляет гранты для обучения в Италии, начиная от языковых курсов до обучения по программам магистратуры и аспирантуры, а также финансирование при работе над перспективными исследовательскими проектами на базе итальянского университета⁷⁹. Не менее 20% от общего числа выплачиваемых правительством стипендий и грантов приходится на выходцев из Средиземноморского региона⁸⁰, а отдельные итальянские университеты предлагают спонсирование. Получение образования в режиме онлайн доступно грантополучателям с африканского континента, носителям африканских языков, через участие в Инициативе высшего образования ВикиАфрики⁸¹, спонсируемой международными фондами. Однако влияние фактора нелегальной миграции, большого потока беженцев приводит к замедлению языковой и социальной интеграции внутри страны.

Открытое географическое положение Италии, протяжённые морские границы, череда революций и конфликтов в странах Северной Африки и последовавшие за ними геополитические сдвиги лежат в основе феномена нелегальной миграции. Италия, принимающая волны беженцев по «транссредиземноморским сетям»⁸², основной поток которых идёт через Ливию, была вынуждена прибегнуть к гибкой иммиграционной политике, чтобы сделать возможным интеграцию вновь прибывших в ита-

ков (на примере сардинского языка) // Древняя и Новая Романия. 2020. №S26. С. 177-186.

⁷⁹ Grants for foreign and Italian citizens living abroad awarded by the Italian government. Call for applications for the academic year 2022-23. URL: <https://studyinitaly.esteri.it/en/call-for-procedure> (дата обращения 11.10.2022).

⁸⁰ Borse di studio offerte dal Governo italiano a studenti stranieri e italiani residenti all'estero. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/opportunita/borse-di-studio/per-cittadini-stranieri/borsestudio_stranieri/ (дата обращения 08.11.2022).

⁸¹ WikiAfrica programme. Fondazione Aurora. URL: <https://www.fondazioneauroga.org/en/wikiafrica-programme/> (дата обращения 13.10.2022).

⁸² Крутова-Солиман Н., Гриневиц Е.В. Европейская политика интеграции мигрантов-мусульман // Вестник МГИМО. 2022. №4.

льянское общество. Миграционный кризис, ставший общей проблемой для стран Средиземноморского региона, повлек за собой вынужденные изменения, в том числе в сфере образования.

Посредством сотрудничества государственных структур Италии, НКО и миграционных ассоциаций разрабатываются меры по преодолению религиозных, этнических и культурных барьеров, что способствует постепенному улучшению ситуации. Итальянская школьная система играет фундаментальную роль в преодолении кризиса⁸³. Для детей иммигрантов предусмотрено обязательное бесплатное посещение государственных школ⁸⁴.

Постепенно законодательная база образовательной сферы подстраивается под новые реалии. Перед Италией стоит задача повышения вовлечённости в образовательный процесс тех, кто больше всего рискует бросить учёбу. Действующее Руководство по приёму и интеграции иностранных студентов⁸⁵ 2014 г. включает рекомендации по использованию преподавания итальянского языка в качестве второго для поддержки студентов-мигрантов. С 2016 г. новые правила предусматривают наличие полностью квалифицированных учителей итальянского языка как второго в системе образования.

Утверждённый в 2021 г. после пандемии *Covid-19* Национальный план восстановления и устойчивости⁸⁶ закладывает более 30 млрд евро на перезапуск образования. Данный проект направлен на реализацию программ повышения квалификации в соответствии с социально-экономическими преобразованиями. Будут активированы действия по продвижению многоязычия, такие как увеличение языковых курсов и мероприятий, продвижение интернационализации школьной системы посредством международной мобильности студентов и преподавателей (ино-

⁸³ Овакимян М.С. Политика Италии в области интеграции мигрантов // Горизонты экономики. 2022. №2(68). С. 79-84.

⁸⁴ Зонова Т.В. Италия: вызовы иммиграции. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italiya-vyzovy-immigratsii/> (дата обращения 13.10.2022).

⁸⁵ Linee guida per l'accoglienza e l'integrazione. URL: <https://stranieriinitalia.it/at-tualita/alunni-stranieri-nuove-linee-guida-per-laccoglienza-e-lintegrazione/> (дата обращения 12.10.2022).

⁸⁶ Piano Nazionale di ripresa e resilienza. Governo.it. URL: <https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf> (дата обращения 11.10.2022).

странцев в Италию) и цифровая система мониторинга языковых навыков при поддержке органов сертификации. Чтобы снизить высокие показатели досрочного ухода из школы среди учащихся, родившихся за границей, национальный план действий предусматривает продвижение учебных проектов, улучшение преподавания итальянского языка для недавно прибывших иностранных учащихся в средние школы, а также обеспечение образовательного руководства с участием семей, ассоциаций и местных органов власти. Частные социальные организации, которые бесплатно обучают мигрантов итальянскому языку и являются посредниками между ними и государственными учебными заведениями также заостряют внимание на том, что социальной, лингвистической и школьной интеграции несовершеннолетних способствует овладение итальянским языком, которое начинается уже на дошкольном этапе. Таким образом, продвижение и включение детей мигрантов в дошкольное учреждение является одной из мер, которая может дать больше положительных результатов в этом контексте.

Как видно, образование остаётся значимым инструментом продвижения интересов Италии за рубежом и консолидации мультиэтнического общества внутри страны. Общеευропейский и итальянский подходы к взаимодействию в Средиземноморье последнее десятилетие необходимо рассматривать через призму миграции. Миграционный кризис оставил свой отпечаток на взаимодействии стран Средиземноморья, в этой связи неотъемлемой составляющей предстаёт языковая политика Италии. На данный момент государственные и частные языковые центры, волонтерские организации, занимающиеся обучением итальянскому языку, играют главную интегрирующую роль. Итальянские инклюзивные школы обеспечивают дальнейшую поддержку образовательных инициатив, получения качественного и доступного образования. Популяризация итальянской культуры, науки и образования за рубежом, в том числе молодёжные обмены, способствует созданию позитивного имиджа страны, однако главный акцент сделан на многосторонние форматы взаимодействия в рамках Европейского союза.

Анализируя методы публичной политики Итальянской Рес-

публики, отечественные учёные могут разработать новые подходы к укреплению российской позиции в сфере образования и популяризации русского языка за рубежом. Возможно проведение аналогии с региональными миграционными процессами, наблюдаемыми на постсоветском пространстве, в частности, в республиках Центральной Азии. Многосторонние форматы сотрудничества в гуманитарной сфере в рамках СНГ, БРИКС, ШОС требуют большего внимания на фоне возросшей дискриминации русского языка и попыток отмены русской культуры. На базе полученных выводов Российская Федерация может модифицировать технологии, показавшие свою эффективность, и отказаться от существующих схожих стратегий, реализация которых оказывается нерентабельной в условиях нынешней политико-экономической турбулентности постковидного миропорядка.

ГЛАВА 5. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ИТАЛИИ

На протяжении нескольких столетий страны добивались своих внешнеполитических целей преимущественно путём военных конфликтов, однако со временем оказалось, что инструменты гибкого и несилового влияния могут демонстрировать не меньшую эффективность. В конце 1980-х гг. известный американский политолог Дж. Най концептуализировал это на уровне объяснительных моделей международной отношений в своей работе *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, где он противопоставляет политике ведения войн и экономического давления (объединяющиеся в «жёсткую силу») так называемую «мягкую силу», базирующуюся на достижении внешнеполитических целей путём добровольного участия, симпатии и привлекательности. При этом если ресурсами «жёсткой силы» являются мощный военный потенциал и сильная экономика, то инструментом «мягкой силы» является публичная дипломатия, выраженная через культуру, образование, язык и науку.

После выхода Великобритании из ЕС в 2019 г. Италия вошла в тройку европейских лидеров (вместе с Германией и Францией) по объёму ВВП. Важным инструментом её внешнеполи-

тической активности является именно «мягкая сила». Согласно рейтинговому журналу *Monocle*, в 2013 г. Италия впервые попала в десятку стран – лидеров по «мягкой силе», что отчасти можно объяснить уходом С. Берлускони⁸⁷, замешанного в нескольких политических скандалах, заметно подпортивших репутацию страны. Кроме этого, итальянские политики стали чаще возглавлять европейские институты. Так, с 2011 г. Центробанк ЕС возглавлял М. Драги (премьер-министр Италии в 2021–2022 гг.), а в 2014–2019 гг. пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности заняла Федерика Могерини.

Согласно шестиугольнику С. Анхольта, страну как бренд нации формируют 6 основных направлений – культура и наследие, туризм, экспорт, люди, госуправление (внутренняя и внешняя политика), иммиграция и инвестиции. Италия в целом сильна во всех направлениях, однако наиболее уязвимое положение складывается в сегменте внутренней политики. Это касается не только частой смены глав правительств, но и структурных проблем в экономике. Сильными направлениям, представляющими собой фундамент итальянской «мягкой силы» по общему признанию считаются культура, язык и искусство, туризм, бренд *Made in Italy*.

Италия стабильно занимает высокие позиции в рейтинге *Best Countries Report*, и этим она обязана прежде всего культурному влиянию (1-е место в 2021 г. по данному параметру) и туристической привлекательности (2-е место)⁸⁸. Одним из важнейших инструментов создания положительного имиджа является образование. Широко известен тот факт, что в Италии находятся старейшие университеты мира, итальянские вузы занимают высокие позиции в мировых рейтингах. Количество иностранных студентов в них постоянно растёт. Тем не менее Италия тратит лишь 3,9% ВВП на образование (меньше в ЕС тратят только Болгария, Ирландия и Румыния), выпускники вузов ис-

⁸⁷ Soft Power Survey 2013. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013> (дата обращения 15.10.2022).

⁸⁸ Рейтинг «Лучшие страны». URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/italy> (дата обращения 10.10.2022).

пытаются решить большие проблемы с трудоустройством и предпочитают искать работу за рубежом, а профессорско-преподавательский состав в итальянских университетах один из самых возрастных в Европе⁸⁹. Иначе говоря, потенциал высшего образования используется далеко не полностью, хотя оно является важной составляющей итальянской «мягкой силы». Вместе с тем общепризнанно, что инвестиции в образование не только позволяют проводить качественную модернизацию и повышать уровень технологического развития государства, но и способствуют распространению национальных культуры и языка за рубежом.

В 2017 г. МИД Италии и Министерство образования представили стратегический план по продвижению итальянского высшего образования за границей на 2017–2020 гг. В частности, итальянские университеты активно подписывали соглашения о сотрудничестве с иностранными вузами. Отдельно стоит выделить известную европейскую систему обменов студентами *Erasmus+*. Среди европейских государств Италия занимает 5 место по количеству приезжающих в страну студентов, и их количество постоянно растёт. Если в 2016–2017 гг. они составили 22 тыс., то в 2019–2020 их число достигло 96 тыс. чел⁹⁰. Хорошим примером сохранения и развития сотрудничества в сфере образовательной мобильности (в т.ч. по инициативе итальянской стороны), вопреки различным международным вызовам, можно считать связи итальянских и российских вузов. Как известно, события февраля – марта 2022 г. сильно осложнили пребывание российских студентов за рубежом, в т.ч. в Италии⁹¹. Тем не менее опрошенные нами в ходе исследования студенты НИУ ВШЭ, находившиеся в Италии весной 2022 г., отмечают доброжелательное отношение и готовность помочь со стороны университетской администрации и коллег по учебе. Так же и

⁸⁹ Исследование итальянской системы образования газеты «Република». URL: https://www.repubblica.it/cronaca/2021/10/05/news/universita_indagine_studenti_docenti_precariato_ricerca-320711998/ (дата обращения 12.10.2022).

⁹⁰ Статистические данные по иностранным студентам в Италии. URL: https://anagrafe.miur.it/php5/home.php?&anni=2018-19&categorie=cittadin&status=iscritti&tipo_corso=TT&&nav_citt=2 (дата обращения 12.10.2022).

⁹¹ Положение российских студентов в Италии. URL: <https://www.lindipendente.online/2022/05/23/gli-studenti-russi-in-italia-stanno-subendo-una-pesante-discriminazione/> (дата обращения 08.10.2022).

студенты, обучавшиеся в Италии во время пандемии, смогли завершить обучение по плану и, хоть и встречали бюрократические сложности, дают положительные комментарии об университетах и условиях пребывания.

Важнейшим каналом для продвижения итальянского языка и культуры за рубежом является сеть Итальянских институтов культуры, которых в мире насчитывается 84, два – в России (Москва и Санкт-Петербург). Институты культуры организуют курсы итальянского языка, проводят мероприятия, встречи, выставки, способствуют культурному диалогу и являются местом встречи тех, кто интересуется Италией. При этом стоит отметить, что институты, являясь частью дипломатического корпуса и подчиняясь общим директивам внешнеполитического ведомства, имеют некоторую свободу действия. Достаточно много зависит в данном случае от директора института. Но важно уточнить, что в самых крупных мировых столицах, в числе которых Москва, директором института культуры назначают человека, который не только говорит на языке страны, в которой ему предстоит работать, но и профессиональные интересы и достижения которого непосредственно связаны с соответствующей страной. К примеру, действующий директор Института культуры в Москве – Даниэла Рицци – является ординарным профессором русской литературы венецианского университета *Ca' Foscari* и широко известна как литературовед и специалист по славистике. Говоря о дипломатической активности в сфере образования именно в России, нельзя не упомянуть, что, кроме двух институтов культуры в Москве и Санкт-Петербурге, при Посольстве Италии есть должность атташе по культуре и отдел по культуре, науке и лингвистике.

Анализируя деятельность Итальянского института культуры в последние три года, которые были осложнены ограничениями в сообщении между странами в результате сложной санитарной и геополитической обстановки и санкций, можно заметить снижение активности и уменьшение количества проводимых мероприятий. Очевидно, что в период пандемии не проводились выставки и культурные встречи в закрытых помещениях. Однако работа института велась онлайн, продолжает функционировать

и пополняться библиотека, был создан новый сайт курсов итальянского языка и осуществляются проекты по переводу итальянской литературы на русский язык и изданию соответствующих книг. По-прежнему проводятся экзамены на международный сертификат *CILS*. На регулярной основе проводится и Неделя итальянского языка в мире, которая обычно посвящена какому-либо аспекту языка, культуры, литературы Италии (например, 700 лет со дня смерти Данте в 2021 г.) и в рамках которой проводятся выставки, конференции, встречи.

Очевидно, что эффективность работы институтов культуры зависит также от условий их работы на местах. Говоря о России, необходимо констатировать определённую разрозненность учреждений, в которых преподаётся итальянский язык. Проекту П.Р.И.Я.⁹² – программе по распространению итальянского языка в России, инициированной Отделом образования при Генеральном консульстве Италии в Москве, пожалуй, удалось объединить несколько основных школ, в которых преподаётся итальянский язык, и способствовать проведению олимпиады по итальянскому языку. Однако статус итальянского языка в России по ряду причин остаётся второстепенным. Несмотря на любовь россиян к Италии, язык этой страны уступает по количеству учащихся английскому, немецкому, испанскому и французскому. В ведущих университетах Российской Федерации преподаётся итальянский язык, но вряд ли можно говорить о существовании единого сообщества преподавателей итальянского языка. Существующие ассоциации нельзя назвать мощными профессиональными организациями, а проводимые конференции не всегда могут собрать участников, которые выработали бы единые принципы работы или существенно изменили бы ситуацию.

Образ Италии у иностранцев складывается и на основе учебников по итальянскому языку. Любопытно проанализировать пособия, подготовленные наиболее авторитетными итальянскими издательствами и используемые в т.ч. и в России. Вполне логично, что во всех учебных пособиях активно продвигаются итальянская кухня, достопримечательности, шедевры кинема-

⁹² Сайт программы П.Р.И.Я. URL: <https://www.programmapria.ru/index.php/ru/home-ru/about-ru> (дата обращения 12.10.2022).

тографа и музыки, известные бренды *Made in Italy* – как на иллюстрациях, так и в текстах, диалогах, видеоматериалах. Однако в последние годы наметились некоторые изменения: кроме традиционных культурных особенностей и черт итальянского (можно сказать, средиземноморского) стиля жизни, в учебниках стало появляться больше информации о Европейском союзе и Италии как одной из стран-основательниц, о европейских ценностях. К примеру, в последнем издании учебника *Progetto italiano*⁹³ в уроке, посвящённом различным видам спорта и известным итальянским спортсменам, появился раздел о параолимпиаде и итальянских параолимпийцах. В учебнике *Azione!*⁹⁴ один из уроков посвящён типичному дню слепого мужчины. Проблема мигрантов, одна из наиболее острых проблем современной Италии, обязательно рассматривается на страницах пособий для продвинутых уровней обучения, и авторы обращаются к итальянской истории, к тем временам, когда сами итальянцы массово эмигрировали в Америку или в другие страны Европы в поисках работы. Периодически в учебных пособиях появляются иллюстрации с фотографиями людей явно неевропейской внешности, и имена героев диалогов не типично итальянские, но такие случаи скорее редки. При этом существенно различаются по содержанию пособия, предназначенные для иностранцев, изучающих итальянский язык в Италии, особенно на курсах для мигрантов, от учебников для иностранцев за рубежом, которые не планируют переезжать в Италию.

Тема семьи, являющаяся базовой в культурном коде итальянцев, и её представление в учебниках также претерпевают изменения. Прежде всего они связаны с объективными тенденциями современной жизни, такими как увеличение числа разводов, снижение рождаемости, сложности при совмещении работы и семьи, неискоренимой разницей между севером и югом Италии. Однако, например, такой аспект, как однополые браки или суррогатное материнство либо полностью игнорируются учебниками, либо появляются в них эпизодически. Пожалуй, можно утверждать, что это соответствует восприятию данной

⁹³ Marin T. *Progetto italiano 1*. Firenze: Edilinga, 2020.

⁹⁴ Turra E. *Azione!* Torino: Loescher editore, 2017.

темы в Италии, где только в самые последние годы эта тема стала более широко и противоречиво обсуждаться (яркий пример – законопроект Дзана о противодействии гомофобии, который вызвал скандал, но так и не был принят итальянским сенатом в октябре 2021 г.⁹⁵).

Система образования, будучи вписанной в общую политику продвижения Италии за рубежом, не является единственным каналом продвижения. В 2011 г. МИД Италии разработал концепцию *La nuova Farnesina per il Sistema Paese*, направленную на продвижение Италии как национального бренда за границей и повышение её международного имиджа. Ключевым институтом реализации этой концепции стала созданная в этом же году Генеральная дирекция (при МИД Италии) по продвижению концепции «Система – Страна».

В улучшении международного имиджа и в распространении итальянской культуры были задействованы и другие государственные и негосударственные структуры: Министерство культурного наследия, культурной деятельности и туризма, Министерство экономического развития и его вспомогательный орган – Институт внешней торговли Италии, а также Правительственный совет по туризму Италии и известное общество Данте Алигьери.

Спустя год при совместной работе двух итальянских министерств (иностраннных дел и экономического развития) была проведена масштабная программа «*Exhibitaly* – Итальянское совершенство сегодня. Традиции и инновации», ставшая одной из успешных проектов публичной дипломатии по продвижению итальянской культуры и улучшению репутации страны на мировой арене. На выставке особое внимание было уделено продукции *Made in Italy*, которую порой вычленяют из культурного аспекта, делая независимой и важной составляющей «мягкой силы» Италии⁹⁶.

Made in Italy – визитная карточка итальянской культуры.

⁹⁵ Сенат Италии отклонил закон о защите ЛГБТ. URL: <https://rg.ru/2021/10/28/senat-italii-otklonil-zakon-o-zashchite-lgbt.html> (дата обращения 10.11.2022).

⁹⁶ Сайт Посольства Италии в Москве. URL: https://ambmosca.esteri.it/ambasciata_mosca/ru/ambasciata/news/dall-ambasciata/2012/09/inaugurazione-manifestazione-exhibitalia.html (дата обращения 12.10.2022).

Развитие этого бренда началось в 1950–1960-х гг. с расцвета итальянской моды. Одновременно шло динамичное развитие области дизайна и производства мебели и фурнитуры, Италия превратилась из аграрно-индустриальной страны в одну из самых индустриализированных в мире, что со временем позволило подвинуть французских конкурентов, которые долгие годы занимали лидерские позиции. Несомненным вкладом бренда *Made in Italy* является развитие и укрепление деловых и экономических связей с другими странами и их компаниями. Как отмечается на сайте МИД Италии⁹⁷, в последние годы становится всё более заметной тесная связь между итальянским языком и брендом *Made in Italy*. Итальянский язык является вторым по частоте использования на торговых вывесках во всём мире, в т.ч. в отраслях экономики, не являющихся традиционными для Италии. Это демонстрирует, насколько итальянский язык нравится людям, поскольку ассоциируется в коллективном сознании с уникальностью товаров и изделий, производимых в Италии.

Для россиян *Made in Italy* играет огромную роль. Речь идёт и о торгово-промышленном сотрудничестве, и о восприятии Италии через итальянские товары и бренды, которые во все времена были символом качества, красоты и удовольствия. Не углубляясь в экономический аспект итало-российского сотрудничества, нельзя не отметить большое значение, которое придают культурным связям итальянские предприниматели и бизнесмены, работающие в России, вовлечённые в российскую действительность и понимающие отношение россиян к Италии. Приведём два примера. Президент ассоциации «Познаём Евразию», председатель совета директоров АО «Банк Интеза» профессор Антонио Фаллико традиционно поддерживает литературную премию «Радуга»⁹⁸, которая учреждена в 2010 г. Литературным институтом имени А.М. Горького и веронской некоммерческой ассоциацией «Познаём Евразию» и имеет целью поощрение

⁹⁷ Сайт Министерства иностранных дел Италии. URL: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cultura/promozionelinguaitaliana/> (дата обращения 12.10.2022).

⁹⁸ Литературный конкурс «Радуга». URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/07/podvedeny-itogi-rossijsko-italianskoj-premii-raduga> (дата обращения 09.10.2022).

творчества молодых итальянских и российских писателей и переводчиков, открытие новых имён в литературе, укрепление российско-итальянских культурных связей. В своём выступлении на вручении премии в 2022 г. господин Фаллико отмечал невозможность отмены российской культуры и важность письменного слова.

Другим примером готовности итальянских предпринимателей укреплять двусторонние связи через инструменты культуры может послужить концерт, организованный Российским союзом промышленников и предпринимателей и Ассоциацией итальянских предпринимателей в России на фабрике компании ДКС в Твери 23 сентября 2022 г. Как прокомментировал это событие в дискуссии⁹⁹ клуба «Валдай» президент упомянутой Ассоциации Витторио Торрембини, культура помогает сохранить связи между людьми, чтобы потом, когда появится возможность, возобновить и деловые отношения.

На наш взгляд, данные примеры указывают на огромную роль культуры для всех сфер жизни, взаимосвязь культурной и деловой сферы, а также на то, что образование не всегда означает процесс, происходящий в специализированных учебных заведениях в традиционно понимаемом смысле, но и может находить другие формы проявления.

С образованием и культурой тесно связан и туристический сектор, который является значимым элементом не только экономики Итальянского государства, но и итальянской «мягкой силы». Согласно отчёту за 2018 г., доходы от туризма составили около 9% всего ВВП страны и дали 10% занятости населения (2,2 млн рабочих мест), что на международном уровне является весьма внушительными показателями. За 2019 г. *ISTAT* сообщает о 65 млн туристов, посетивших Италию (около 10 млн из них – немцы). Если говорить о цифрах, то в Италии находится 60 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (1 место в мире) и около 5 тыс. музеев. В плане культурной привлекательности Италия имеет несомненное преимущество¹⁰⁰. Однако туризм в

⁹⁹ Сайт дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/own/diskussiya-pravaya-italiya/> (дата обращения 13.10.2022).

¹⁰⁰ Сайт ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/node/223732> (дата обращения 12.10.2022).

Италии имеет ряд структурных проблем, связанных с низкой конкурентоспособностью сервисной инфраструктуры и недостаточно эффективным управлением отраслью.

Для повышения конкурентоспособности Министерство туризма в 2013 г. разработало Национальный стратегический план «Итальянский туризм 2020: лидерство, работа, юг». План подразумевал создание новых рабочих мест и ещё большее увеличение доли туристического сектора в экономике страны. Помимо этого плана, существенную роль в развитии туризма играет Национальное агентство по туризму. Однако годы пандемии и резкое изменение международной ситуации в последние годы негативно повлияли на реализацию указанных выше задач. Вероятно, они займут не последнее место в списке вызовов для нового правительства Дж. Мелони.

Таким образом, система образования является важнейшим каналом реализации «мягкой силы» Италии и тесно связана с другими сферами, такими как туризм, промышленность, торговля. В периоды геополитической нестабильности культура приобретает ещё большее значение для сохранения существующих связей и поддержания контактов в политической и экономической сферах, что демонстрируют текущие российско-итальянские отношения. Потенциал дальнейшего расширения сотрудничества двух стран в сфере образования, культуры, распространения итальянского языка велик и, вероятно, будет использован, что обеспечит и «мягкий перелив» в возвращение прежних уровней экономического сотрудничества.

ГЛАВА 6. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРОВ

Пандемия коронавируса *Covid-19*, которая способствовала ускоренной цифровизации всех процессов в обществе, бизнесе и государстве, стимулировала и существенный рост количества пользователей социальных сетей, а также времени, затрачиваемом на их использование во всём мире. Сегодня соцсети становятся важнейшими инструментами влияния на политическую

повестку дня на глобальном, региональном и местном уровнях. Традиционно исследования информационной повестки дня были сконцентрированы на влиянии СМИ на общественное мнение¹⁰¹, но в условиях цифровой революции и повсеместного распространения соцсетей появляются работы, которые посвящены этому новому феномену и его политическому значению¹⁰². Под влиянием масштабной цифровой трансформации существенно изменилась дипломатическая практика. Цифровая дипломатия стала важнейшим направлением дипломатической практики, при этом под цифровой дипломатией прежде всего понимается использование соцсетей в дипломатической практике. В современных условиях, однако, трактовка данного феномена расширяется и включает в себя также вопросы международно-политических инициатив, направленных на выработку правил регулирования глобального информационного пространства, важнейшей составляющей которого и являются социальные сети.

Под социальными сетями понимаются сетевые сервисы, предназначенные для электронной коммуникации в интернете, которые позволяют пользователям распространять и обмениваться информацией (текстовой, фото и видео) и идеями в рамках онлайн-сообществ. Наиболее популярные социальные сети включают в себя *SnapChat*, *WhatsApp*, *Telegram*, *TikTok* и другие. Значительная часть из них – это американские компании, но не только. Например, страна базирования *TikTok* – Китай. Самые популярные социальные сети в России – *Telegram*, *Vkontakte*, *Odnoklassniki*.

Политическое значение социальных сетей определяется не только количеством пользователей, но и их широким использованием дипломатами и политическими лидерами (данный феномен получил название «цифровой дипломатии»). Пандемия

¹⁰¹ См. напр.: Wanta W., Golan G., Lee C. Agenda setting and international news: Media influence on public perceptions of foreign nations // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2004. Vol. 81. №2. P. 364-377.

¹⁰² Meraz S. Is there an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // *Journal of computer-mediated communication*. 2009. Vol. 14. №3. P. 682-707; Feezell J. T. Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era // *Political Research Quarterly*. 2018. Vol. 71. №2. P. 482-494 и др.

коронавируса существенно увеличила присутствие политических лидеров в социальных медиа и интенсифицировала обмен информацией между ними, а также их взаимодействие с широким кругом пользователей социальных сетей¹⁰³.

Главной особенностью социальных сетей по сравнению с традиционными СМИ является возможность создания пользователями информационного контента, которым они могут обмениваться между собой. Более того, пользователи социальных сетей не являются пассивными подписчиками и читателями, социальные сети позволяют им давать обратную связь при помощи хэштегов или прямо отвечать на сообщения политических деятелей, комментируя их. Кроме того, возможность мгновенной коммуникации и распространения информации в социальных сетях ускоряет новостной цикл и позволяет событиям и сообщениям становится «вирусными», расширяя их охват.

Все эти особенности обуславливают появление новых форматов политического влияния в социальных сетях, которые используют не только великие державы, но и другие акторы мировой политики, в том числе индивидуальные пользователи.

Особенностью социальных сетей является и то, что в отличие от традиционных СМИ, они позволяют читателям самостоятельно выбирать информацию, что, в свою очередь, способствует фрагментации аудитории. Следует отметить, что политический эффект социальных медиа выше в отношении тех пользователей, которые традиционно не проявляют интереса к политике, в т.ч. международной, в силу того, что у неё нет сформированного отношения к политическим событиям, что доказали эмпирические исследования политической дискуссии¹⁰⁴.

Управление тем, какие точки зрения доносятся до широкой публики, может либо использоваться с целью интеграции общества, распространяя взгляды, которые способствуют укреплению единства, или же усиливать существующие культурные различия.

¹⁰³ Twiplomacy Study 2020. URL: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2020/> (дата обращения 12.10.2022).

¹⁰⁴ Feezell J. T. Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era // Political Research Quarterly. 2018. Vol. 71. №2. P. 482-494.

Т. Зейтсофф выделяет следующие особенности современных интернет-коммуникаций, которые позволяют блогерам и интернет-сообществам оказывать существенное политическое влияние, в том числе на уровне глобальной повестки дня:

1. социальные медиа снижают издержки в ходе коммуникации, в том числе на транснациональном уровне;

2. повышается скорость обмена и распространения информации на глобальном уровне;

3. социальные медиа меняют характер стратегического взаимодействия между государственными и негосударственными акторами;

4. данные, передаваемые по каналам социальных медиа, не только представляют собой важный ресурс влияния для государств и негосударственных акторов, но и меняют природу информации, доступной для различных участников конфликта, трансформируя природу конфликтов¹⁰⁵.

Яркий пример информационного влияния на политическую повестку дня – *WikiLeaks*. Сам по себе факт кражи секретных документов не является новым инструментом в борьбе за политическое влияние, но в условиях информационной революции стала возможной мгновенная публикация подобных документов и донесение их содержания до самой широкой аудитории, кроме того, возможно постоянное пополнение их списка на уже популярной площадке. Таким образом, *WikiLeaks* представляет собой информационную площадку, которая открывает для различных акторов мировой политики, государственных и негосударственных, возможности влияния на мировую политическую повестку дня.

Следует отметить, что такие технологии, как Интернет и социальные медиа, способствовали не только появлению возможности каждого «быть услышанным», но и развитию технологий слежения и усилению государственного контроля в информационном пространстве. Сегодня великие державы являются наиболее активными субъектами цифровой дипломатии в рамках социальных сетей и наиболее влиятельными акторами глобаль-

¹⁰⁵ Zeitzoff T. How social media is changing conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61. №9. P. 1970-1991.

ного информационного общества.

Несмотря на то что государства вынуждены считаться с всё большим числом негосударственных акторов, которые приобретают влияние в т.ч. за счёт ИКТ, они остаются наиболее влиятельными игроками в глобальном информационном пространстве. В этих условиях успех информационной политики негосударственных акторов, включая блогеров и НКО, чьи ресурсы влияния в области глобальной политики связаны с информацией, зависит от взаимодействия с государствами.

Цифровая дипломатия позволяет государственным акторам в максимально короткие сроки доносить свою позицию до многомиллионной зарубежной аудитории с минимальными издержками, мгновенно получать ответную реакцию общественности и гибко реагировать, изменяя содержание своей дипломатической деятельности¹⁰⁶. Сегодня дипломатические ведомства управляют целыми «империями» социальных сетей. Послы при ООН используют *WhatsApp* и т.п. для координации голосования по различным вопросам повестки дня организации, а пресс-атташе государств при международных организациях публикуют информацию о международных договорённостях на своих страницах в социальных сетях и используют их для общения с журналистами¹⁰⁷. Цифровая дипломатия применялась во время переговоров по ядерной сделке с Ираном в 2013–2015 гг.¹⁰⁸, после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.¹⁰⁹, а затем во время пандемии *Covid-19*¹¹⁰. Весной 2020 г. был проведён ряд виртуальных встреч на высшем уровне с использованием средств видеоконференцсвязи лидеров «Группы двадцати», ООН, БРИКС.

Согласно статистике ЮНКТАД за 2021 г., наибольшие ин-

¹⁰⁶ Подберезкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36-54.

¹⁰⁷ Manor I. Digitalization of public diplomacy. Springer, 2019.

¹⁰⁸ Duncombe C. Twitter and the challenges of digital diplomacy // SAIS Review of International Affairs. 2018. Vol. 38. №2. P. 91-100.

¹⁰⁹ Bjola C., Pamment J. Introduction: the «dark side»of digital diplomacy // Countering Online Propaganda and Extremism. Routledge, 2018. P. 1-10.

¹¹⁰ Bramsen I., Hagemann A. The missing sense of peace: diplomatic approachment and virtualization during the COVID-19 lockdown // International Affairs. 2021. Vol. 97. №2. P. 539-560.

вестиции в развитие цифровых платформ и сопутствующих технологий на сегодняшний день выделяют на уровне государства и частного бизнеса два крупнейших центра влияния – США и Китай. На эти два государства приходится 90% рыночной капитализации всех цифровых платформ и социальных сетевых сервисов, они же контролируют большую часть рынка облачных хранилищ информации, необходимых для работы современных социальных сетевых сервисов¹¹¹. Эти же две страны, опираясь на национальные платформенные решения, сегодня активно используют социальные сети как инструменты публичной политики и цифровой дипломатии.

США располагают наибольшими ресурсами для осуществления подобной деятельности, а именно: 700 правительственными официальными страницами на разных языках мира, количество читателей которых составило 89,6 млн человек на 2014 г.¹¹² При этом акценты в рамках современной кибердипломатии США смещаются: это не только донесение официальной точки зрения в соцсетях до широкой международной аудитории, распространение своих ценностей и формирование позитивного образа США на международной арене. Важной составляющей становится выработка правил управления информационным пространством, частью которого и являются соцсети. Особо следует отметить функционирование в рамках Государственного департамента США Бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики, основной целью работы которого обозначена «деятельность в киберпространстве и цифровая дипломатия, направленная на установление правил ответственного поведения государств в киберпространстве и поддержка политики, направленной на поддержание целостной и безопасной инфраструктуры Интернета, продвижение интересов США, обеспечение конкурентоспособности и распространение демократических ценностей»¹¹³. Факт создания Бюро в апреле 2022 г. подтверждает, что

¹¹¹ UNCTAD Digital Diplomacy Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2021> (дата обращения 12.10.2022).

¹¹² Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36-54.

¹¹³ Bureau of Cyberspace and Digital Policy. URL: <https://www.state.gov/bureau->

США делают акцент не только на продвижении своей позиции посредством использования социальных сетей как инструмента цифровой дипломатии, но и на выработке на международном уровне правил регулирования глобального информационного пространства, с тем чтобы институционально закрепить лидерство США как в области цифровой дипломатии, так и в сфере управления Интернетом и не допустить усиления влияния Китая и бизнеса, базирующегося в КНР, в данной области.

Цифровая дипломатия КНР тоже ориентирована на широкую международную аудиторию, однако в силу западноцентричного характера многих социальных сетей внешнеполитический дискурс КНР в меньшей степени представлен на информационных площадках. При этом следует отметить быстрый рост соцсетей, в частности, *TikTok*, принадлежащей китайской компании *ByteDance*, которая сегодня является важнейшим инструментом и каналом для цифровой дипломатии Китая. При этом в самом Китае популярны национальные соцсети, в частности, *Weibo*, в силу чего в своей цифровой дипломатии и публичной политике Китай в большей степени ориентирован на их использование. Для обозначения данного феномена используется специальный термин – *Weiplomacy*. В апреле 2011 г. МИД Китая создал свою первую учётную запись в социальной сети – Управление публичной дипломатии [*@外交小灵通*] – на *Weibo*. Его цель – «популяризировать концепцию публичной дипломатии, представить национальные условия и идеи Китая, а также интерпретировать политику и защиту Китая». Чуть позже, в 2013 г., были запущены и официальные страницы МИД Китая в западных социальных сетях. Долгое время данному направлению публичной дипломатии Китая – то есть использованию западных соцсетей для взаимодействия с зарубежной аудиторией – не уделялось существенного внимания. Ситуация несколько изменилась в 2019 г., когда торговое противостояние США в отношении Китая вышло на новый уровень. Китай стал более активно продвигать свои ценности и формировать позитивный образ страны с использованием соцсетей, в т.ч. ориентированных на за-

offices/deputy-secretary-of-state/bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/ (дата обращения 12.10.2022).

падную аудиторию¹¹⁴.

В целом на современном этапе наметилась фрагментация глобального информационного пространства и укрепление суверенитета государств в данной области. В этом контексте государства усиливают свой контроль над дискурсом в социальных медиа и выступают в качестве основных, наиболее влиятельных субъектов современной цифровой дипломатии. Феномен фрагментации создаёт возможности и сложности при проведении традиционной информационной работы в зарубежных государствах через социальные сети. Сегодня все государства столкнулись с необходимостью обращаться не ко всей аудитории национального государства, а к каждому отдельному сообществу, например, к защитникам прав человека, или патриотам, или противникам вакцинации и проч., причём с разными оценочными суждениями¹¹⁵.

Можно согласиться с М. Кастельсом, который полагает, что самый важный источник влияния в сегодняшнем мире – трансформация человеческого сознания. Медиа, в т.ч. соцсети, являются важнейшими источниками сообщений и образов, которые оказывают влияние на сознание людей¹¹⁶. Формирование дискурса и смыслов, влияние на политическую повестку дня в глобальной информационной сфере в значительной степени осуществляется в рамках политической коммуникации в социальных сетях. В их руках оказываются инструменты политического влияния, в т.ч. на глобальную политическую повестку дня.

При этом важно отметить, что на современном этапе использование соцсетей как инструмента цифровой дипломатии воспринимается уже не только как инструмент «мягкой силы», но и как фактор давления на международной арене, становится важной частью межгосударственной конкуренции и конфлик-

¹¹⁴ Huang Z. A., Wang R. Exploring China's digitalization of public diplomacy on Weibo and Twitter: A case study of the US–China trade war // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. №2021. P. 1912-1939.

¹¹⁵ Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 15. №2. С. 174-196.

¹¹⁶ Кастельс М. *Власть коммуникации*. М: ИД НИУ ВШЭ, 2015. С. 45.

тов. Кроме того, можно выделить специфические вызовы информационного пространства, с которыми сталкивается современная цифровая дипломатия – это сфальсифицированные новости, которые стали заметными в 2020 г., когда для распространения ложной информации о болезни даже был предложен специальный термин – инфодемия. В условиях специальной военной операции России на Украине цифровые инструменты используются странами Запада в целях информационного противоборства, что создаёт новые вызовы и угрозы международной безопасности, причём не только в информационном пространстве, но и в аналоговом мире.

При этом Россия является влиятельным центром силы в глобальном информационном пространстве, а также активно использует социальные сети как инструмент цифровой дипломатии и «острой силы» (новое понятие, которое отражает проактивное использование инструментов цифровой дипломатии в рамках стратегической коммуникации). Начало активного использования соцсетей в российской дипломатией датируется 2011 г., и с тех пор она стала одним из лидеров на данном направлении. Однако в современных условиях масштабной информационной кампании, развёрнутой странами Запада против России, цифровая дипломатия изменяет акценты и в большей степени направлена на участие в выработке правил ответственного поведения государств в информационном пространстве с тем, чтобы решить проблему дезинформации, использования соцсетей как инструмента современного информационного противоборства.

Ситуация усугубляется тем, что на международном уровне отсутствуют международно-признанные нормы, регламентирующие развитие и использование цифровых инструментов в рамках внешней политики, межгосударственной конкуренции или противоборства. В этих условиях особенно востребованной оказывается выработка правил поведения государств в глобальном информационном пространстве, в т.ч. в области использования социальных сетей как инструментов цифровой дипломатии. С этими инициативами российская дипломатия выступает с 1998 г.

ГЛАВА 7. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ МИД ИТАЛИИ

В последние годы электронная дипломатия становится одним из ключевых внешнеполитических инструментов, обладающих широким функционалом. Социальные сети становятся новым «полем игры», на котором сотрудники внешнеполитических ведомств могут одновременно обеспечивать коммуникацию между лидерами стран, представлять официальную позицию аккредитуемых государств по различным вопросам, взаимодействовать не только с элитами, но и широкими слоями населения. Интернет-пространство также используется дипломатическими учреждениями для воплощения на практике потенциала «мягкой силы» – развитие новых технологий позволяет транслировать неполитические и неэкономические идеи с меньшими издержками на более широкую аудиторию.

Реализация последней функции электронной дипломатии также характерна и для Итальянской Республики, институты которой активно используют соцсети для целей публичной дипломатии. Официальный Рим, применяющий данный внешнеполитический инструмент, стремится установить и закрепить своё лидерство в географически близком Черноморско-Средиземноморском регионе, намереваясь сформировать позитивный образ благодаря использованию мягкой силы. Социальные сети представляются наиболее эффективным и наименее затратным способом для достижения данной цели.

Современная дипломатическая служба претерпевает существенные изменения и выходит за рамки, сформулированные Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. Согласно данному документу, дипслужба призвана обеспечить коммуникацию между государствами, являющимися основополагающими акторами международных отношений, а также должна реализовываться на уровне политических элит¹¹⁷. Тем не менее на момент юридического закрепления данных положений мир ещё не вступил в активную фазу развития интеграционных

¹¹⁷ Венская конвенция о дипломатических сношениях. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения 11.10.2022).

объединений, активного вовлечения негосударственных акторов в мировую политику, в то время как поствестфальский суверенитет только начинал складываться.

Данные процессы оказали существенное влияние на дипломатическую службу, поскольку привели к возникновению и использованию новых практик осуществления диалога, который перестал осуществляться исключительно на межгосударственном уровне. В научном дискурсе под набором подобных форм взаимодействия понимается «антидипломатия»¹¹⁸. Включённые в данное понятие стратегии коммуникации практически не регламентируются официальными документами, могут реализовываться без осуществления традиционных переговоров между лидерами государств или главами внешнеполитических ведомств, но продолжают оказывать влияние на поведение государств на мировой арене¹¹⁹. Необходимо отметить, что антидипломатия не противопоставляется классической дипломатии, которая регламентируется Венской конвенцией 1961 г., а является её дополнением, позволяя решать новые задачи более эффективным способом.

Нетрадиционные дипломатические практики носят всеобъемлющий характер и затрагивают различные аспекты деятельности как внешнеполитических ведомств, так и других институтов, функционирующих на мировой арене. В рамках проводимого исследования особый интерес для нас представляют публичный и электронный форматы дипломатии, так как для их реализации зачастую используются социальные сети – данное положение справедливо и для официальных Интернет-аккаунтов Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии и его представительств, работающих в государствах Черноморско-Средиземноморского региона.

Использование **публичной дипломатии** является одним из

¹¹⁸ Der Derian J. Anti-diplomacy, intelligence theory and surveillance practice // *Intelligence and National Security*. 1993. Vol. 8. Iss 3. P. 29-51; Hall I. *Diplomacy, anti-diplomacy and international society* // *The anarchical society in a globalized world*. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 141-161; Zurita A.V. *Reinterpretando la Diplomacia de los Pueblos* // *Trabajos y*. 2013. P. 22. и др.

¹¹⁹ Торреальба А.А. Антидипломатия: модели, формы, методы, примеры и риски. 2018. С. 13.

примеров неравноценной коммуникации, поскольку она не предполагает взаимодействие между равными в юридическом плане игроками. Данная практика направлена на обеспечение диалога «между одним государством и населением другой страны ... с целью оказания влияния на его общественное мнение и в конечном счёте на процесс выработки внешнеполитических решений»¹²⁰. С одной стороны, применение внешнеполитическими ведомствами данного инструмента позволяет сформировать позитивный имидж страны в зарубежном сообществе, которая готова к сотрудничеству с обычными гражданами, не связанными с политической сферой. С другой – данная политика может вызвать недоверие со стороны зарубежных дипломатических служб по тем причинам, что а) они могут оказаться неосведомлёнными о характере контактов своего населения с иностранными игроками, и б) официальные каналы коммуникации оказываются irrelevantными при осуществлении межгосударственного диалога.

Реализация публичной дипломатии возможна посредством проведения различных мероприятий: выставок картин, скульптур, фотографии, организации языковых курсов, кинематографических, театральных, литературных, музыкальных, кулинарных фестивалей и т.д. Их медийное освещение оказывается возможным благодаря деятельности национальных и зарубежных СМИ, а также использованию государственными ведомствами социальных сетей – применение последних ведёт к актуализации инструмента **электронной дипломатии**.

Взаимодействуя с социальными сетями, внешнеполитические ведомства могут использовать три основные стратегии: игнорирование, содержание и использование¹²¹. Первые два формата оказываются наименее продуктивными в силу следующих причин. Во-первых, скорость обмена данными посредством Интернет-технологий и одновременный отказ внешнеполитических ведомств от попытки формирования собственной повестки в данном информационном потоке автоматически не позволяет дип-

¹²⁰ Lebedeva O. Russian Public Diplomacy: Historical Aspects // Russia's Public Diplomacy – Evolution and Practice. Springer International Publishing, 2020. P. 27-43.

¹²¹ Sharp P. Diplomacy in the 21st century: A brief introduction. Routledge, 2019. P. 76.

ломатическим службам оказывать влияние на других акторов на мировой арене. Во-вторых, на страницах в соцсетях, которые не аффилированы с министерствами иностранных дел и их подразделениями и, следовательно, контролируются частными лицами, могут публиковаться материалы в искажённой форме, что препятствует реализации целей, поставленных руководством государства и лежащих в плоскости взаимодействия с зарубежной целевой аудиторией. Наиболее выгодной стратегией работы для внешнеполитических ведомств и дипучреждений, работающих за рубежом, становится создание собственных страниц в соцсетях, в то время как возможности электронной дипломатии снижают степень кулуарности дипломатического искусства и делают его более доступным для большинства граждан¹²².

Социальные сети могут одновременно использоваться при реализации как публичной, так и электронной дипломатии. Применяя данный метод, внешнеполитические ведомства обеспечивают коммуникацию между различными государствами или политическими элитами, а также содействуют продвижению «мягкой силы» на мировой арене. Расположение соцсетей на стыке двух практик неклассической дипломатии превращает их в инструмент, который современные министерства иностранных дел не могут ни игнорировать, ни отдавать контроль над ними третьей стороне.

Присутствие дипломатических учреждений Итальянской Республики в различных социальных сетях

Согласно официальной позиции МИД Италии, социальные сети используются внешнеполитическим ведомством и его учреждениями для повышения прозрачности и осведомлённости населения, как итальянского, так и зарубежного, о его деятельности. Основным контентом являются фотографии, видео, пресс-релизы, а также текстовая информация об услугах и деятельности Министерства – данные материалы должны представлять общественный интерес и оказываться полезными для широкой аудитории¹²³. Подобная позиция свидетельствует о том,

¹²² Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политике // Вестник МГИМО-университета. 2014. №6(39). С. 53-60.

¹²³ Social Media Policy. URL https://www.esteri.it/it/sala_stampa/socialfarnesina/social-media-policy/ (дата обращения 14.10.2022).

что внешнеполитическое ведомство Италии на доктринальном уровне признаёт важность использования социальных сетей для защиты интересов Республики и считает необходимым продвигать собственную повестку на данных площадках, не возлагая данную ответственность на третью сторону, не аффилированную с государством.

В своей деятельности Министерство иностранных дел и международного сотрудничества Итальянской Республики, а также её представительства, функционирующие в различных государствах, активно используют различные социальные сети. Чаще всего ведомствами используются *Facebook*, *Twitter*, *YouTube*, *Instagram*¹²⁴, реже – *Flickr*, *LinkedIn*, а также отдельные приложения, которые пользуются популярностью или являются единственными в отдельных странах – как это происходит в случае посольства, консульств и итальянских институтов культуры, расположенных в КНР и имеющих страницы в *Weibo* или *Wechat*.

Наиболее ценными, с точки зрения реализации публичной дипломатии Апеннинского полуострова в цифровом пространстве, на наш взгляд, являются *YouTube* и *Instagram*. Во-первых, основная информация, которая публикуется в данных соцсетях, является мультимедийной, т.е. может быть представлена в виде фотографий и видео различной продолжительности. Она позволяет целевой аудитории получить первичные сведения о культуре Италии, её ценностях и достижениях в многочисленных областях «низкой политики»¹²⁵. Во-вторых, ключевым содержанием страниц учреждений МИД Италии в *Facebook* и *Twitter*, как правило, являются новостные и информационные сводки, затрагивающие текущую внешнеполитическую активность официального Рима и взаимодействие с другими государствами, в то время как распространение «мягкой силы» не становится первоочередной задачей в данных медиа-пространствах. Следовательно, наиболее релевантным представляется анализ присутствия Министерства и его учреждений в *Instagram* и *YouTube*.

¹²⁴ *Facebook*, *Instagram*, *Twitter* заблокированы на территории Российской Федерации.

¹²⁵ «Низкая политика» включает экономические, социальные и культурные вопросы, решение которых не связано напрямую с обеспечением выживания государства.

Деятельность МИД Италии в странах Черноморско-Средиземноморского региона осуществляется посредством работы сети посольств, консульств, а также итальянских институтов культуры. Ключевую роль в применении публичной дипломатии играют именно последние учреждения, в то время как ведомства, ответственные за политическое и экономическое взаимодействие, как правило, публикуют информацию о состоянии межгосударственных отношений, официальных визитах, возможностях визового оформления и так далее. Тем не менее в отдельных случаях посольства и консульства также могут быть задействованы в реализации публичной дипломатии с помощью соцсетей. Например, все три типа перечисленных выше учреждений в той или иной форме отреагировали на знаковые события для итальянской культуры: 100 лет с рождения режиссёра Федерико Феллини в 2020 г. и 700 лет со дня смерти поэта Данте Алигьери – на официальных страницах были сделаны анонсы о ретроспективе фильмов и литературных вечеров, а также опубликованы видеолекции¹²⁶.

Ведомства МИД крайне редко обращаются к *YouTube* как инструменту воплощения публичной дипломатии на практике. В среднем число подписчиков страниц посольств, консульств и итальянских институтов культуры не превышает 271 человека, а объём материала – 78 видео. В свою очередь, *Instagram* оказывается более популярной соцсетью, которая активно используется итальянскими дипучреждениями для реализации публичной дипломатии: средний охват аудитории составляет около 2911 пользователей, а среднее количество комментариев, опубликованных в рассматриваемый период – 372, что существенным образом превышает аналогичные показатели у *YouTube*. При этом важно отметить, что значительная часть материалов оказалась представлена на официальных страницах подразделений МИД именно в период, когда его возглавлял Луиджи Ди Майо. Так, доля фотографий и видео, опубликованных на различных стра-

¹²⁶ См. Dante Alighieri – Itinéraires autour d'un poète: Entretien avec Gianfranco Brunelli. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T99qw8RzNdM> (дата обращения 14.10.2022); MASTERCLASS | Federico Fellini. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5k6OCrmFhKU> (дата обращения 14.10.2022).

ницах в *Instagram*, варьируется от 46 до 100%, а аналогичные по-казатели для *YouTube* колеблются от 22 до 100%.

Тем не менее существует ряд проблем, которые препятствуют МИД Италии эффективно реализовывать задачи публичной дипломатии в медиа-пространстве Черноморского-Средиземноморского региона. Во-первых, не все дипломатические учреждения МИД Итальянской Республики, действующие на территории стран данного региона, имеют официальные страницы в *Instagram* и *YouTube*. Например, ряд ведомств не представлен ни в одной из указанных соцсетей, что негативным образом сказывается на распространении «мягкой силы» Апеннин среди зарубежного населения. Так, в медиа-пространстве не существуют страницы посольств, находящихся в Ливане и Боснии и Герцеговине, ряда консульств, действующих на территории России, Франции, Кипра, Турции и др., а также различных институтов культуры.

Во-вторых, частота публикации новых записей на отдельных страницах остаётся крайне низкой или носит спорадический характер: так, из 43 профилей и 36 каналов зарубежных представительств МИД в *Instagram* и *YouTube* неактивными являются 6 и 19 соответственно. Подобный результат блокирует возможность работы с целевой аудиторией и препятствует продвижению интересов и ценностей Италии за счёт применения «мягкой силы» в отдельных странах.

Однако главным недостатком деятельности МИД Италии в данном вопросе оказываются те задачи, которые преследует руководство внешнеполитического ведомства при ведении различных страниц в соцсетях. Де-факто комментарии и видео, публикуемые в *Instagram* и *YouTube*, осуществляют информационную функцию, сообщая подписчикам и пользователям новости о проведении различных мероприятий в очном формате: художественных и скульптурных выставках, кинопоказах, гастрофестивалях и так далее. Иными словами, соцсети играют вторичную роль в вопросе реализации публичной дипломатии, а их использование призвано лишь обеспечить медийное сопровождение отмеченных выше событий.

Как следствие, в 2020 г., когда мир столкнулся с распростра-

нением коронавируса, активность дипучреждений Италии в странах Черноморско-Средиземноморского региона была на достаточно низком уровне, поскольку многие мероприятия в области продвижения «мягкой силы» Апеннинского полуострова были отменены из-за ковид-ограничений. Но уже после их частичного снятия в 2021 г., позволившего посольствам и итальянским институтам культуры снова проводить выставки и фестивали, ведомства МИД снова вернулись к активной деятельности в соцсетях: в *Instagram* и *YouTube* количество публикаций увеличилось на 156 и 53% соответственно.

Незначительный рост активности *YouTube* после преодоления активной фазы пандемии объясняется двумя причинами. С одной стороны, это связано с уже упомянутой низкой популярностью данной социальной сети как инструмента публичной дипломатии. С другой – *YouTube* оказался более удобной платформой, на которой возможно выкладывать записи с онлайн-мероприятий, ставших популярными в первые волны распространения коронавируса, и тем самым поддерживать даже незначительную активность дипломатических учреждений в Интернете.

Необходимо отдельно остановиться на влиянии геополитического кризиса, вызванного специальной военной операцией (далее – СВО) Российской Федерации на Украине, на реализацию публичной дипломатии Итальянской Республики в Черноморско-Средиземноморском регионе посредством соцсетей. Вооружённое противостояние России и Украины не привело к каким-либо серьёзным последствиям, способным повлиять на содержание материала, публикуемого итальянскими дипучреждениями в *Instagram* и *YouTube*, или частоту появления новой информации. В качестве единственных существенных изменений можно указать: 1) снижение активности официальных страниц подразделений МИД, расположенных на территории РФ, что связано с редукцией интенсивности российско-итальянских отношений после 24 февраля текущего года: например, страницы итальянских институтов культуры в Москве и Санкт-Петербурге в *Instagram* и *YouTube* не публикуют новую информацию уже на протяжении нескольких месяцев; 2) увеличение количества комментариев, выкладываемых итальянским посольством и ин-

ститутот культуры в Киеве, и изменение их содержания – помимо количественного увеличения контактов между Италией и Украиной наблюдается рост поддержки со стороны властей Апеннинского полуострова в условиях реализации СВО.

Вопреки активному использованию различных соцсетей Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Итальянской Республики, которые применяются для реализации целей публичной дипломатии в интернет-пространстве, официальные страницы внешнеполитического ведомства и его отдельных подразделений не играют определяющую роль в распространении «мягкой силы» Апеннин в Черноморско-Средиземноморском регионе. Руководством дипучреждений им отведена роль дополнительного источника информации, сопровождающего мероприятия, которые проходят в очном формате и режиме реального времени. Внешнеполитические и внешнеэкономические шоки оказали неоднозначное влияние на работу посольств, консульств и итальянских институтов культуры, функционирующих в странах рассматриваемого региона. С одной стороны, распространение коронавируса привело к снижению их активности в различных соцсетях, поскольку публикация комментариев, фотографий и видеоматериалов зависела от частоты проведения не виртуальных, а очных мероприятий, число которых сократилось во время пандемии. С другой – СВО не оказала влияния на процесс воплощения «мягкой силы» Италии в Черноморско-Средиземноморском регионе, так как только учреждения, функционирующие в Российской Федерации и на Украине, тем или иным образом изменили свою деятельность в социальных сетях.

ГЛАВА 8. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПОЛИАКТОРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ НА ПРИМЕРЕ ВЕДУЩИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, СЕВЕРНОЙ АФРИКИ, ЮЖНОГО КАВКАЗА И ЗАПАДНЫХ БАЛКАН

Французская гуманитарная политика исторически имеет сильное культурное измерение, связанное с внешнеполитической традицией «цивилизаторской миссии» (*mission civilisatrice*)

Пятой республики, которая заключается в максимальном распространении французской культуры, универсальных ценностей прав человека и гражданина и помощи развивающимся странам. Стратегическое руководство «цивилизаторской миссией» на национальном уровне осуществляет Генеральная дирекция по глобализации, развитию и партнёрам Министерства Европы и иностранных дел Французской Республики. В 2020 г. национальный бюджет страны, выделенный на внешнюю деятельность государства в области «культурной дипломатии и дипломатии влияния – франкофонии» составил 643,2 млн евро¹²⁷. Общее количество сотрудников французского МИД, работающих в области культуры в 131 стране мира, в 2020 г. превысило 5400 человек, из которых 1918 чел. работают по ставкам МИД, а остальные были приняты на местах¹²⁸.

Французский язык и франкофония являются неотъемлемой частью культурно-гуманитарной политики Франции за рубежом. Продвижение языка лежит в основе дипломатии влияния Пятой республики. Значительную роль в политике играют образовательные инструменты Парижа: от мировой сети образовательных центров Французского института и Французского альянса до программ университетской мобильности и филиалов французских университетов на рынке высшего образования. Стратегия применения этих инструментов значительно варьируется в зависимости от региона и истории отношений целевой страны с Пятой республикой. Наиболее иллюстративными являются примеры образовательных стратегий Парижа в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки (на примере Алжира, Ливана, Египта и ОАЭ), Западных Балканах (Сербия, Босния и Герцеговина, Албания, Черногория, Северная Македония) и

¹²⁷ Avis Présenté au Nom de la Commission des Affaires Étrangères sur le Projet de Loi de Finances pour 2020 (№2272). Tome II. Action Extérieure de l'État. Diplomatie Culturelle et d'Influence – Francophonie // Assemblée Nationale. 2020. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_afetr/115b2303-tii_rapport-avis (дата обращения 14.10.2022).

¹²⁸ Беляев С., Макарова И. Инструментарий культурно-гуманитарного влияния Французской Республики за рубежом // РСМД. 15.12.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/instrumentariy-kulturno-gumarnarogogo-vliyaniya-frantsuzskoy-respubliki-za-rubezhom/> (дата обращения 14.10.2022).

Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан).

Ближний Восток и Северная Африка, Западные Балканы, Южный Кавказ представляют собой полиакторные геополитические пространства. Эти регионы характеризуются не только высокоинтенсивным противостоянием великих и региональных держав, но и конкуренцией «цивилизационных проектов», альтернативных моделей социально-экономического развития и современности в целом. Культурно-гуманитарная политика в этих условиях обретает крайне важное значение, поскольку позволяет оказывать влияние на геополитический и геоэкономический выбор региональных государств. Образовательные инструменты, дающие возможность создавать лояльные прослойки среди политических, экономических и академических элит, играют особую роль в политике влияния: они дают возможность погрузить человека в систему ценностей и культуру на всех ступенях образования. В то же время особенности применения образовательных инструментов демонстрируют приоритеты и направленность культурно-гуманитарной политики в регионе.

Основные инструменты образовательной политики Франции

Французская Республика обладает широким набором международных образовательных инструментов, работающих по всем ступеням образовательной системы. Вкупе с другими направлениями это позволяет выстраивать систему культурно-гуманитарного присутствия в целевой стране.

Французский институт (*Institut Français*) – важнейший из всех операторов французской культурной дипломатии. Он позиционируется как «витрина культурного присутствия Франции в той или иной стране»¹²⁹, «локальный бренд, представляющий Францию»¹³⁰. На институте лежит ответственность за целый ряд вопросов: продвижение французской кино- и аудиовизуальной продукции, литературы, художественных произведений за рубежом, координация культурных сезонов и перекрёстных годов,

¹²⁹ Ouverture d'un Institut français à Erevan // Le Courrier d'Erevan. 05.06.2021. URL: <https://www.courrier.am/fr/armenie-francophone/ouverture-dun-institut-francais-erevan> (дата обращения 01.10.2022).

¹³⁰ Lane Ph. French Scientific and Cultural Diplomacy. Liverpool: Liverpool University Press, 2016. P. 2.

популяризация французского языка, создание возможностей, благодаря сети полезных контактов, для профессионалов, работающих в интересах французской культурной дипломатии, проведение тематических круглых столов, создание сети зарубежных французских учреждений, обучение и управление персоналом культурных учреждений. Кроме того, есть и неявная коммерческая составляющая деятельности всех французских культурных центров: распространяя язык и культуру, они косвенно содействуют продвижению французских компаний и товаров¹³¹. Он был создан в ходе реформы Б. Кушнера 2010 г., нацеленной на структурирование культурной политики Франции за рубежом, и начал функционировать в 2011 г., заменив собой проект *CulturesFrance*. Институты подконтрольны МИДу, действуют при посольствах, имея статус дипломатического учреждения, несущего «исключительную ответственность» за культурную дипломатию Франции¹³². Поэтому при запуске французского института во французских посольствах были ликвидированы департаменты по культуре: их функции и персонал перешли к институтам¹³³.

В тесном партнёрстве с Французским институтом работают агентства «Альянс Франсэз». «Альянс Франсэз» – один из старейших инструментов французской культурной дипломатии, основанный ещё в 1883 г. и функционирующий как некоммерческая общественная организация, осуществляющая культурно-просветительскую деятельность за рубежом при поддержке французских посольств и МИДа. Миссия организации заключается в популяризации французского языка, литературы и поощрении диалога культур. При этом долгое время французские альянсы за рубежом действовали фактически автономно друг от

¹³¹ Projet de loi autorisant l'approbation de l'accord entre le Gouvernement de la République française et le Gouvernement de la République d'Azerbaïdjan relatif à la création et aux conditions d'activités des centres culturels // Ministère des affaires étrangères. URL: https://www.circulaires.gouv.fr/contenu/Media/Files/autour-de-la-loi/legislatif-et-reglementaire/etudes-d-impact-des-lois/ei_art_53_2012/ei_centres_culturels_azerbaïdjan_cm_25.07.2012.pdf.pdf (дата обращения 01.10.2022).

¹³² France's overseas cultural network // France Diplomacy. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/cultural-diplomacy/france-s-overseas-cultural-network/> (дата обращения 01.10.2022).

¹³³ Кроме советников и атташе по науке и технологиям – прим. авт.

друга. В 2007 г. был создан фонд «Альянс Франсез» с целью модернизировать, оживить и скоординировать всю сеть из 834 альянсов в 132 странах.

При реформе внешней культурной политики Франции в 2010 г. было подписано трёхстороннее соглашение между МИД, Французским институтом и фондом «Альянс Франсез», предусматривающее сближение их «визуальной идентичности», координацию географических положений и реализацию совместной деятельности. Уже к 2012 г. оно переросло в соглашение о трёхстороннем партнёрстве. По этому соглашению французский институт и «Альянс» создали консультативную группу для обмена мнениями и координации мероприятий, а также «Альянс» получил доступ к цифровым платформам французского института. При этом с 2015 г. МИД проводит активную работу по оптимизации деятельности «Альянсов» и французских институтов, нацеленную на устранение дублирующих элементов в их деятельности и обеспечение полной взаимодополняемости. В своём обращении к послам 29 августа 2017 г. Э. Макрон отметил, что хотел бы довести до конца сближение Французского института и фонда «Альянс Франсез»¹³⁴.

Campus France – это государственные информационные центры за рубежом, созданные также в ходе реформы культурной политики Франции в 2010 г. Цель этих центров – содействовать популяризации французского высшего образования в мире посредством выполнения следующих задач: информирование и консультации по вопросам получения высшего образования и профессионального обучения во Франции, сопровождение иностранных студентов и исследователей в период их обучения во Франции, управление программами стипендий, стажировок, международной академической мобильности. Учреждение *Campus France* заменило ассоциацию «Эжид» – первую французскую структуру, занимающуюся международной академической

¹³⁴ Discours du président de la République – Semaine des ambassadeurs (29.08.17) – Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/actualites-du-ministere/conference-des-ambassadeurs-et-des-ambassadrices/editions-precedentes/xxve-conference-des-ambassadeurs-et-des-ambassadrices-28-31-aout-2017/article/discours-du-president-de-la-republique-semaine-des-ambassadeurs-29-08-17> (дата обращения: 20.12.2022).

мобильностью. Учреждения *Campus France* также функционируют при французских посольствах, их деятельность координируется тремя министерствами: МИД, Министерство образования и науки и Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и всеобщего развития.

Агентство по французскому образованию за рубежом (*Agence pour l'enseignement français à l'étranger, AEFÉ*) – ещё одно государственное учреждение, подведомственное МИДу. С 1990 г. агентство координирует и контролирует работу сети сертифицированных учебных заведений за рубежом. В первую очередь целевой аудиторией *AEFE* являются дети французских граждан за рубежом, но перед агентством также стоит задача популяризации французского образования среди иностранной аудитории. Также вне сети сертифицированных учебных заведений *AEFE* реализует две дополнительные программы:

1. *FLAM (Français Langue Maternelle, «Французский – родной язык»)* – финансовая поддержка местных ассоциаций, преподающих французский язык детям;

2. *Label FrancÉducation* – программа, разработанная в 2012 г. французским МИДом и Министерством национального образования для признания и поощрения иностранных учебных заведений с высоким уровнем преподавания, вносящих вклад в распространение французской культуры и языка.

Международное бюро французского издательства (*le Bureau international de l'Édition française, BIEF*) – также одна из старейших ассоциаций, созданная в 1901 г. и занимающаяся продвижением экспорта продукции французских книжных издательств, налаживанием их международных партнёрств и связей (в т.ч. посредством профессиональных обменов), представительством французского книгоиздания на международных книжных ярмарках, мониторингом и анализом зарубежных книжных рынков. Бюро финансируется Министерством культуры, МИДом, а также взносами книжных издательств, состоящих в ассоциации (около 280 издательств).

Ассоциация международного распространения франкоязычных книг, произведений и журналов (*l'Association pour la diffusion internationale francophone de livres, ouvrages et revues, ADI-*

FLOR) – некоммерческая ассоциация, созданная в ноябре 1985 г. французским дипломатом Ксавье Денио. Девиз организации: «Давайте доставим всему миру удовольствие читать по-французски». Её цель – содействовать популяризации французского языка посредством распространения франкоязычной литературы и прессы. В своей деятельности Ассоциация активно сотрудничает с французскими МИД и посольствами, Министерством культуры, Национальной библиотекой Франции и Национальным центром книги, Французской академией, Французским институтом, «Альянс Франсез», Франкофонией, издательствами и различными объединениями и ассоциациями.

Отдельно стоит отметить усилия Франции в создании т.н. «французских университетов» – либо в качестве полноценных образовательных учреждений, либо как сети программ двойного диплома. Наиболее глубокой формой образовательной экспансии являются филиалы французских университетов.

Образовательная стратегия Франции на Западных Балканах

Французский институт имеет свои филиалы в Сербии (Белград, Нови Сад и Ниш), Черногории (Подгорица) и Боснии и Герцеговине (Сараево, Баня-Лука и Мостар). Институт ведёт аккаунты на языках балканских государств в сети *Facebook*, регулярно обновляет информацию на сайтах. Отделения французского языка организуют языковые курсы, проводят выставки и фестивали музыки и кино, лекции, семинары и конференции по актуальным для региона проблемам. Отдельно надо упомянуть «Караван французского кино» – постоянно действующий «странствующий» фестиваль кинематографа, проводимый в 36 городах Сербии.

Институты французского языка также предоставляют стипендии учителям для повышения квалификации во Франции (стипендия *FLE*), оказывают поддержку школам в организации изучения французского языка. Подобный формат называется «Я выбираю французский». В рамках данной программы учителя французского могут приглашать ассистентов, бесплатно предоставляемых Французским институтом, для проведения интерактивных уроков французского языка. Надо сказать, что Институт

активно сотрудничает с другой французской образовательной организацией – Французской школой Белграда, входящей в международную сеть образовательных учреждений *AEFE*. Подобные французские школы есть в Приштине, Скопье, Сараеве и Подгорице. Кроме того, в рамках партнёрской программы *La-BelFrancEducation* в Сербии работают 7 школ (три в Белграде, в Нови-Саде, Вальево, Нише и Пироте), 1 в Боснии и Герцеговине (в Сараеве), 2 в Скопье в Северной Македонии, 5 в Албании (две в Тиране, школы в Дюрреше, Шкодере, Корче).

Отделения «Альянс Франсез» открыты в Белграде, Приштине, Тетове, Битоле и 8 городах в Албании. Активность в Албании неслучайна: в стране порядка 11% населения владеет французским, а 14% школьников изучают его в качестве основного языка. Албания вместе с Северной Македонией входит в состав Организации Франкофонии, в то время как Сербия и самопровозглашённое Косово являются ассоциированными членами, а Босния и Герцеговина и Черногория – наблюдателями.

Существует отдельная стипендия для сербских абитуриентов французских высших учебных заведений – *Dositeja*, предоставляемая 50 студентам в год. Всего же во Франции, по данным агентства *Campus France*, учатся на образовательных программах бакалавриата, магистратуры и *PhD* 920 албанских студентов, 720 сербских, 400 косовских, 200 македонских, 60 черногорских, 195 боснийских. Значительная часть стипендий на обучение во Франции идёт по линии общих программ ЕС, однако наличие собственных грантов позволяет Парижу формировать франкофонную прослойку, ориентированную на Францию именно в её национальном измерении.

Отдельно сто́ит отметить университетское партнёрство. Важным инструментом межвузовского сотрудничества выступает Агентство университетской франкофонии (АУФ), заключившее соглашения о сотрудничестве с 12 университетами стран региона (2 в Албании, 1 в Приштине, 2 в Северной Македонии, 1 в Черногории, 2 в Боснии и Герцеговине, 4 в Сербии). В университете Святого Кирилла в Скопье и Белградском университете при поддержке АУФ были открыты Центры университетского успеха, представляющие собой франкофонные цен-

тры экспертизы в сфере высшего образования. Кроме того, существуют десятки соглашений о сотрудничестве между региональными и французскими вузами. В их рамках работают программы двойного диплома, например, «Менеджмент и культурная политика на Балканах» (Университет искусств Белграда – университет «Лион-2») и «Европейские исследования» (Факультет права Белградского университета – Европейский центр Нанси университета Лотарингии).

Наконец, Франция выделяет гранты на научные проекты, особенно в Сербии. К подобным программам можно отнести программу по углублению сотрудничества между высшими образовательными и академическими учреждениями Франции и стран Западных Балкан *ES-Balk*, программу научных грантов имени Павле Савича, а также множество грантов международной мобильности, как, например, *Concours Labcitoyen* – грант для студентов и исследователей, занимающихся проблемами гражданского общества.

Подобные инструменты позволяют Франции формировать сравнительно узкий, но лояльный сегмент академического и профессионального сообщества на Балканах. Таким образом, Париж выстраивает сеть влияния, выступающую проводником французских интересов в регионе.

Образовательная стратегия Франции на Южном Кавказе

Армения. Нормативно-правовую базу образовательной политики Франции в Армении определяет целый ряд документов: двусторонний договор 1993 г. о взаимопонимании, дружбе и сотрудничестве, межправительственное соглашение 1995 г. о культурном, научном и техническом сотрудничестве, соглашения между Посольством Франции и Министерством образования и науки РА о двуязычном обучении (1997 г.) и об углублённом преподавании французского языка (2011 г.), меморандум 2010 г. между Министерством иностранных дел Армении и международной организацией франкоязычных стран (далее: МОФ, Франкофония), хартия армяно-французского децентрализованного сотрудничества (2010 г.). Вопросы распространения французского языка также являются одним из приоритетных для реги-

ональных властей согласно упомянутой хартии. Так, например, власти Лиона оказали посильное содействие в учреждении Французского университета в Армении.

В Армении есть возможность изучать французский язык на всех ступенях образования: от дошкольного до высшего. Французский язык преподаётся в 250 школах (из 1350)¹³⁵; одна из самых известных – действующий в Ереване француско-армянский образовательный комплекс им. Анатоля Франса, в котором можно получить дошкольное, школьное и лицейское образование¹³⁶. В школе есть два отделения: французское и армянское. Во французском отделении начальной школы на французский язык отведено 10 часов в неделю, на армянский – 4, на английский – 1,5¹³⁷. Обучение проводится в соответствии с образовательными стандартами Французской республики. В 2021 г. в нём обучалось до 250 детей, но ожидается, что в ближайшем будущем эта цифра возрастёт до 450¹³⁸.

Кроме того, в 18 государственных школах Армении реализуется углублённая программа изучения французского языка. В этих школах французский язык преподаётся со 2 по 12 классы. Обучающиеся по углублённому курсу достигают уровня А2 по окончании средней школы (9 класс) и уровня В1 по окончании старшей школы (12 класс). Согласно соглашению 2011 г. обязательства по содействию углублённому преподаванию языка лежат на французском посольстве и регионе Иль-де-Франс¹³⁹.

Помимо государственного сегмента, французский язык активно распространяется посредством частных образовательных учреждений. С 2003 г. организацией франкоязычных курсов за-

¹³⁵ Хачатурян Д.А. Внешняя культурная политика Франции в отношении Армении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №5. С. 184-187.

¹³⁶ Lycee Francais. URL: <https://lyceefrancais.am/en/> (дата обращения 20.12.2022).

¹³⁷ Elementary school – Lycee Francais. URL: <https://lyceefrancais.am/en/elementary-school/> (дата обращения: 20.12.2022).

¹³⁸ New prospects of collaboration between Armenia and France. URL: <https://escs.am/en/news/7806> (дата обращения 20.12.2022).

¹³⁹ Ecoles à français renforcé. URL: <https://am.ambafrance.org/Ecoles-a-francais-renforce-3961> (дата обращения 20.12.2022).

нимается «Альянс Франсез д'Армении», офис которого расположен в Ереване. Он же является единственным в Армении экзаменационным центром, позволяющим получить сертификаты *Delf, Dalf, TCF, TEF, DFP*, которые необходимы для поступления во французские и международные франкоязычные университеты¹⁴⁰. На базе «Альянс Франсез» действует агентство *Campus France* в Армении, занимающееся привлечением и сопровождением армянских студентов во французские вузы. Кроме того, «Альянс Франсез» в Армении является официальным партнёром Квебека в области популяризации французского языка¹⁴¹. Среди учреждений, для которых «Альянс Франсез» организует курсы французского языка, упоминаются министерства РА, Национальное собрание, мэрия Еревана, служба национальной безопасности, ереванский коньячный завод и банк *ACBA Credit Agricole*¹⁴². С 2010 г. на площадке «Альянс Франсез» ежегодно 75 государственных служащих Армении проходят курсы дипломатического французского языка в соответствии с Меморандумом между МОФ и МИД РА. По итогам этих курсов 10 лучших по успеваемости учащихся получают возможность бесплатно сдать экзамен *DFP (le diplôme de français professionnel)*, подтверждающий глубинные знания французского языка в определённой сфере.

Центральным элементом межвузовского сотрудничества является Французский университет в Армении, основанный в 2000 г. Ежегодно в партнёрстве с университетом «Лион-3» им. Жана Мулена он принимает на обучение свыше 1000 студентов на программы двойного диплома по следующим направлениям подготовки: управление, экономика, право, финансы по программам бакалавриата и магистратуры¹⁴³. С университетом Тулузы реализуются программы бакалавриата и магистратуры по информатике. Активно работают программы студенческого обмена: так,

¹⁴⁰ Alliance. URL: https://alliancefr.am/?c=about_us&cont_id=10 (дата обращения 20.12.2022).

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Français sur objectifs spécifiques. URL: <https://alliancefr.am/?c=lessons&i=28> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁴³ Université française en Arménie. URL: <https://ufar.am/> (дата обращения 20.12.2022).

в 2021 г. 1212 студентов из Армении проходили обучение во французских вузах. Отметим, что в эту статистику попадают как студенты, обучающиеся во Франции, так и отправившиеся по долгосрочным и краткосрочным программам мобильности.

В 2017 г. в результате визита С. Саргсяна в Париж было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве между Национальной академией наук РА и Французским университетом в Армении, федеральным университетом «Тулуза Юг-Пиренеи», Национальным центром научных исследований, Национальным политехническим институтом Тулузы, университетами Поля Сабатье «Тулуза-3», «Тулуза-1 Капитолий» и «Тулуза – Жан Жорес»¹⁴⁴.

Грузия. Грузия была в числе 13 пилотных стран при запуске Французского института в 2011 г. (наряду с Камбоджей, Чили, Данией, Ганой, Индией, Кувейтом, Сенегалом, Сербией, Сингапуром, Сирией, ОАЭ и Соединённым Королевством). С 1998 г. в Грузии функционировала французская медиатека, открытая командой французского посла Мирей Мюссо, с 2002 г. она была переименована во Французский культурный центр им. А. Дюма и с 2011 г. стала Французским институтом. Институт представляет ряд курсов для детей, подростков и взрослых, а также специализированные курсы по деловому французскому для организаций.

В Тбилиси также функционирует французская школа Кавказа, представляющая программы обучения начального и среднего уровня на французском языке¹⁴⁵. Школа находится в структуре образовательных учреждений *AEFE*. Кроме того, в Тбилиси расположена Европейская школа Р. Шумана, в структуру которой входят две французские школы – им. Мари Фелисите Броссе и Антуана Сен-Экзюпери¹⁴⁶. Французский институт оказывает поддержку 16 школам в организации уроков французского, а совме-

¹⁴⁴ В Париже состоялись армяно-французские переговоры высокого уровня. Пресс релизы. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2017/03/08/President-Serzh-Sargsyan-met-with-President-of-the-French-Republic-Francois-Hollande/> (дата обращения 20.12. 2022).

¹⁴⁵ Ecole Française du Caucase. URL: <https://www.efc.edu.ge/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁴⁶ Ibid.

стно с французским посольством – визовую и административную поддержку в организации школьных визитов во Францию.

В сфере студенческой мобильности число грузин, учащихся во французских вузах, сравнительно невелико – 388¹⁴⁷. При этом французское посольство через французский институт выделяет различные стипендии для грузинских студентов: совместно с грузинским Международным центром образования 20 стипендий для обучения на программах магистратуры, а также отдельные стипендии по теологии. Существуют также программы поддержки грузинских обладателей степеней *PhD*, запущенные в 2021 г.

Отдельно необходимо выделить деятельность франко-грузинского университета, запущенного в 2020 г.¹⁴⁸ Университет является, по сути, агрегатором двойных дипломов между грузинскими и французскими университетами. Так, в его рамках реализуются магистерская программа по туризму и культурному наследию между Тбилисским государственным университетом и университетом «Люмьер Лион-2», бакалавриат (*Licence professionnelle*) по агротехнологиям между Техническим университетом Грузии и университетом «Ренн-1», бакалавриат по информатике между ТБГУ и университетом «Париж-8» (имеется возможность получения стипендию для прохождения трёхмесячной практики в лаборатории университета д’Эври / университета Париж-Сакле), магистратура по виноградарству и виноделию между Сельскохозяйственным университетом Монпелье и Техническим университетом Грузии.

Азербайджан. В Азербайджане присутствует Французский институт, представляющий ряд курсов для детей, подростков и взрослых, а также специализированные курсы для подготовки к экзаменам и по деловому французскому. Институт поддерживает французский лицей в Баку, работающий с 2011 г., предоставляющий программы по дошкольному, начальному и средне-

¹⁴⁷ Les effectifs d'étudiants étrangers en mobilité internationale pendant la pandémie et un an après. URL: <https://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/fr/les-effectifs-d-etudiants-etrangers-en-mobilite-internationale-pendant-la-pandemie-et-un-apres-88324> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁴⁸ Université franco-géorgienne. URL: <https://fgu.ge/fr/> (дата обращения 20.12.2022).

му обучению. Отметим, что в сфере школьного образования в Азербайджане Франция не столь активна, как в Грузии и Армении. Это связано с тем, что рынок «международного» школьного образования в стране насыщен учреждениями с британскими и американскими корнями, которые спонсируются крупным англо-американским нефтегазовым капиталом.

Примечательно, что высшее образование во Франции пользуется популярностью среди азербайджанских студентов – в 2021 г. 927 из них учились во французских вузах¹⁴⁹. Однако для Азербайджана Париж выделяет лишь одну стипендию – для обучения на программах магистратуры. В 2021 г. её получили 12 студентов. Однако также существует совместная стипендия МИД Франции и французской нефтегазовой компании *Total Energies*. Её в 2021 г. получило 10 студентов.

Как и в других странах Закавказья, Франция открыла франко-азербайджанский университет¹⁵⁰. В отличие от грузинского университета, де-факто являющегося агрегатором программ двух дипломов с двумя грузинскими университетами, все программы двойного диплома франко-азербайджанского университета реализуются на площадке Азербайджанского университета нефти и промышленности. Обучение проводится на уровне бакалавриата совместно с университетом Страсбурга (программы по химической инженерии, компьютерным наукам, геологии и геофизической инженерии), университетом «Ренн-1» (программа по нефтегазовой инженерии), а также на уровне магистратуры с университетом Страсбурга (программы по анализу данных и искусственному интеллекту, геологии, физической химии и химической инженерии). Кроме того, с 2017 г. у лучших студентов университета есть возможность принятие участие в двухнедельной летней школе на базе университета Страсбурга.

Образовательная стратегия Франции на Ближнем Востоке и в Северной Африке

Образовательные стратегии Парижа в арабских странах, без-

¹⁴⁹ Les effectifs d'étudiants étrangers en mobilité internationale pendant la pandémie et un an après. URL: <https://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/fr/les-effectifs-d-etudiants-etrangers-en-mobilite-internationale-pendant-la-pandemie-et-un-apres-88324> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁵⁰ Home | UF AZ. URL: <https://www.ufaz.az/> (дата обращения 20.12.2022).

условно, зависят от того, является ли страна франкофонной или нет. Представляется, что лучшие примеры франкофонных стран – Алжир и Ливан. Разница в их географическом расположении, размере и истории отношений с Парижем даёт наиболее полную картину. В то же время наиболее релевантными примерами не франкофонных стран являются Арабская Республика Египет и Объединённые Арабские Эмираты. АРЕ и ОАЭ расположены в разных субрегионах, отличаются демографически и экономически. Общим для этих стран являются теплые отношения с Парижем, выстроенные в XXI в.

Алжир. Французский институт в Алжире имеет пять отделений: в самом Алжире, в Оране, Константине, Аннабе и Тлемсене с филиалом в Сиди-Бель-Аббес. Во всех отделениях французского института предоставляются курсы для детей и взрослых. Однако основной упор институт делает на специализированное обучение, в т.ч. с помощью развитой системы электронных ресурсов. Так, институт предлагает возможность изучить основы деловой переписки на французском, проходить онлайн-обучение на ресурсе *Ilang* (базируется на Режуньоне), *point du FLÉ* (часть образовательной экосистемы *FLÉ*), портал *Français Facile*, образовательная игра *Polar FLÉ*¹⁵¹.

Однако в сфере школьного образования присутствие Франции в Алжире весьма ограничено. Алжир, будучи третьей после Конго и Франции по количеству франкофонов в мире страной не входит в состав международной организации франкофонии. Так, в сеть *AEFE* входят только две школы: лицей им. Александра Дюма в Алжире и начальная школа д'Идра. При этом школы пользуются популярностью: в лицее ежегодно учится свыше 1000 студентов, в начальной школе – около 180 детей. Лицей им. А. Дюма также имеет филиалы в Оране и Аннабе. Кроме того, французский институт сотрудничает с центрами французского языка в алжирских университетах. Безусловно, необходимо понимать, что французский язык преподаётся в Алжире практически во всех школах, начиная с 3 класса. 22 школы с наиболее высоким уровнем обучения французского являются партнёра-

¹⁵¹ Institut Français d'Algérie – Langue française. URL: <https://if-algerie-langue-francaise.com/> (дата обращения 20.12.2022).

ми *LaBelFrancEducation*.

В сфере студенческой мобильности сотрудничество находится на крайне высоком уровне. В 2021 г. во французских вузах обучалось 25523 студента из Алжира¹⁵². Это второй после Марокко (38829 студентов в 2021 г.) показатель. Алжирские студенты имеют возможность получить стипендию *PROFAS (Programme Franco-Algerien de Professionnalisation de l'Enseignement Supérieur)*. Существует также программа поддержки молодых исследователей *Programme Hubert Curien Tassili (PHC Tassili / PHC Maghreb)*, в рамках ежегодно получают поддержку 30 научных проектов.

Отдельно стоит выделить экосистему онлайн-образования, продвигаемую французским институтом в Алжире. Институт предлагает ряд платформ с онлайн-курсами: *France Université Numérique, Réseau Académique Parisien, Université Ouverte des Humanités*. Кроме того, Франция предлагает ряд онлайн-дипломов уровня бакалавриата и магистратуру через платформу *FOAD* агентства *AUF* (всего 89 онлайн-дипломов)¹⁵³.

В сфере высшего образования наиболее ярким примером экспансии является Алжирская Высшая школа бизнеса (*Ecole Supérieure Algérienne des Affaires, ESAA*), реализующая свои программы бакалавриата, магистратуры (в т.ч. MBA) совместно с французскими университетами (университет «Лилль-2», Нантская школа менеджмента «Аудиенция», университет «Лион-3», бизнес-школа Кедж)¹⁵⁴. *ESAA* была создана в 2004 г. согласно межправительственному франко-алжирскому соглашению. Необходимо отметить, что высшее образование в Алжире (особенно в точных, естественно-научных и технических отраслях) по-прежнему реализуется преимущественно на французском языке.

Ливан. Французский институт в Ливане представлен девятью отделениями: в Бейруте, Дейр-Эль-Камаре, Джунии, Триполи, Тире, Набатее, Саиде, Баальбеке и Захле. Филиалы института представляют онлайн-курсы французского, очные курсы

¹⁵² Les effectifs d'étudiants...

¹⁵³ FOAD – MOOC. URL: <https://foad-mooc.auf.org/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁵⁴ ESAA – Ecole Supérieure Algérienne des Affaires. Licence, Master, MBA. URL: <https://www.esaa.dz/> (дата обращения 20.12.2022).

для взрослых и детей, специализированные курсы по деловому письменному и устному французскому. Почти в половине школ Ливана обучение полностью или частично идёт на французском; практически во всех школах французский преподаётся. 63 ливанских школы являются партнёрами или управляются *AEFE*; 39 школ имеют знак качества от *LaBelFrancEducation*¹⁵⁵.

В сфере студенческой мобильности Франция является наиболее популярной точкой ливанских студентов. В 2021 г. во французских вузах проходили обучение 9589 студентов. Пятая республика предоставляет разнообразные стипендии для ливанских студентов на всех уровнях обучения: от бакалавриата до аспирантуры, в частности *FORSA* для обучения в магистратуре, *SAFAR* – в аспирантуре. Отдельно стоит отметить грантовую поддержку, представляемую Парижем ливанским молодым исследователям в рамках франко-ливанской программы *CEDRE*¹⁵⁶. Деньги могут представляться как отдельным исследователям, так и научным коллективам, в том числе для открытия зеркальных лабораторий с французскими университетами.

Повсеместное французское присутствие в сфере высшего образования в Ливане. По состоянию на 2022 г. было заключено свыше 500 соглашений о партнёрстве между французскими и ливанскими университетами¹⁵⁷. Ливанский университет и университет Сен-Жозеф представляют порядка 100 программ двойного диплома с французскими университетами. Кроме того, при помощи Франции были открыты Высшая школа бизнеса Бейрута (*École Supérieure des Affaires de Beyrouth*), Высший институт прикладных и экономических наук (*Institut Supérieur des Sciences appliquées et Economiques*) и Высший технологический институт (*Institut universitaire de technologie*), ныне технологический факультет Ливанского университета.

¹⁵⁵ Carte des établissements. LabelFrancEducation – Marque de qualité pour l'enseignement bilingue francophone. URL: <https://www.labelfranceducation.fr/fr/etablissements?country=lb> (дата обращения 20.12.2022); AEFE. Rechercher un établissement. URL: <https://www.aefe.fr/reseau-scolaire-mondial/rechercher-un-etablissement> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁵⁶ Programme Cèdre 2023. URL: <https://www.campusfrance.org/fr/cedre> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁵⁷ Coopération universitaire et scientifique. URL: <https://lb.ambafrance.org/Cooperation-universitaire-et-scientifique-3146> (дата обращения 20.12.2022).

Египет. Французский институт в Египте представлен отделениями в Каире, Александрии, Шейх-Зайеде, Мунире и Новом Каире. Институт предоставляет стандартный набор общих и специализированных курсов (в т.ч. по профессиональному/деловому французскому), а также широкий ряд разговорных семинаров. Примечательно, что одним из форматов подобных семинаров является дегустация традиционных французских блюд с разговорами о французской кухне. Кроме того, французские институты реализуют курсы повышения квалификации, в частности, программу франко-арабского перевода, специализацию по преподаванию французского языка как иностранного¹⁵⁸. Отдельно необходимо выделить формат Высшего института подготовки преподавателей (*Institut Universitaire de Formation des Professeurs*), реализующий в Каире и Александрии одно- и двухгодичные программы подготовки преподавателей для египетских школ.

Кроме того, французские международные образовательные организации активно напрямую работают с египетскими школами. Так, в структуре партнёров *AEFE* числятся 14 школ, среди партнёров *LaBelFrancEducation* – 33 школы. Существенная часть этих школ – христианские, преимущественно набирающие коптских учеников¹⁵⁹. Однако с французскими организациями сотрудничают престижные лицеи и частные «международные школы». Помимо этого, институт оказывает поддержку департаментам французского языка и культуры египетских университетов, организовывая курсы повышения квалификации и стажировки во Франции. Наконец, стоит отметить онлайн-платформу *IFPROFS*, объединяющую преподавателей французского со всего мира и предоставляющую большой выбор образовательных инструментов.

В сфере международной студенческой мобильности французские показатели не столь впечатляющи. В 2021 г. во французских вузах проходил обучение 2421 египетский студент (по дан-

¹⁵⁸ Cours adultes. URL: <https://www.ifegypte.com/cours-de-francais-certifications-et-diplomes/cours-adultes/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁵⁹ Carte des établissements | LabelFrancEducation – Marque de qualité pour l'enseignement bilingue francophone. URL: <https://www.labelfranceducation.fr/fr/etablisements?country=lb> (дата обращения 20.12.2022).

ным французского министерства образования). Данные ЮНЕСКО отличаются от французских в меньшую сторону – 1733 студента. Общее количество египетских студентов за рубежом, по данным ЮНЕСКО, составило 47243. Даже если взять более высокий показатель французского министерства образования, доля Пятой республики в египетской студенческой мобильности составляет 5%. Для сравнения, в случае Алжира и Ливана доля Франции составила, по данным ЮНЕСКО, 73 и 27% соответственно. При этом необходимо заметить, что Франция стремится увеличить поток египетских студентов, организовав с 2019 г. образовательную ярмарку *Choose France* для привлечения абитуриентов.

При этом Франция предоставляет большие стипендиальные возможности египетским студентам и аспирантам. Так, помимо общемировых стипендий, Египту ежегодно представляются 250 стипендий для студентов, желающих учиться в магистратуре во Франции¹⁶⁰. Кроме того, существуют гранты посольства Франции для аспирантов на поездки с научными целями, совместная франко-египетская программа поддержки молодых исследователей *RHC IMHOTEP*, совместная стипендия посольства Франции и *AUF* для аспирантов, исследовательский грант посольства Французского института восточной археологии, стипендия посольства и египетского фонда науки и технологий и другие гранты по линии франкофонии.

Активно развивается практика двойных дипломов. В случае Египта в совместных программах участвуют лучшие университеты Пятой республики¹⁶¹. Так, университет Каира реализует двойные дипломы с Сорбонной (программа по международному праву) и Сьянс По (программа по политологии и экономике развития); университет Айн Шамс – с университетом Пуатье (программы по маркетингу и финансам) и университетом «Лион-3» (программа по праву); университет Александрии – с университетом Пуатье (программа по менеджменту). При этом в

¹⁶⁰ Bourses et appels à projets. URL: <https://www.ifegypte.com/etudes-et-formations/bourses-et-appels-a-projets/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁶¹ Partenariats et diplômes français en Égypte. URL: <https://www.ifegypte.com/etudes-et-formations/etudier-en-egypte/partenariats-et-diplomes-francais-en-egypte/> (дата обращения 20.12.2022).

силу того, что образовательные стандарты Франции и Египта отличаются, эти программы можно называть программами «тройного» или, в случае программы по международному праву, «четверного диплома», т.к. на выходе студент получает диплом египетского бакалавриата (и магистратуры), а также диплом трёхгодичного французского бакалавриата и магистратуры (одно- или двухгодичной). Кроме того, в рамках сотрудничества по линии Организации Франкофонии Арабская академия наук, технологий и морского транспорта реализует программы двойных дипломов с Бизнес-школой Ренна, Бизнес-школой Клермон-Феррана и университетом «Лион-2». Также стоит выделить университет Сенгор, который при поддержке Организации Франкофонии целенаправленно готовит специалистов для работы на африканском направлении в международных организациях¹⁶².

Наконец, флагманом французского высшего образования в Египте является французский университет Египта¹⁶³. Университет реализует в рамках французской и египетской образовательной модели бакалавриаты по экономике и управлению (Университет Нанта, французский бакалавриат), механической инженерии (Университет Верхнего Эльзаса, египетский бакалавриат), архитектуре (Национальный институт прикладных наук Страсбурга, египетский бакалавриат), прикладной лингвистике (Университет Новая Сорбонна, французский бакалавриат) и магистратуру по международным отношениям совместно с гренобльским Сьянс По.

Объединённые Арабские Эмираты. Французский институт в ОАЭ действует в тесной связке с Французским альянсом: именно через филиалы Французского альянса в Дубае, Абу-Даби, Аль-Айне и Шардже организация предоставляет свои курсы по французскому языку, а также курсы по арабскому и английскому вкупе с программой повышения квалификации *DAEFLE* (сертификат преподавания французского как иностранного). Примечательно, что Французский альянс предоставляет «пакеты услуг»

¹⁶² Accueil – Université Senghor. URL: <https://www.usenghor-francophonie.org/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁶³ UFE. URL: <https://ufe.edu.eg/?lang=fr/> (дата обращения 20.12.2022).

для юридических лиц, подразумевающие проведение разноуровневых курсов, тестирования, культурные погружения и т.д.

Франция достаточно активна в сфере школьного образования, однако французский язык стал частью учебной программы в ОАЭ только с 2018 г. В ОАЭ действуют 7 французских лицеев, входящих в структуру *AEFE*; 5 из них расположены в Дубае, 2 – в Абу-Даби. В совокупности в них обучается более 1000 учеников. Однако любая школа в Эмиратах может подключиться к системе поддержки Французского альянса за 2000 динаров.

В сфере студенческой мобильности французское высшее образование пока что находится на периферии. В 2021 г. во Франции училось 243 студента из ОАЭ, при общем потоке в 14689 студентов. При этом Франция предоставляет специальные стипендии студентам из Эмиратов: совместная стипендия МИД Пятой республики и *TotalEnergies* и стипендию для обучения в медицинских вузах Франции¹⁶⁴.

В то же время Париж проводит активную экспансию на рынке высшего образования Эмиратов¹⁶⁵. Так, в ОАЭ открыли свои филиалы Сорбонна (при активной поддержке со стороны *TotalEnergies* и *Thales*, спонсирующих центр искусственного интеллекта филиалы университета в Абу-Даби), университет «Париж-2» (Дубай), Европейский институт управления бизнесом (Абу-Даби), Высшая школа искусств и технологий моды (Дубай), Высшая школа компьютерных наук *Ecole 42* (Дубай), Национальная школа магистратов (Абу-Даби), Высшая школа бизнеса Нормандии (Дубай). В отличие от программ двойного диплома, реализуемых в других странах, в ОАЭ осуществляется принципиально иной вид образовательной экспансии посредством открытия отделений наиболее престижных университетов и бизнес-школ Пятой республики.

Таким образом, Франция разносторонне использует имеющиеся инструменты для закрепления в образовательной сфере целевых стран. Однако ресурсы, интенсивность деятельности конкретные инструменты заметно варьируются от региона к ре-

¹⁶⁴ Étudier en France – Institut Français des Emirats Arabes Unis. URL: <https://institutfrancais-uae.com/etudier-en-france/> (дата обращения 20.12.2022).

¹⁶⁵ Universités – Institut Français des Emirats Arabes Unis. URL: <https://institutfrancais-uae.com/universites-2/> (дата обращения 20.12.2022).

гиону и отражают общий вектор французской политики в той или иной стране.

Так, на **Западных Балканах** Французская Республика наиболее активна в сфере высшего образования и поддержки молодых исследователей. Системной работы по выходу на рынок среднего образования Франция не ведёт, несмотря на то что французский язык пользуется популярностью, в особенности в Албании. Французские школы и лицеи, безусловно, существуют, но преимущественно в партнёрской структуре *LaBelFranc-Education*. В структуре *AEFE* в каждой стране находится лишь одна школа. В сфере высшего образования Париж более активен: с сербскими университетами существуют программы двойных дипломов, в рамках студенческой мобильности Францию выбирает существенное количество студентов из региона. В целом нельзя сказать, что образовательная политика является основной в культурно-гуманитарной политике Франции на Балканах. Скорее она является одним из инструментов создания ориентированной на Францию прослойки интеллигенции в регионе, где Париж вынужден идти в фарватере общеевропейской политики, играя роль второй скрипки после Берлина. В структуре культурно-гуманитарной политики Пятой республики на Западных Балканах образовательная стратегия дополняет комплекс отношений Парижа с общественными организациями и политикой культурной экспансии Франции.

Несмотря на экономическую и демографическую схожесть стран **Южного Кавказа** с Западными Балканами, Париж действует в регионе значительно интенсивней. Во-первых, в случае Армении Париж активен в сфере среднего образования, что объясняется в первую очередь ролью армянской диаспоры. Показатели студенческой мобильности из региона, а также инструменты её поддержки также сравнимы с Западными Балканами. Однако в случае Азербайджана необходимо отметить, что Франция реализует формат государственно-частного партнёрства в виде стипендии МИД Франции и *TotalEnergies*. Однако отличительной особенностью французской образовательной политики на Южном Кавказе являются «французские университеты». Они могут существовать как в виде полноценных образователь-

ных учреждений (Армения и Азербайджан), так и в виде агрегатора двойных дипломов (Грузия). Однако в обоих случаях их студенты получают местный и французский диплом, но формат французского университета амбициознее обычного междуниверситетского сотрудничества по программам двойного диплома. Помимо того что выбор программ значительно больше, чем, к примеру, на Балканах, французский университет представляет собой символ Пятой республики на пространстве Южного Кавказа, где Франция стремится играть роль ведущей европейской державы, способной влиять на политические и экономические процессы в регионе. Образовательная экспансия в данном контексте играет важную символическую и инструментальную роль, предоставляя Парижу возможность взаимодействовать с потенциальными политическими элитами региона.

В случае стран **Ближнего Востока и Северной Африки** стратегия Франции значительно отличается от стратегий на Западных Балканах и Южном Кавказе. При этом подходы Пятой республики в франкофонных и не франкофонных странах также различны, однако преследуют те же цели. В обоих случаях Париж стремится максимально закрепиться в сфере школьного образования через открытие школ в структуре *AEFE*, подключение других школ к *LaBelFrancEducation* и интенсивное взаимодействие с филиалами французского института и французского альянса. В случае школьного образования пространство для манёвра Франции ограничено отношением правительства к франкофонии, разнящееся от умеренно-отрицательного (Алжир) до положительного (ОАЭ, Ливан) и даже стимулирующего (Египет).

В сфере студенческой мобильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке Париж стремится закрепить первенство во франкофонных странах и нарастить значимость в других. Для этого Франция использует целый ряд форматов стипендиальной и грантовой поддержки, в том числе в формате государственно-частных партнёрств. Большое внимание Париж уделяет поддержке аспирантов и молодых исследователей.

Самая яркая особенность французской образовательной политики в странах Ближнего Востока – экспансия на рынке высшего образования. В данной сфере безусловное первенство при-

надлежит Ливану, где существует около сотни программ двойного диплома. В случае же не франкофонных стран Франция прикладывает значительные усилия по образовательной экспансии. В Египте реализуется не только существенное число программ двойного диплома (в т.ч. университет Сенгора, тесно связанный на африканскую повестку Франции), но и открыт французский университет с привлечением ведущих французских вузов. В ОАЭ открыли свои отделения флагманы французского высшего образования. Частично это объясняется стремлением конкурировать с ведущими англосаксонскими университетами, где учится большая часть эмиратовских студентов, частично – политическими соображениями: так, открытие филиала Сорбонны в Абу-Даби совпало с открытием военной базы Франции в ОАЭ. В целом же по совокупности и интенсивности применяемых инструментов образовательная стратегия Парижа на Ближнем Востоке и в Северной Африке отражает стремление Франции играть роль одной из ведущих держав в регионе. При этом образование является ключевым компонентом французской культурно-гуманитарной политики. Оно стремится закрепить положительный образ Парижа на массовом уровне посредством экспансии на рынке школьного образования, сформировать существенный слой франко-ориентированной интеллигенции и академической элиты и установить прочные отношения с различными элитными группами в странах Ближнего Востока.

В целом образовательные инструменты играют значимую роль в культурно-гуманитарной политике Франции в конкурентных, полиакторных регионах. Они позволяют сохранить имеющиеся культурные связи и нарастить новые. Французское образование представляется Парижем как ещё один французский символ, знак качества и инаковости. Вкупе с культурной «политикой притяжения» образование позволяет Франции конкурировать с англо-американским культурно-гуманитарным присутствием, более нацеленным на взаимодействие с гражданским обществом через массивированную грантовую поддержку общественных организаций. На подобное у Парижа нет ресурсов. Однако образовательные инструменты предоставляют одновременно и нужную глубину культурного погружения, и необходимый опе-

ративный простор, что даёт Парижу возможность знакомить людей с шармом французской культуры, стилем жизни, ценностями и французским взглядом на мир, тем самым достигая целей своей культурно-гуманитарной политики.

ГЛАВА 9. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА АРМЕНИИ КАК ИСТОЧНИК «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Проблематика третьего сектора, включающего некоммерческие и неправительственные организации, стала одним из ключевых элементов анализа социально-политической ситуации в разных странах мира. Третий сектор рассматривается уже не только с точки зрения проводника того или иного влияния, но и как самостоятельный феномен, независимый источник «мягкой силы», без которого невозможно существование гражданского общества¹⁶⁶. В европейском контексте тема роли, значения и типологии НКО и НПО развита в наибольшей степени¹⁶⁷ в силу бурного развития этой сферы в последние десятилетия как на международном уровне, так и на национальном. Более того, в рамках Евросоюза организации третьего сектора выполняют роль участников взаимодействия институтов ЕС с гражданским обществом в целом в рамках выработки различных решений, являются частью социального диалога и социальной солидарности, а также стали индикаторами и проводниками европейских ценностей за пределами ЕС¹⁶⁸. Анализ ситуации в Армении позволяет увидеть, как сами организации становятся источником влияния на общество, какие ценности они исповедуют, что помогает избежать односторонних оценок третьего сектора, как только проводника чьего-либо влияния.

¹⁶⁶ «Третий сектор» в мире: модели гражданской активности в XX–XXI вв. В.А. Аватков, Е.С. Алексеенкова, Н.А. Борисов [и др. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 452 с. EDN: UQAJYA.

¹⁶⁷ Schoenefeld J.J. Interest Groups, NGOs or Civil Society Organisations? The Framing of Non-State Actors in the EU. 2021. Vol. 32, P. 585-596. DOI: 10.1007/s11266-020-00283-w

¹⁶⁸ Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 2015. 224 с.; Канунников. А.А. Гражданское общество: опыт стран Европейского союза и России. М.: ИЕ РАН; ИД Юриспруденция, 2017. 268 с.

Общественное пространство Армении является одним из самых дифференцированных и развитых на постсоветском пространстве, и на Южном Кавказе в частности¹⁶⁹. Его отличает не только большое количество организаций, но и достаточно широкий мировоззренческий спектр, разброс мнений. При существовании всех возможных направлений деятельности третьего сектора в республике особенно можно выделить общественно-политические организации и сообщества, которые ярче всего представлены в публичном пространстве. Это мозговые центры, клубы и институты, в той или иной степени участвующие в политической жизни, определяющие своё отношение к России, другим соседям, западным странам в зависимости от их роли прежде всего в карабахском конфликте. В 2010-е гг. стала активно продвигаться европейская повестка: армянские общественные организации достаточно эффективно работают при содействии программ Политики соседства Европы, платформы «Восточного партнёрства» сотрудничают с американскими фондами, университетами, научными центрами¹⁷⁰.

НПО и НКО Армении имеют некоторые особенности – это значительный объём финансирования со стороны армянских диаспоральных организаций и меценатов. При этом тенденции развития организационных структур НПО Армении и основные источники их финансирования довольно типичны для неправительственного сектора в государствах постсоветского пространства. По состоянию на 2008 г. в Армении было зарегистрировано свыше 4 тыс. неправительственных организаций, действующих в самых различных сферах. Однако, как показывает практика, лишь около 10% из зарегистрированных НПО в реальности являются постоянно действующими, т.е. имеют помещение и постоянные кадры, осуществляют проекты и т.д. Значительная часть зарегистрированных в Армении НПО – это организации,

¹⁶⁹ Асоян Л.А. Общественный сектор Армении: этапы развития и современность // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международная научно-практическая конференция (Екатеринбург, 15-16 марта 2018 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 404-407.

¹⁷⁰ Тасиц К.И. Западные гуманитарные фонды в Армении как инструмент «мягкой силы» // Проблемы национальной стратегии. 2017. №5(44). С. 112-130. EDN: ZMQQLJ.

созданные под реализацию одного конкретного проекта, по окончании которого такое НПО сворачивает свою работу¹⁷¹.

Понимание общественного объединения с 1990-х гг. трактовалось властями достаточно широко. По закону от 22 октября 1996 г. общественная организация – это добровольное объединение людей, основанное на общности интересов с целью удовлетворения духовных или не материальных потребностей. В 2001 г. появилось следующее определение: «Общественная организация (далее – организация) – это вид (некоммерческой) организации – общественного объединения, не преследующей цели получения прибыли и не распределяющей между её участниками полученной прибыли, в которую на основе общности интересов в установленном законом порядке объединились физические лица – граждане Республики Армения, иностранные граждане, лица без гражданства – в целях удовлетворения иных своих нерелигиозных духовных или нематериальных потребностей, защиты прав и интересов их и других людей, обеспечения материального и нематериального содействия общественности, её отдельным группам, осуществления иной общественно полезной деятельности». В принятом 16 декабря 2016 г. законе по ст. 2 уже определяется статус организации (отсутствует словосочетание «общественная организация») как общественного объединения граждан Армении, граждан иностранных государств, лиц без гражданства (далее физических лиц) и юридических лиц, имеющего статус некоммерческой организации¹⁷².

Данная глава не претендует на полноту обзора третьего сектора в Армении, но помогает увидеть некоторые тенденции его развития, основываясь на полевых исследованиях, проведённых автором. Разброс мнений и различные нюансы общественно-политических ориентаций в армянском обществе можно представить в рамках кратких характеристик некоторых экспертов на основании личных развёрнутых социологических интервью с ними.

¹⁷¹ Обзор деятельности неправительственных организаций в Республике Армения. Фонд развития «Институт Евразийских Исследований», Институт Кавказа (Армения), 2018. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/obzor-deyatelnosti-nep-ravitelstvennykh-organizatsiy-v-respublike-armeniya> (дата обращения 18.02.2023).

¹⁷² Асоян Л.А. Общественный сектор Армении: ... С. 404-407.

При либеральной системе регистрации НКО в 2010-е гг., как отмечает Б. Навасардян¹⁷³, делались попытки упорядочить эту сферу и поставить её под контроль. В частности, в 2015 г. был создан конституционный орган – Общественный совет, аналог Общественной палаты, который, однако, не стал активно действующим органом. Правительство предпочитает напрямую работать с лояльными НКО. В силу увеличения грантовой поддержки для НКО их число возросло до 9 тыс., но Министерство юстиции Республики Армения по-прежнему жёстко не контролирует финансовую отчётность организаций. Наибольшую эффективность в сфере третьего сектора показало неинституционализированное волонтерство, сетевая организация. Личные инициативы лучше всего работают во время кризисов.

В рамках платформы «Восточного партнёрства» ЕС Б. Навасардян, по его словам, выступал за чёткое разграничение общественной деятельности НКО и политической, с тем чтобы НКО напрямую не поддерживали каких-либо кандидатов. Однако впоследствии Платформа ЕС превратилась в политический инструмент, где собираются демократические силы, лидеры различных мелких партий. Ереванский пресс-клуб также является НКО, которая активно взаимодействует с государством, в том числе в рамках Общественного совета при президенте. Пресс-клуб – организация с индивидуальным членством, которая проводит семинары и защищает интересы медиа-сообщества. Окологосударственным прозападным объединением является Союз реформированных граждан. Регулярным мониторингом сферы НКО занимается «*Transparency Int.* Армения» в сотрудничестве с Платформой ЕС. Русских, приехавших после 24 февраля 2022 г., объединяет содружество «Ковчег» под руководством Дианы Маяцкой, оно отличается высоким уровнем самоорганизации, привлекает массу волонтеров. Центр «Ковчега» находится в Грузии, проект для русских и русские проекты для помощи

¹⁷³ Борис Навасардян, глава Ереванского пресс-клуба (Экспертное социологическое интервью. Ереван, 26 сентября – 1 октября 2022 г., Р.Н. Лункин), умеренных политических взглядов, бывший сопредседатель платформы «Восточного партнёрства» ЕС, объединяющей различные НКО (270 организаций, всего в Армении около 5 тыс. действующих НКО).

украинцам разбросаны по разным странам Европы, а волонтеры связываются между собой в десятках чатов телеграм-каналов. В качестве одной из своих целей приехавшие ставят интеграцию в армянское общество, устраиваются курсы армянского языка, проводятся лекции по истории, а также по политической ситуации в стране. По словам Навасардяна, пророссийские НКО и эксперты группируются вокруг Грибоедовского клуба К. Затулина, Евразийского экспертного клуба Арама Сафаряна. В Армении, по мнению Навасардяна, многие настороженно относятся к инициативам о сотрудничестве с НКО, так как предполагают, что независимого гражданского общества в России нет.

Часть политологов также критически относится к прозападным НКО и к Платформе гражданского общества ЕС. Так, по словам С. Даниеляна¹⁷⁴, они слишком политизированы и поэтому теряют поддержку в обществе. По его словам, близкий к Пашиняну Союз реформированных граждан Иоанесяна существует на грантовую поддержку, но никакого реального общественного движения за ним не стоит. После нескольких десятилетий развития общественной сферы, особенно после пандемии, оказалось, что институционализированное гражданское общество не работает, либо представляет собой отдельных политизированных лидеров. Большая часть инициатив третьего сектора носит личностный характер, люди самоорганизуются вокруг помощи семьям военных, к примеру. По словам Даниеляна, армянскому обществу надо больше объяснять позицию России, особенно на современном этапе, показывать, что Россия вынуждена делать какие-то шаги, например, чтобы сохранить хорошие отношения с Турцией в условиях украинского кризиса.

Из заметных НКО в Армении действуют НПО «Армянский проект», Армянский международных благотворительный фонд. В рамках научной дипломатии особое значение имеют Институт истории и Институт востоковедения в Академии наук Армении. Одним из лидеров общественного мнения, настроенного на тес-

¹⁷⁴ Степан Даниелян – политолог (Экспертное социологическое интервью. Ереван, 26 сентября – 1 октября 2022 г., Р.Н. Лункин), умеренно либеральных взглядов, председатель НКО центра «Партнёрство для демократии», эволюционировал к более пророссийской позиции (ранее выступал с критикой коррумпции в Армянской апостольской церкви).

ном сотрудничестве с Россией, и политическим деятелем 1990-х и 2000-х гг. является бывший депутат парламента Арам Сафарян, глава Евразийского экспертного клуба. Развитие сотрудничества с Россией постоянно обсуждается на экспертных встречах, конференциях, в том числе в рамках подразделения Института изучения стран СНГ в Ереване, Центра российских исследований Ереванского университета, площадках, которые организует МГИМО при участии Валдайского клуба и Грибоедовского клуба.

Армянская апостольская церковь (ААЦ)

В рамках анализа третьего сектора редко затрагивается вопрос о социально-политической роли религиозных организаций, хотя они – тоже значимые гражданские институты. В недостаточной степени в научном дискурсе учитывается своеобразие общественных инициатив, которые возникают околорелигиозной сфере.

Среди постсоветских стран Армения отличается одним из самых высоких уровней религиозности населения и роли религиозных организаций в общественной жизни. Безусловно, наибольшим влиянием обладает Армянская апостольская церковь, и именно с этой исторической церковью страны государство и политики выстраивают отношения, с этой церковью связана важная миротворческая миссия в регионе. ААЦ для общества – это и путь к спасению, и путь к сплочению нации, и любовь к Родине.

Ключевой общественной структурой, через которую ААЦ представлена в социальной сфере, является благотворительный фонд «Армянский межцерковный круглый стол»¹⁷⁵. Круглый стол существовал с 1960-х гг. как инициатива Армянской апостольской церкви и Всемирного совета церквей в рамках борьбы за мир во всём мире. После распада СССР Всемирный совет церквей создал диаконические службы в постсоветских странах, кроме Польши. Впоследствии эти службы остались только в Армении и России, наряду с круглым столом как диалоговой

¹⁷⁵ Глава – Карен Бабкенович Назарян, профессор, преподаватель Российско-Армянского университета (Экспертное социологическое интервью. Ереван, 26 сентября – 1 октября 2022 г., Р.Н. Лункин).

площадкой.

Фонд «Круглый стол» создан в 1997 г. Армянской церковью, Армянской католической церковью и Евангельской церковью Армении – их представители входят в попечительский совет вместе с местными и международными НКО, такими как *Anchor, Relief*, католическими организациями. Круглый стол организует гуманитарные проекты по Армении, в армянских районах Сирии, были также до 2019 г. совместные культурные проекты с азербайджанскими НКО (снят фильм о двух деревнях, которые находятся друг напротив друга, разделённые границей). Круглый стол поддерживает сотрудничество с международными гуманитарными организациями *World Vision, Act Alliance of the Churches*, с диаконическими фондами Германии, Швейцарии, Австрии, Венгрии.

Деятельность Межцерковного круглого стола развивается по нескольким направлениям. Во-первых, это помощь самим общинам и их прогресс в разных сферах – социальной, экологической, духовной. Представители организации советуются в какой-либо деревне со священником, какие есть нужды и проблемы с дорогами или питьевой водой. На гранты Минсоцобеспечения Республики Армения (которые даются на развитие местных территорий) и западных фондов организуются инфраструктурные проекты в деревнях и посёлках (40% за счёт местных сил, 60% за счёт Круглого стола), строятся школы, дороги, проводится водопровод. Однако главное – внушить людям, что они и сами могут многое сделать. Во главе проектов обычно стоит местный священник; для духовенства и других партнёров проекта есть специальная учебная программа, в рамках которой проводятся фокус-группы, говорится о том, как правильно сделать оценку той или иной проблемы и затем её решать. На курсы приглашают и самые разные НКО, у которых есть позитивное отношение к христианству.

По республике создано 10 социально-культурных центров с кружками для детей (пение, рисование и т.п.) и социальной помощью. Центры существуют фактически независимо, получая лишь 30% финансирования от государства. Далекое не все священники соглашаются с тем, что в центрах надо предлагать

платные услуги, многие существуют за счёт грантов. Духовенство обладало огромным авторитетом до советского периода, но затем эту роль потеряло, священники не могут похвастаться большими знаниями, но лидерами многие из них являются.

Одно из основных направлений работы Круглого стола – оказание помощи при чрезвычайных ситуациях, работа с беженцами в Сирии и Армении. В Сирии, к примеру, Круглый стол реализовывал проекты через Армянскую епархию и местных священников. И во время войны, и в ходе пандемии Армении помогали, к примеру, евангелисты из Венгрии и Германии (была оказана адресная помощь 15 тыс. чел.).

Россия, по словам К. Назаряна, совершила большую ошибку, поскольку не использовала пророссийские настроения, а они были достаточно сильны, так как была ностальгия по СССР и опасения по поводу влияния Турции. Россия, скорее, решила, что «и так сойдёт», а Запад в это время организовывал институты НКО, Германия активно внедряла обучающие программы и предлагала образование. Россия невнимательна даже там, где не нужно много тратить. Например, главу Круглого стола регулярно приглашают в посольство Германии на День Германии, а российское посольство не общается и не приглашает. По мнению Назаряна, половина студентов из Армении плохо знает русский язык, а половина из России не знает армянского, поэтому приходится общаться на английском. Впервые, по последним опросам, значительная часть молодёжи стала критически относиться к РФ.

Социальная деятельность такой традиционной и древней структуры как Армянская апостольская церковь показывает, что даже институт, который со стороны кажется немодернизированным и устаревшим, становится составной частью гражданской активности, солидарности не только идеологической, но и социально-экономической.

Протестантизм в Армении

Особой темой являются протестантские общины в Республике, которые также ведут активную социально-политическую деятельность. Они, по сути, представляют модернизированную форму религиозного института западного типа, они хорошо интегрированы в гражданское общество и способны занимать са-

мостоятельную позицию по значимым для страны проблемам¹⁷⁶. Исторически укоренённые протестантские общины евангельского направления объединены в Армянскую евангельскую церковь (АЕЦ), которая была основана ещё в 1846 г. и продолжает действовать как за пределами Армении, так и внутри страны. АЕЦ активно сотрудничает с Армянской апостольской церкви, и, по существу, не занимается активной миссией.

Одной из крупнейших христианских общин на постсоветском пространстве является пятидесятническая церковь «Слово Жизни» (СЖ) в Ереване. Как и многие подобные церкви, она возникла на волне зарождения харизматического нового движения в начале 1990-х гг., а возглавил движение «Слово Жизни» в Армении пастор Артур Симонян. В его биографии утверждается, что до 1991 г. он жил в Москве и занимался бизнесом, то есть уже в советское время стал предпринимателем, скорее всего, это означает, что он занимался торговлей. В 1988 г. он крестился в одной из церквей в Москве, в 1991 г. влился в общину «Слово Жизни» (СЖ), которая недавно появилась в Ереване. Вслед за большинством служителей Симонян поехал учиться в Библейскую школу СЖ в Уппсале в Швеции, в 1995 г. стал пастором, в 1997 г. уже основал свою собственную армянскую школу. У армянской церкви около 40 филиалов, несколько тысяч верующих в Ереване. Для маленькой Армении церковь, собирающая более тысячи человек на свои богослужения, стала настоящим явлением. Гражданская активность, которую воспитывают в церкви, поставила церковь в центр политических событий, что неожиданно в стране с господствующим положением Армянской апостольской церкви.

Церковь «Слово Жизни» является большим миссионерским сообществом, которое нацелено на основание церквей в Европе, США, на Ближнем Востоке. Старший пастор церкви – Артур Симонян, у него есть 5 помощников по разным областям, 9 пасторов в Ереване курируют домашние группы, второй пастор руководит церковью в Ереване (Армен Лусян).

¹⁷⁶ Лункин Р.Н. Позиция протестантских церквей во время политического кризиса в Армении // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №6. С. 182-188. DOI: 10.15211/vestnikieran62018182188

Всего в Армении 25 церквей СЖ в городах и 96 в деревнях и посёлках, обычно это религиозные домашние группы с лидерами. Если есть пасторское служение и регулярное богослужение, то община считается церковью. В районах представители церкви сами ходят по деревням и собирают домашние группы, т.е. используются не только ресурсы Ереванской базовой общины.

У церкви есть своё «видение» по открытию 200 церквей в Армении, для чего на разных уровнях регулярно проводится обучение миссионеров (постоянно разные курсы и школы посещает около 50 чел.). Многоуровневая система религиозного образования и просвещения в церкви состоит из первой ступени – вечерней школы для новообращенных (3 мес.), второй ступени – Библейской школы (9 мес.), третьей ступени – Миссионерской школы. Районные пасторы регулярно проходят обучение в Ереване. Пастор Симонян – хороший наставник, который не боится сильных лидеров-помощников рядом с собой. В Ереване периодически собираются около 700-750 лидеров небольших домашних групп, в которых объединены около 10 тыс. чел. Всего свою численность в Армении СЖ оценивает в 15 тыс. чел. Церковная система должна быть гибкой, т.е. лидеры управляют делами и направляют людей, а не наоборот. Акцент делается на том, какой у кого дар и сфера служения, а различных сфер в церкви около 40, но каждый член церкви – это «полноправное Тело Христово и Церковь» и имеет полное право влиться в любое служение – жёсткого руководства нет. Артур Симонян говорит, что каждый член церкви должен иметь 1 м² территории для своего творчества ради Церкви.

Отдельно существует Школа Манахаим – ополчение Божие. Манахаим переводится с иврита как две армии. Имеются в виду служители внутри Армении и служители, приезжающие из других церквей. Эту школу для пасторов и верующих проводит лично основатель церкви СЖ Артур Симонян. В школе ежегодно принимает участие 40-50 чел., на протяжении недели проходят собрания, молитвы, экскурсии для того, чтобы выявить различные дары и призвания у людей, поскольку бездарных у Бога нет. На школу приезжают пасторы и члены церквей из России, Белоруссии, Казахстана, Украины и других стран.

В России действует 10 филиалов Церкви СЖ из Армении, которые создавались миссионерами из Еревана – это общины в Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Калининграде, Новосибирске и т.д. Помимо этого, есть целый ряд армянских служений внутри существующих российских церквей СЖ, к примеру, в Москве, а в Ярославле внутри «Церкви Божией», куда армянская церковь также направляет своих служителей. Видение Артура Симоняна состоит в том, что сообщество должно проповедовать Евангелие во всех армяноговорящих общинах, хотя это не означает, что в армянских церквях нет русских – для них есть отдельное служение и часть проповеди на обычном служении также идёт на русском. В Ереване по четвергам проходит международное служение на английском языке. Церковь СЖ позиционирует себя как община дружественная и общительная, приглашающая людей из разных стран.

Как и в Армянской апостольской церкви, у пятидесятников сделан акцент на семейных ценностях и принципе преемственности поколений. В связи с этим чрезвычайно развиты воскресные школы, детские классы в Доме молитвы и подростковое служение.

В рамках работы с военнослужащими церковь реализует проект «Солдат и родители» – верующие работают с родителями, призывниками, а также устраивают поездки родителей в воинские части. Официально капелланов в армии может иметь только Армянская апостольская церковь, её особая роль основана на Законе о религии, который был принят ещё в 1991 г. Пятидесятники также готовы послать своих капелланов в армию, но не могут этого сделать.

У церкви есть свой проект по работе в отдалённых деревнях *Zoot*. Группы верующих выезжают и занимаются раздачей одежды, играют в футбол, затем после знакомства с местным населением проводят «евангелизационный» концерт.

Свои корни СЖ видит в Евангельской церкви Армении, которая была основана в 1841 г. в Стамбуле, Восточной и Западной Армении. Именно тогда на армянской земле появились европейские миссионеры и библейские школы. Армянская апостольская церковь и тогда сразу предала евангелистов анафеме.

Новообращённых отказывались хоронить на армянских кладбищах. В советский период баптисты и Армянская евангельская церковь были в составе Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, но в 1991 г. снова разделились. Армянская евангельская церковь до сих пор осуществляет большие социальные проекты и достаточно активна и богата в диаспоре. Власти признают влияние евангелистов и уважают эту церковь, что вызывает раздражение со стороны ААЦ. Одно время пастор АЕЦ Рене Левонян был даже советником президента Кочеряна по религии (Кочерян держал дистанцию в отношениях с ААЦ), только при президенте Серже Сарксяне был установлен прочный союз власти и ААЦ.

При Рене Левоняне Церковь СЖ состояла в партнёрских отношениях с исторической Армянской евангельской церковью. Однако в 2000-е гг. руководство Армянской апостольской церкви заключило соглашение с Всемирным советом Евангельской церкви Армении. Была достигнута договорённость, что Евангельская церковь не будет заниматься прозелитизмом на территории республики и, как следствие, были заморожены отношения Евангельской церкви с пятидесятниками и другими протестантами внутри Армении. Многие общины, ранее связанные с Евангельской церковью, были закрыты. Как отмечает пастор Армен Лусян, для Евангельской церкви цена соглашения с ААЦ оказалась несоразмерна (из интервью автора с пастором).

Среди сирийских армян, которые активно переезжают в Армению, также есть пятидесятники, действует несколько домашних групп. Сирийские армяне достаточно предприимчивые, дружные и деловые, как правило, открывают свои рестораны в республике. Из числа иммигрантов иногда приходят иранцы, но только для того, чтобы получить документ о крещении и уехать в Евросоюз, поэтому им обычно в таинстве крещения отказывают. В Сирии, в Алеппо, есть община армян-пятидесятников, но часть общины уехала в Ливан. В Бейруте действует Церковь СЖ. Один из миссионеров пастор Эдуард Петросян был убит в Сирии во время военных действий. В самой Армении координатором социальной помощи для сирийских армян является ААЦ, но её партнёр в этом – Евангельская церковь Армении. Для ААЦ

армянские протестантские церкви за рубежом часто воспринимаются в качестве «своих», а те же протестанты в Армении – «сектанты», занимающиеся прозелитизмом. Пятидесятники отмечают, что один из самых интеллектуальных и открытых для общения с евангелистами в ААЦ – епископ ААЦ в Стамбуле Саак Машалян.

Во время майской революции 2018 г. СЖ фактически поддержала революционные изменения в обществе и нового премьер-министра Никола Пашиняна. Церковь сразу стала вовлечена в круговорот политических событий в довольно противоречивом ключе, у СЖ появились враги, была предпринята попытка убрать церковь из публичного поля, навязав ей одиозный образ «политической антиармянской секты». Что является правдой, а что вымыслом в обвинениях в отношении СЖ, до конца не понятно, но есть целый ряд фактов о её участии в политике, которые помогут хотя бы отдалённо понять роль церкви в армянской революции.

23 апреля 2018 г. с началом кризиса СЖ объявляет «Молитву за Армению» – обычная практика в протестантских церквях (когда происходит что-то важное в стране, то провозглашается специальная усиленная молитва). На Украине молитва за страну стала также мобилизующим фактором, своего рода призывом «думать, что делать», думать об изменениях в своей стране. Пастор Артур Симонян подчёркивал в своём заявлении: «Нет сомнений в том, что ваше высокое гражданское сознание, сердечное отношение к стране и нации заслуживают восхищения, и никто не имеет права разорвать её. Это возрождение, Армения никогда не станет прежней».

Симонян вдохновлял людей на гражданское действие, но призывал к мирным методам: «Я признаю, что есть только призывы к миру и поощрение мирного пути борьбы. В то же время я понимаю, что это эмоции, и эмоции сейчас высоки, и в таких условиях важно, чтобы вы сохранили свою христианскую сущность в качестве сыновей мира, которые только должны любить людей. Пожалуйста, никогда не теряйте рассудок, и пусть в ваших сердцах царит любовь и мир Христа. Мы с вами, вместе с нашей нацией. Мы молимся, чтобы наш Небесный Отец был за-

щитой армянского народа, и Господь благословил нашу землю».

Одной из главных тем для выступлений Артура Симоняна стала борьба с коррупцией в Армении и надежда на то, что Пашинян изменит государственную систему, сделает её более демократичной.

Влияние церкви СЖ проявилось в том, что её члены участвовали в гражданских акциях, тем более что для этого не требовалось какого-то специального требования со стороны руководства церкви. Старший пастор указывает на важность быть активным гражданином и строить процветающую Армению. Как отмечала местная пресса, консолидировано с СЖ могли выступать и другие протестантские общины: «Новое поколение», «Рема» и другие. Численность их реальных активистов может насчитывать 3-5 тыс. Политолог и глава Центра за содействие демократии в Ереване С. Даниелян сказал в интервью автору, что не только СЖ, но и другие церкви участвовали в гражданских протестах, так как у них много молодёжи.

Практическим воплощением политического влияния СЖ стали назначения в правительстве и скандалы вокруг церкви. К примеру, Н. Пашинян сделал своим помощником Софью Навасардян; судя по прессе, она является личным парикмахером супруги Пашиняна¹⁷⁷. Членом СЖ является управделами аппарата премьер-министра Геворг Ачемян, правда, он занимал этот пост до июля 2018 г.

Отвечая на обвинения в непатриотизме (поводом стали в т.ч. связи с Азербайджаном, в чём обвиняли и движение «Новая Армения, новый патриарх»). Симонян 13 июля 2018 г. заявил, что многие молодые люди участвовали в четырёхдневной войне (в апреле 2016 г. в Нагорном Карабахе).

И Армянская апостольская церковь, и протестантские церкви евангельского направления, утвердившегося на постсоветском пространстве в 1990-х гг., активно проявляют себя в общественно-политическом пространстве, защищая свои интересы и развивая миссионерскую деятельность. Отличительными чер-

¹⁷⁷ Их парикмахеров в помощники премьера. Зачем Пашинян берёт на работу сектантов. URL: <http://nv.am/iz-parikmaherov-v-pomoshniki-premera-zachem-pashinyan-beriyot-na-rabotu-sektantov/> (дата обращения 18.02.2023).

тами участия церквей в политической жизни является провозглашение своей приверженности патриотизму и национальным интересам Армении, принципиальное отстаивание демократических ценностей, целенаправленное воспитание среди верующих гражданского самосознания, выработка стратегии работы с молодёжью и подростками, которая предполагает их широкое в развитии гражданского общества, в общественных движениях и политических акциях.

* * *

Среди наиболее характерных направлений общественной жизни, которые могут быть значимы для дальнейшего развития третьего сектора на пространствах Евразии, можно выделить следующие.

При большом разнообразии общественных сил в Армении присутствует активная политизация сферы третьего сектора. Особенно значимо и с политической точки зрения, и с точки зрения научной дипломатии поддерживать отношения сразу со многими общественными акторами, принадлежащими к разным политическим направлениям.

Объективной данностью в Армении является сильное влияние на политиков и общественные круги различных западных фондов, грантовая поддержка общественных организаций. Большую роль играют представители США и Платформа гражданского общества Евросоюза. К примеру, как отмечает А.С. Айвазян, «одним из шагов к повышению эффективности мониторинга осуществления Соглашения (ЕС и Армении) стало создание платформы гражданского общества, состоящей из армянских и европейских НКО»¹⁷⁸. Эта взаимосвязь сложилась постепенно и стала органичной частью третьего сектора, способствуя его самостоятельному естественному развитию.

Однако, несмотря на значимую финансовую помощь, западное влияние ситуативно, и оно особенно ярко ощущается в ходе политических кризисов. Такого рода западной стратегии можно противопоставить только более глубокую и постоянную работу с акторами третьего сектора.

¹⁷⁸ Айвазян А.С. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? М.: ИЕ РАН, 2022. 156 с. С. 75.

ГЛАВА 10. «МЯГКАЯ СИЛА» ПАПЫ ФРАНЦИСКА

Рост напряжённости, активизация старых и возникновение новых военных конфликтов, столкновение геополитических интересов, кризис европейской солидарности, выявленный в ходе пандемии коронавирусной инфекции, миграционная проблема, особенно остро стоящая в средиземноморском регионе, усиление роли наднациональных структур – эти факторы определяют стратегии и тактики современной международной политики. Как отметил А.А. Громько, важное место в ситуации «каскадной дестабилизации» занимают дискуссии об «окнах Овертона», «общественные представления о невероятном и приемлемом, о традициях и “новой норме”, о случайном и закономерном, о субъективном и объективном»¹⁷⁹. К числу таких сюжетов, бесспорно, относится вопрос о потенциале дипломатических каналов урегулирования споров. Отдавая предпочтение более жёстким методам, поборники «принудительной дипломатии» заявляют, что дипломатия хороша в мирное время, в военное же она бесполезна и может быть даже вредна, поскольку представляет собой проявление «губительной слабости»: так европейцы оценивали перспективы развития событий в Афганистане в 2001 г., в Ираке – в 2003 г., Ливии – в 2011 г., Сирии – в 2013 г. и в более поздние времена¹⁸⁰. Инструментарий *hard power*, или «жёсткой силы», может варьировать в каждой отдельной стране, включая в себя вооружённую, финансовую, санкционную и иные формы давления большей или меньшей степени.

Иерархи Католической церкви высказываются за принципиально иной способ воздействия. Как отметил госсекретарь Ватикана кардинал П. Паролин, в отличие от светских правительств, которые руководствуются в своей политике принципом *ragion di stato*, или «государственным интересом», Святой Престол в заботе о пользе Церкви использует «мягкую силу» посредством убеждения, особого стиля дипломатических перегово-

¹⁷⁹ Громько А.А. Политическая идентичность России в современном мире // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, №4. С.17.

¹⁸⁰ Ferrara P. Diplomazia: lezioni afgana e libica. Ma a vincere è la forza gentile // Avvenire, 12.05.2021. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/la-forza-gentile> (дата обращения 16.02.2023).

воров, беспрецедентного личного примера его представителей. В брошюре о папе Франциске, обнародованной на факультете теологии католического университета Триенето в Падуе в 2015 г., Паролин подчеркнул, что Церковь не мыслит себя как «параллельный универсум, закрытый от мира и противопоставляющий себя ему»¹⁸¹. Напротив, она призвана прислушиваться к велениям времени, существуя внутри мира и солидарно с ним в условиях глобализации. Именно в этом видит свою задачу глава Католической церкви.

Моральный авторитет как условие «мягкой силы»

Уже вскоре после избрания в 2013 г. папа Франциск провозгласил важнейшими направлениями программы попечения о бедных, миротворчество, преодоление разделений в христианском мире и межрелигиозный диалог, защиту окружающей среды. Понтифик вовсе не претендовал на оригинальность, подобные темы звучали и его предшественники. В данном случае, по словам нунция в Париже архиепископа Ч. Мильоре, речь идёт о «новом стиле и градусе вовлечённости»¹⁸² Бергольо. На сегодняшний день он относится к числу самых информированных и авторитетных политических лидеров мира. Его календарь предусматривает встречи на высшем уровне, аудиенции ведущим политикам, главам иностранных государств и 184 дипломатических миссий. Предоставленный Святому престолу статус постоянного наблюдателя при ООН и ряде её организаций, при Совете Европы и ОБСЕ даёт понтифику право высказывать суждение по острым вопросам современности. Исторически обусловленная связь Ватикана с судьбами Италии определяет его миссию в Средиземноморье. По образному выражению Н.П. Шмелёва, «эта часть земной суши вклинилась в Средиземное море прямо напротив Африки и как бы движется от Малой Азии и Ближнего Востока, где родились все три «религии Писания»: иуда-

¹⁸¹ Falasca S. Parolin: Papa invita a dialogo, no a scontro civiltà // Avvenire, 24.04.2015. URL: <https://www.avvenire.it/chiesa/pagine/parolin-papa-invita-a-dialogo-no-a-scontro-civiltà> (дата обращения 13.02.2023).

¹⁸² Giansoldati F. La diplomazia di Francesco, un mix tra soft power ed empatia umana, l'analisi del Nunzio a Parigi, Il Messaggero, 21.05.2021. URL: https://www.ilmessaggero.it/vaticano/papa_francesco_diplomazia_celestino_migli_ore_francia_parigi_empatia_viaggi-5974620.html (дата обращения 16.02.2023).

изм, христианство и ислам, к выходу на просторы океана»¹⁸³.

Невзирая на крошечные размеры, Ватикан был признан в результате заключения Латеранских соглашений 1929 г. суверенным государством, субъектом международного права. Как отмечает ведущий отечественный ватиканист Т.В. Зонова, «зримым выражением» политической свободы понтифика стало совмещение двух ролей – религиозного лидера всех католиков мира и главы независимого Града-государства Ватикан¹⁸⁴. Провозглашение политического нейтралитета «всегда и при любых условиях» не означало, однако, отказа от права использовать «моральный и духовный авторитет» и осуществлять посредничество в конфликтах, если «спорящие стороны... апеллируют к нему как носителю миссии мира»¹⁸⁵. Заявленный понтификами принцип идейной неангажированности позволил «Католической церкви избежать идентификации с какой-либо идеологией и строить свою политику на основе интеллектуальной и политической независимости»¹⁸⁶. Концепция «позитивного» нейтралитета, предполагающая сосуществование форм классического нейтралитета с политикой гуманитарного вмешательства и миротворчества во имя утверждения в международном сообществе идеалов справедливости, солидарности, общего блага, рассматривается Церковью как неотъемлемая часть миссии.

Госсекретарь П. Паролин склонен расценивать внешнюю политику Ватикана как проявление «мягкой силы». Он поясняет, что Святой престол является «голосом совести на службе общего блага, привлекающим внимание к антропологическим, этическим, религиозным аспектам разнообразных вопросов, которые касаются жизни народов и международного сообщества в целом»¹⁸⁷. Отсутствие вооружённых сил и невозможность ока-

¹⁸³ На перекрёстке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI в. Серия: «Старый Свет – новые времена». М.: изд-во Весь мир, 2011. С. 7.

¹⁸⁴ Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 104.

¹⁸⁵ Латеранские соглашения. Договор между Святым престолом и Италией // Град Ватикан, 11.02.1929. URL: <https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/> (дата обращения 17.02.2023).

¹⁸⁶ Зонова Т.В. Указ. соч. С. 147, 166.

¹⁸⁷ Цит. П. Паролина по: Ernesti J. Una voce dalla coscienza, L'Osservatore Romano, 04.06.2022. URL: <https://www.osservatoreromano.va/it/news/2022-06/quo->

зывать давление на третьи страны традиционными силовыми методами придаёт политике Святого престола характер незаинтересованности. В отличие от государств, имеющих вес в мире благодаря военной или экономической мощи, Ватикан относится к числу игроков, чей авторитет строится главным образом на доверии к римским папам.

«Таинственная химия притяжения»

Известно, что «мягкая сила» основывается на привлекательности транслируемого «послания», будь то культура, политические или идейные ценности, «привлекательная личность», «политика, которая рассматривается другими как легитимная и имеющая моральный авторитет»¹⁸⁸. Автор концепции Джозеф Най подчёркивал, что такое воздействие должно строиться не на принуждении, угрозах или подкупе людей, а на дружелюбном искусстве убеждения, «способности формировать симпатии, предпочтения других... таинственной химии притяжения»¹⁸⁹, подпавав под влияние которой человек добровольно захочет воспринять новые ценности, а возможно, сделает их частью собственной культурной практики.

Важнейшим активом «мягкой силы» Святого престола со времён Второго Ватиканского собора (1962–1965) стали духовно-нравственные принципы, последовательно проводимые в жизнь понтификами постсоборного периода. В знаменитой речи в ООН в 1965 г. папа Павел VI (1963–1978) заявил, что Церковь живо интересуется людьми, потому что она – «эксперт по человечности»¹⁹⁰. В 2000 г., уже в понтификат Иоанна Павла II (1978–2005), кардинал А. Содано писал, что, хотя миссия Церкви – прежде всего миссия религиозная, «что следует из веления Христа вести народ Божий по пути спасения», она означает также, что «Церковь служит человеку в той исторической ситуации, в которой он находится». Признав, что выступления церковных

127/una-voce-dalla-coscienza.html (дата обращения 21.02.2023).

¹⁸⁸ Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. №1. С. 103.

¹⁸⁹ Там же. С. 102-103.

¹⁹⁰ Ernesti J. Una voce dalla coscienza, L'Osservatore Romano, 04.06.2022. URL: <https://www.osservatoreromano.va/it/news/2022-06/quo-127/una-voce-dalla-coscienza.html> (дата обращения 21.02.2023).

иерархов по отдельным национальным и международным проблемам могут быть несовершенными или несвоевременными, как, впрочем, любое человеческое действие, кардинал заключил: «Возможно, кто-то хотел бы более активного присутствия Святого престола на международной арене; кто-то – более умеренного... согласно классической модели международной дипломатии. Кто-то хотел бы публичных обличений, кто-то предпочёл бы, чтобы Святой престол сосредоточился на кропотливой молчаливой работе, оказывая влияние на тех, в чьих руках судьбы народов... методы могут быть разными. Неизменно одно: могу заверить вас, что Святой престол всегда будет заботиться о сохранении мира»¹⁹¹. Знаменательно, что «мир» католические иерархи понимают не как отсутствие насилия «в условиях командования одной стороны над другими» и не как «эффемерный мир для счастливого меньшинства»¹⁹², а как жизнь в гармонии с собой и другими в свете социальной доктрины Церкви.

Решением Второго Ватиканского собора понтифики отказывались от осуждения и тем более демонизации народов и политических деятелей, даже если они не разделяли убеждения последних, призывая «не путать заблуждение с заблуждающимся»¹⁹³. Политический нейтралитет не означал, однако, нейтралитет перед лицом зла, откуда бы они ни происходило. Отказавшись от навешивания ярлыков, папы постсоборного периода избрали путь «проповедничества и пророчества»¹⁹⁴.

Пожалуй, именно в этой формуле ключ к прочтению понтификата папы Франциска. Долгое время историки Церкви, социологи религии, богословы пытались определить, в чём заклю-

¹⁹¹ Sodano A. L'opera della Santa Sede in favore della pace, L'Osservatore romano, 02.06.2000. P. 4.

¹⁹² Апостольское обращение Evangelii gaudium Святейшего Отца Франциска, 24.11.2013. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/ru/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium.html (accessed 11.02.2023).

¹⁹³ Папа Giovanni XXIII. Lettera enciclica «Pacem in terris» // La Santa Sede, 11.04.1963. URL: <https://www.vatican.va/content/vatican/it.html> (дата обращения 19.02.2023).

¹⁹⁴ Rocchetti D. Il cardinal Lercaro e il coraggio della pace // ACLI, 11.01.2018. URL: <https://www.acli.it/cardinal-lercaro-coraggio-della-pace/> (дата обращения 19.02.2023).

чается особенность пастырского стиля Бергольо. В отличие от харизматичного папы-персоналиста Иоанна Павла II, чья деятельность протекала в период межблокового противостояния эпохи холодной войны, и рафинированного папы-философа Бенедикта XVI, сосредоточившего свои усилия на борьбе с секулярностью Запада и этическим релятивизмом, индивидуальный почерк Бергольо до сих пор остаётся предметом споров. Как полагает историк Р. Морозцо делла Рокка (Университет «Рома Тре», Рим), в эпоху глобализации устарело представление Бенедикта XVI о Церкви как об общности «немногих, но верных»¹⁹⁵. Папа Франциск, напротив, заявил о необходимости выйти за пределы «церкви меньшинства», чтобы обратиться к «народу», подразумевая под эти термином весь «народ Божий». По мнению известного итальянского историка Церкви А. Риккарди, у Бергольо практически отсутствует чёткое структурированное понимание «границ» этого «народа»: речь идёт о всеобъемлющей характеристике, которая, по всей вероятности, распространяется на всё человечество. Этим объясняется стремление понтифика говорить с людьми о вере и жизни по примеру и со страстью библейских пророков. В интервью главному редактору католического журнала *La Civiltà Cattolica* А. Спадаро в сентябре 2013 г. папа Франциск заявил: «Быть пророком означает нарушить тишину... пророчество всегда шумно, оно грохочет, кто-то скажет: “всё переворачивает верх дном”. В действительности же дар пророчества означает быть “закваской”: он возвещает дух Евангелия»¹⁹⁶. Понтифик с огорчением констатирует ослабление веры прихожан, религиозное охлаждение, угасание внутреннего огня – мотив, настойчиво проводимый католическими иерархами со времён V Генеральной конференции латиноамериканских епископов в Апаресиде (Бразилия, 2007). Папа придаёт особое значение народной религиозности, мистическому опыту переживания божественного, который способен выразить веру, не прибегая к рационализации, путём интуитивного созер-

¹⁹⁵ Morozzo della Rocca R. La Santa Sede è ancora un soggetto internazionale? A cura di A. Riccardi. Il cristianesimo ai tempi di Papa Francesco. Roma: Laterza, 2018. P. 168-182.

¹⁹⁶ Riccardi A. La Chiesa tra centro e periferie. A cura di A. Riccardi. Il cristianesimo ai tempi di Papa Francesco. Roma: Laterza, 2018. P. 5-23.

цания¹⁹⁷. В молитве, заявил Бергольо осенью 2022 г., должно быть то, что было у Авраама, – «ясность, храбрость, парресия. Надо не столько искать утешения, хотя и это, конечно. Но главное – просить, просить, просить... Не следует считать *парресией* одну лишь добродетель действия, нет, она присутствует и в молитве тоже»¹⁹⁸.

Апелляция к «парресии» – термину, введённому в обиход Еврипидом и часто встречающемуся в трудах отцов Церкви, – не случайна. В работе «Речь и истина, лекции о парресии» французский мыслитель Мишель Фуко дал такое определение этому понятию: «вербальная деятельность, при осуществлении которой говорящий выражает свою личную связь с истиной и рискует собственной жизнью, потому что считает своим долгом высказывать истину, чтобы делать людей лучше или помогать им (и себе)»¹⁹⁹. «Парресиаста» отличают сократовское понимание морального долга как потребности говорить правду, предельная честность, мужество, искренность свидетельства, готовность к самопожертвованию ради убеждений, высказать которые он почитает гражданской обязанностью. Яркий пример «парресии» даёт «Книга Притчей Соломоновых»: «возглашает на улице, // на площадях возвышает голос свой, // в главных местах собраний проповедует, // при входах в городские ворота говорит речь свою» (Притчи, 1: 20-21). Упоминание безбоязненной, дерзновенной проповеди встречается и в Новом Завете: «Вот, теперь Ты *прямо* (παρρησια) говоришь»²⁰⁰ (Ин. 16:29), «Видя *смелость* (παρρησια) Петра и Иоанна и приметив, что они

¹⁹⁷ Подробнее см.: Язькова В.Е. Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 37.

¹⁹⁸ Цит. Папу Франциска по: Spadaro A. Papa Francesco incontra i gesuiti della Regione Russa // La Civiltà Cattolica, 1/15ott. 2022. P. 7.

¹⁹⁹ Цит. М. Фуко по: Батманкоев Т. Синтез этической парресии М. Фуко и критики М. Фишера капиталистического реализма как метакритика постмодернистской парадигмы «истины» // Философия как парресия: искусство жить. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвящённой Всемирному дню философии. Красноярск, 2021. С. 25.

²⁰⁰ Фомин В. Парресия (παρρησια) как ключевой пророческий признак в богословском творчестве святого Иоанна Златоуста // Златоустовские чтения. Сборник докладов научно-практической конференции 6-7 февраля 2020 г. М., 2021. С. 383.

люди некнижные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян.4:13).

Подобное буквальное прочтение нравственного императива может показаться анахроничным в современном секулярном обществе. Привычные к демонстрации политкорректности и религиозной свободы, всё чаще понимаемой как свобода *от* религии, европейцы нередко интерпретируют суждения папы Франциска о принципах справедливого мироустройства, миграционной проблеме и т.д. как проявление его идеологических симпатий, перонизма, элитизма или популизма²⁰¹. Католические богословы и историки Церкви, напротив, склонны усматривать в проповедническом стиле понтифика элементы «парресии»²⁰², стремление откровенно, подчас предельно жёстко развенчивать ценности эпохи постмодерна и неолиберализма – меритократию, потребительство, этический релятивизм, сугубо материальное измерение успеха, радикальный, вплоть до полного обесценивания, пересмотр гуманистических установок.

Итальянский политик о «мягкой силе» папы Франциска

Любопытную оценку папы Бергольо дал ветеран итальянской политики Романо Проди, в 1996–1998 и в 2006–2008 гг. занимавший пост премьер-министра Италии, а в 1999–2004 гг. – должность председателя Европейской комиссии. Помимо участия в политической жизни страны, Проди проявил себя как авторитетный учёный-экономист, имеет статус приглашённого профессора в ведущих мировых вузах, в т.ч. в университете Гарварда, Стэнфордском исследовательском институте, МГИМО. В интервью телеканалу *Tv2000* в апреле 2015 г. он дал такую характеристику «мягкой силы» папы Франциска: «брутальная искренность, которую он сделал своим политическим оружием», своего рода «парресия», в которой мы так нуждаемся сегодня в

²⁰¹ См. Giansoldati F. Vaticano, le origini peroniste di papa Bergoglio // Il Messaggero, 23.10.2019. URL: https://www.ilmessaggero.it/vaticano/papa_francesco_bergoglio_peronista_evita_peron-4815808.html; Cristiano R. Perché Francesco non è populista, ma neanche elitista: è un figlio del Vangelo e del Concilio // Globalist syndication, 12.12.2021. URL: <https://www.globalist.it/tendenze/2021/12/12/perch-e-francesco-non-e-populista-ma-neanche-elitista-e-un-figlio-del-vangelo-e-del-concilio/> (дата обращения 21.02.2023).

²⁰² Trotta G. Parresia, Aggiornamenti sociali, fascicolo giugno-luglio 2015. URL: <https://www.aggiornamentisociali.it/articoli/parresia/> (дата обращения 21.02.2023).

обстановке тотального лицемерия наших политических собраний²⁰³. Отличительной чертой папы, по мнению Проди, стало соединение доступной для понимания народной манеры речи с твёрдостью, почти жёсткостью, которую он последовательно демонстрирует при обсуждении «неудобных» тем, сохраняя доброжелательность и неподдельный интерес к собеседнику. В результате возникает дихотомия: будучи чрезвычайно привлекательным для «правителей», Бергольо вызывает опасения «правительств», так как подрывает основы их власти, экономического и политического влияния. Осуждение «экономики, которая убивает», неравенства, возведённого в систему, несправедливого разделения благ, новой, невидимой, подчас виртуальной, «тирании обожествленного рынка» и другие положения Апостольского обращения *Evangelii Gaudium* (Радость Евангелия, 2013 г.) могли бы дать основание заподозрить автора в симпатиях к «левым» течениям. Между тем, подчеркнул Р. Проди, едва ли кто принял бы всерьёз идею, что папа примкнул к марксизму или к либертарианству: он слишком далёк от философских построений марксизма. Стремление понтифика идти на экзистенциальные периферии жизни, забота о правах и достоинстве малоимущих, обездоленных, стариков, мигрантов не имеют ничего общего и с политикой ассистенциализма. Бергольо приветствует благотворительность, но даёт понять политической и финансовой элите: нужна не милостыня, необходимо менять правила «игры». На протяжении долгих лет на Западе превалировало убеждение: «рынок – категория сакральная, трогать его запрещено». И вот постепенно под влиянием Т. Пикетти и ряда других экономистов эта тема, равно как и социальная тематика, проблематика «*welfare*», всё чаще становятся предметом научной полемики. Важно, однако, чтобы эти сюжеты вошли в общественный дискурс, чтобы сами люди включились в обсуждение подобных тем, что, собственно, предполагает понятие демократии²⁰⁴. Было бы, разумеется, преждевременно говорить о

²⁰³ Papa Francesco: il soft power che attrae i governanti e spaventa i governi, 21.04. 2015. URL: http://www.romanoprodui.it/interviste/papa-francesco-il-soft-power-che-attrae-i-governanti-e-spaventa-i-governi_11038.html (дата обращения 18.02.2023).

²⁰⁴ Ibid.

серьёзных успехах, возможно, мы никогда не достигнем идеала, – заключил Проди, но одно бесспорно: заслуга папы Франциска в том, что он «помогает нам вести дискуссию», способствует постепенному изменению ценностных ориентиров.

«Мягкая сила» принципов: общее благо и солидарность как альтернатива глобализму?

Принципы, декларируемые папой Франциском в программных документах *Lumen Fidei* (Свет веры, 2013), *Evangelii Gaudium* (Радость Евангелия, 2013), *Laudato Si* (О заботе об общем доме, 2015) нашли более полное отражение в энциклике *Fratelli Tutti* (Все – братья, 2020). Папа высказал озабоченность в связи с извращением таких понятий, как «общее благо», «демократия», «справедливость», «свобода». Он подверг критике модель глобализации, которая на деле отвечает интересам «транснациональных глобальных игроков», навязывает всем странам «авторитарный и абстрактный псевдоуниверсализм», монохромную картину будущего²⁰⁵.

Энциклика привлекла внимание мировой общественности, внеся свою лепту в дискуссии о судьбах демократии в эпоху глобализации и принципах меритократического устройства общества. Как известно, идеологи меритократии (букв. власть достойных, имеющих наибольшие заслуги) обосновывают жизнеспособность этой концепции ростом экономического процветания и эффективностью борьбы с коррупцией²⁰⁶. Они заявляют, что эффективное управление государством не может быть демократичным и что демократия «исчерпала» свои возможности. Свидетельством тому может служить «демократия без права выбора», «глобализация демократии за счёт национального суверенитета», глобализация ценой отказа от демократии или наоборот²⁰⁷. Ряд адептов «общества заслуг» идут ещё дальше, ус-

²⁰⁵ Энциклика *Fratelli tutti*. О братстве и социальной дружбе. М.: Издательский дом Медина, 2021. С. 13, 92.

²⁰⁶ Серов А.П. Концепция меритократии и её роль в будущем человечества // *Ratio et natura*, 2020, №1. URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-06/konceptsiya-meritokratii-i-ee-rol-v-buduschem-chelovechestva.pdf> (дата обращения 17.02.2023).

²⁰⁷ Евлахов А.А. Государство и общество: от демократии XX века к меритократии XXI века // *Современные тенденции и механизмы консолидации государства, бизнеса, общества*. Курск, 2014. С. 46-47.

матривая причину несовместимости меритократии и демократии в «гуманистическом фундаментализме», сложившемся во второй половине XX в. в Европе и Америке на базе таких идей, как «“народ всегда прав”, “демократическое волеизъявление священо”, “все народы стремятся к свободе”... “говорить неполиткорректные вещи неприемлемо”»²⁰⁸.

Понимая, что наделение властью лишь самых «достойных» неизбежно приведёт к усугублению социального неравенства и стратификации общества, представители европейской католической общественности, епископат и сам папа Франциск критически расценивают концепцию «общества заслуг». Они утверждают, что, какими бы лозунгами о справедливости оно ни прикрывалось²⁰⁹, оно не может быть справедливым в силу того, что построено на принципах жёсткой иерархии, раскалывает общество на «достойных» и «недостойных», даёт этическое обоснование неравенству, вызывает глубочайший социальный пессимизм. Неприятие такой модели общественного устройства, которая на практике способствует концентрации власти и богатств в руках узкого круга избранных, побуждает католических иерархов дать оценку нынешнему состоянию демократии в свете церковного учения об общем благе. Католическая социальная доктрина отвергает 1) неолиберальную трактовку этого понятия (общее благо есть некое неуточнённое всеобщее достояние, которое на поверку идентифицируется с интересами отдельных, наиболее влиятельных лиц); 2) неоутилитаристское прочтение (общее благо – достояние большинства граждан); и 3) коллективистское понимание термина (общее благо есть благо конкретного коллектива)²¹⁰. Второй Ватиканский собор определил общее благо как «совокупность тех условий общественной жизни, которые позволяют и обществам, и отдельным их членам полнее и быст-

²⁰⁸ Там же. С. 46-47.

²⁰⁹ Последователи Д. Белла и Дж. Ролза стремятся сгладить издержки этой идеи, попытавшись определить критерии отбора «достойных», сделать его более справедливым, объективным и незаинтересованным, создать условия, обязывающие политическую и финансовую элиту поддерживать беднейшие слои населения (Канарш Г.Ю. Ролз и спор о меритократии // Человек. 2021. Т. 32, №3. С. 120).

²¹⁰ Luciani A. Catechismo sociale cristiano. Storia, principi e orientamenti operativi. Edizioni San Paolo, s.r.l., 2000. P. 235.

рее достигать своего совершенства»²¹¹. Согласно пп. 1921-1926 Катехизиса Католической церкви, это предполагает реализацию следующих принципов: соблюдение фундаментальных прав личности, «развитие духовных и светских благ», «мир и безопасность общества и его членов», уважение человеческого достоинства²¹².

В понтификат Бергольо теория общего блага стала чрезвычайно актуальной. В 2017 г., выступая перед итальянскими католиками г. Кальяри и рабочими крупнейшего сталелитейного завода «Илва», понтифик связал тему человеческого достоинства с проблемой занятости. Он заявил, что нельзя считать «достойным» труд, который унижает человека, низводит его до положения раба, обесценивает тело посредством проституции, порнографии, эксплуатации несовершеннолетних, несёт увечья и даже смерть. Не менее безнравственен и прекариат, так как он «убивает достоинство, здоровье, семью, общество». Осудив меритократию как идеологию нового капитализма, загнавшего людей в тиски беспощадной конкурентной гонки, папа Франциск заявил, что христианский гуманизм строится на взаимопомощи, солидарности и субсидиарности²¹³. Эта идея подробно изложена в упомянутой выше, названной многими авторами «социальной» энциклике 2020 г. «Все братья».

Выступления нынешнего папы по вопросам социальной справедливости, этики, миграционной проблеме доктринально полностью согласуются с социальным учением Католической церкви и могут быть расценены как продолжение традиции его предшественников. Применяя сказанное М.М. Мчедловой к практической деятельности Святого престола, трудно не согласиться с утверждением, что «в условиях эрозии традиционных

²¹¹ Документы II Ватиканского Собора. М.: «Паолине», 2004. С. 471.

²¹² Катехизис Католической церкви. М.: «Духовная библиотека», 2001. С. 452.

²¹³ Discorso del Santo Padre. Stabilimento Ilva // La meritocrazia sta diventando una legittimazione etica della diseguaglianza, 29.05.2017. URL: <https://www.fondazioneoperatoriolo.it/2017/05/29/la-meritocrazia-sta-diventando-una-legittimazione-etica-della-diseguaglianza/>; Competizione: qui c'è la malattia della meritocrazia, Chiesa di tutti, Chiesa dei Poveri, 27.10.2017. URL: <https://www.chiesadituttichiesadeipoveri.it/competizione-qui-ce-la-malattia-della-meritocrazia/> (дата обращения 22.02.2023).

форм политических и гражданских солидарностей» «мягкая сила» Церкви выявляет мощный «солидаристский потенциал»²¹⁴, позволяющий противостоять дегуманизации общества благодаря высокому уровню доверия понтифику, защите идеалов человечности, милосердия, гуманности.

Своеобразие понтификата Бергольо объясняется объективными реалиями современной эпохи. В процессе «утраты» или гибридизации демократии в том виде, в каком её понимали во второй половине XX в., теория общего блага наполняется новым идейным и практическим содержанием. Католические иерархи и прежде всего сам папа убеждены, что в эпоху глобализации, «постправды», торжества искусственного интеллекта «коллективная субъектность народа»²¹⁵, его гражданственность, необходимые для осуществления демократии, могут быть обретены только в результате преодоления атомизации общества, потребительства, крайних форм трансгуманизма, суверенизма и индивидуализма. Необходимым условием этого должны стать принципы человеческой солидарности и общего блага, заложенные в социальном учении Католической церкви.

* * *

Привлекательность общечеловеческих принципов, изложенных папой Франциском, несомненно, выходит далеко за пределы Италии и государств Средиземноморья. Его проповедь адресована прежде всего тем католикам, которые соотносят себя с традицией *Pax Christiana*, мыслят себя органичной частью христианской идентичности европейских народов. Политика «мягкой силы», взятая на вооружение понтификом, во многом строится на нравственном авторитете института папства и харизме папы Франциска. Личное мужество, зримым свидетельством которого стало проведение мессы на стадионе в Абу-Даби в феврале 2019 г. с участием 120 тыс. католиков и около 4 тыс. мусульман в самом центре исламского мира, бесспорно, укрепило доверие многомиллионной католической аудитории к мнению

²¹⁴ Мчедлова М.М. Религия и Церковь как элементы «мягкой силы» // Социология религии в обществе позднего модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной). М.: ИД «Белгород», 2013. С. 372.

²¹⁵ Costa G. La democrazia cambia pelle // Aggiornamenti sociali. Ottobre 2019. №10/70. P. 624-627.

папы римского, придало ему вес в мусульманском мире.

В ситуации, когда ряд стран делает выбор в пользу гибридных форм «силы», в частности, «умной» силы (*smart-power*), политика Бергольо представляет собой классическую форму «мягкой силы». В её основе лежит концепция «бедной церкви для бедных», являющая собой квинтэссенцию латиноамериканского прочтения христианства с очень конкретным, радикальным пониманием миссии христианского свидетельства. Эта не всегда до конца понятная в современном секулярном обществе религиозность воспринимается верующими как антипод прохладной всеядности релятивизма и псевдоуниверсальных ценностей глобализма.

Педофильский скандал нанёс мощный удар по Католической церкви, поставив под сомнение главное – авторитет духовенства. Вынесение сексуальных злоупотреблений клира в публичное пространство интернета, бросая тень на репутацию виновных, способствует обмирщению и десакрализации образа Церкви в целом. Уменьшение численности практикующих католиков, кризис института монашества, сокращение призваний к священству, лишь отчасти компенсируемые оживлением религиозного чувства и тягой к мистическому во время пандемии коронавируса, ставят перед понтификатом задачи «новой евангелизации» в условиях смены культурной парадигмы. В какой мере это удастся папе Франциску, покажет будущее.

ГЛАВА 11. КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ: РАСШИРЕНИЕ ПОДХОДОВ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ

С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития в 2002 г. активизировалось использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике страны. Это произошло в рамках имплементации внешнеполитической доктрины «Стратегической глубины» А. Давутоглу, предполагавшей расширение культурного влияния Турции и усиление гумани-

тарного аспекта её внешней политики²¹⁶. Гуманитарная составляющая внешней политики Турции адаптируется в зависимости от региона и объединяет в себе черты пантюркизма, панисламизма и неоосманизма, каждая из которых рассматривается в качестве уникального инструмента на пути к региональному лидерству в том или ином субрегионе²¹⁷. В особенности это касается регионов Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Балкан, Центральной Азии и Южного Кавказа.

Идеологические основы культурно-гуманитарной политики Турции

Успех распространения идеологического влияния Турции заключается в точечности её подхода. Разделяя группы фокуса – тюркские, постосманские, мусульманские страны, Турция предлагает разные и актуальные для стран и народов «смыслы», за счёт чего формируется её благоприятный образ. При этом «новый образ» Турции формируется вокруг концепции «защитника мусульман и тюрок» всего мира.

Первый элемент турецкой идентичности – принадлежность к тюркскому миру. Являясь его частью с точки зрения исторических, языковых и культурных связей, Турция стремится стать центром для объединения тюркских государств. Особенно характерно это для стран Центральной Азии. «Мягкая сила» Анкары в этом плане основывается на популяризации истории, культуры и языков Турции и тюркских народов. Реализация подобной образовательной политики должна способствовать, по мнению турецких политиков, выработке «новой тюркской идентичности» под руководством Турции, которая формируется на базе общих для тюркоязычного населения народов²¹⁸. Для достижения этой цели Турция предпринимает заметные шаги.

Ещё в 1992 г. по инициативе президента Турции Тургута Озала был проведён первый саммит тюркских государств. На

²¹⁶ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. P. 456.

²¹⁷ Шлыков П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. 2021. №12(2). С. 134.

²¹⁸ Лукьянов Г.В., Кулиева Н.С., Миронов А.Ю. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/> (дата обращения 11.05.2022).

основе проводившихся в 1990-х – начале 2000-х гг. саммитов в 2009 г. был создан Тюркский совет (в 2021 г. переименованный в Организацию тюркских государств). Орган объединяет ряд тюркских государств с целью укрепления всестороннего сотрудничества между ними и позиционируется Турцией как центральная площадка для интеграции тюркского мира. В рамках Организации тюркских государств функционируют другие ведомства, которые способствуют развитию связей между странами и могут рассматриваться в качестве инструментов «мягкой силы» – Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Международная Тюркская академия, Фонд тюркской культуры и наследия²¹⁹.

Важной частью тюркской идентичности является деятельность Управления по делам турок за рубежом и родственных общин. В рамках ведомства действует «Программа по сотрудничеству с диаспорой», которая рассчитана на развитие сотрудничества турецкой диаспоры с общинами тюркских стран. Помимо этого, учреждение также предоставляет стипендии студентам, окончившим турецкие университеты и языковые курсы, тем самым способствуя продвижению турецкого образования за рубежом²²⁰. Таким образом, как можно заметить, Турция придаёт большое значение ресурсам «мягкой силы» для развития тюркского элемента своей идентичности.

Второй элемент идентичности Турецкой Республики – принадлежность к мусульманскому миру. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития религия стала играть заметную роль в политической жизни страны. Более того, ислам стал одним из инструментов влияния во внешней политике: в сферу интересов Анкары вошли страны Ближнего Востока, мусульманские страны на постсоветском пространстве и в Африке, а также иные страны с мусульманскими меньшинствами в Средиземноморском регионе²²¹. Как отмечает М. Алтунишик, до

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Эргюль Д. Турецкая диаспора хочет сотрудничать с диаспорами братских стран. URL: <https://inlnk.ru/AKkQNG> (дата обращения 11.05.2022).

²²¹ Алиева А.И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. 2014. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. С. 72.

событий «арабской весны» Турция имела большой авторитет в ближневосточном регионе благодаря использованию «мягкой силы», которая заключалась в продвижении тезиса о возможности успешного синтеза ислама и демократии²²². До 2002 г. среди арабских интеллектуалов преобладали убеждения, согласно которым в Турции велась непрекращающаяся борьба между «небольшой светской элитой» и «многочисленными, но бессильными исламскими массами». Приход к власти партии с умеренно исламистскими взглядами повлиял на резкий пересмотр подобной точки зрения. Среди мусульманских стран Анкара стала рассматриваться как пример для подражания, в котором успешно сочетаются традиции и модернизация²²³. Турция взяла на себя роль «пропагандиста демократизации» на Ближнем Востоке: ПСР призывала исламские страны провести политические и экономические реформы по образцу собственных.

Тем не менее после «арабской весны» влияние Турции в регионе заметно ослабло. Связано это с провалившейся стратегией Анкары по поддержке революций в арабских странах, что практически нивелировало все предыдущие достижения «мягкого» влияния²²⁴. Сейчас в качестве инструмента «мягкой силы» в мусульманском мире продолжает выступать Управление по делам религий в Турции (Диянет). Основанное ещё в 1924 г., ведомство занимается открытием и развитием религиозных школ как в Турции и за её пределами. Деятельность Управления распространяется на несколько регионов. Несмотря на то что СМИ обращают внимание на «нерелигиозную активность» Диянет²²⁵, ведомство до сих пор остаётся важным рычагом влияния в мусульманском мире. Таким образом, несмотря на то что в последнее десятилетие авторитет Турции среди мусульманских стран сильно снизился, Анкара продолжает использовать свою

²²² Altunışık M. B. The Possibilities and Limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // *Insight Turkey*. 2008. №10(2). P. 46.

²²³ *Ibid.* P. 47.

²²⁴ Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse // *European Journal of Turkish Studies*. 2016.

²²⁵ Yücel D. Türkische Imame spionieren in Deutschland für Erdogan. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article160132361/Tuerkische-Imame-spionieren-in-Deutschland-fuer-Erdogan.html> (дата обращения 11.05.2022).

«исламскую» идентичность как инструмент «мягкой силы».

Третий и последний выделяемый нами элемент турецкой идентичности – статус наследницы Османской империи, который составляет основу концепции «неоосманизма». Эта концепция предполагает, что Турция является одновременно страной как западного, так и восточного миров, поэтому политика государства тоже должна быть многовекторной. «Мягкая сила» «неоосманизма» включает в себя в первую очередь поддержку территорий, ранее входивших в состав Османской империи. Например, вложение средств в экономику стран Кавказа и Балкан в 1990-е гг. отражает стремление Турции распространить своё влияние в этих регионах²²⁶. Помимо этого, особенность «неоосманизма» как фактора «мягкой силы» состоит в обращении к истории и культуре Османской империи с положительной точки зрения. При проведении своей культурно-гуманитарной политики Турция делает упор на то, что она всегда выступала как «безопасная гавань» для иммигрантов. Это представление основано на доброжелательности Порты по отношению к миграциям сефардских евреев после XVI в. и населения Балкан в начале XX в.²²⁷ Однако основной инструмент популяризации истории Османской империи за рубежом – исторические кинокартины и телесериалы. Некоторые из них стали популярны и за пределами постосманского пространства. В результате знакомства с Турцией через фильмы и сериалы иностранцы стали чаще путешествовать по тем местам, где проходили съемки, а также изучать исторические события, которые легли в основу картин. Более того, граждане других стран начали проявлять больший интерес к турецкому языку и культуре²²⁸.

Основными регионами распространения турецкой культурно-гуманитарной политики традиционно являются Ближний Восток, Балканы, Средняя Азия и Кавказ, а также некоторые субъекты РФ (например, Республика Татарстан, Республика

²²⁶ Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Указ. соч. С. 33.

²²⁷ Çevik S. B. Reassessing Turkey's Soft Power: The Rules of Attraction // *Alternatives*. 2019. № 44(1). P. 57.

²²⁸ Алиева А.И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // *Вестник Московского университета*. 2014. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. С. 86.

Башкортостан и т.д.). Это напрямую связано с фактом общности языковой группы населяющих данные территории народов и их этноконфессиональной близости. Однако этим география распространения турецкого влияния не ограничивается. В неё в последние годы включаются также государства Европы, в связи с многочисленной турецкой диаспорой (например, Германия, Нидерланды, Австрия и т.д.)²²⁹.

В перечисленных странах можно выделить две основные группы фокуса, на которые ориентирована турецкая культурно-гуманитарная политика. Это иностранцы, в первую очередь студенты, которые привлекаются к изучению турецкого языка и получению образования в турецких образовательных учреждениях, а также члены турецкой диаспоры и люди, имеющие историческую связь с Турцией (предка турка и т.д.). Прежде всего это дети эмигрантов, через которых планируется сохранить и передать знания турецкого языка последующим поколениям²³⁰. В данную категорию входят, кроме того, граждане Турции, постоянно или временно проживающие за рубежом. К ним причисляются и все представители «тюркского мира» за рубежом, а также представители нетюркских наций, имеющих исторические, географические и культурные связи с бывшей Османской империей (Босния и Герцеговина, Албания).

Институты образовательной политики и политики по продвижению турецкого языка и культуры

Турецкая культурно-гуманитарная политика опирается на разветвлённую сеть институтов. Напрямую вопросами распространения турецкого языка занимается Фонд Юнуса-Эмре с функционирующим на его основе Институтом Юнуса-Эмре, и его представительства по всему миру в лице Культурных центров Юнуса-Эмре. Среди лидеров по количеству, функционирующих Центров можно отметить регионы Балкан и БВСА.

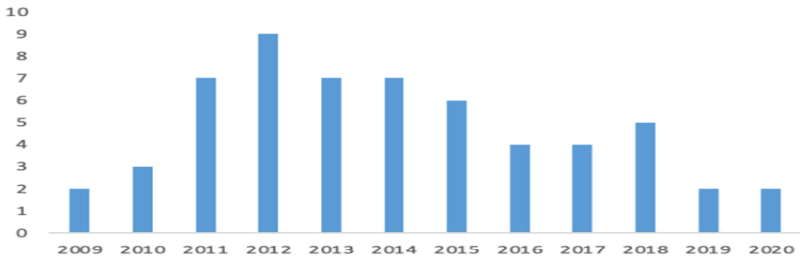
По состоянию на 2020 г. в рамках деятельности Института

²²⁹ Balaban A., Çağlayan B., Gulseven Ü. Avrupa'da Türkçe // Uluslararası dil ve edebiyat konferansı (Tirana-Albania, October 30 – November 1. 2014). Tirana, 2014. P. 464.

²³⁰ Arslan M. Yurt dışında yaşayan türk çocuklarının ana dili kullanimi ve kültür açısından karşılaştıkları sorunlar: bosna hersek örneği // International Journal of Languages' Education and Teaching. 2016. №4(1). P. 189.

Рисунок 1

Открытие новых центров Юнуса Эмре в мире по годам

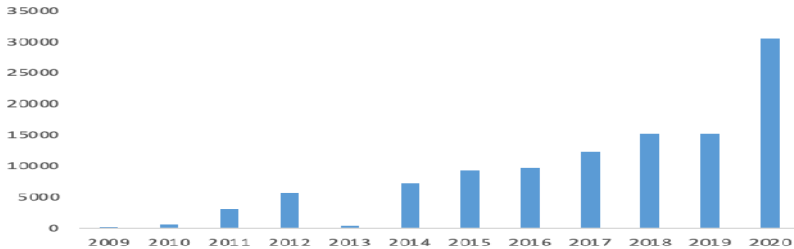

Источник: составлено автором по данным Института Юнуса Эмре.

30 467 чел. прошли обучение турецкому языку на разных уровнях, из них 9 801 чел. – очно, 20 678 чел. – в онлайн-формате. При этом данные показатели имеют яркую тенденцию роста в последние 5-10 лет (см. рис. 2).

Рисунок 2

Количество учеников и школ на базе центров Юнуса Эмре по годам

Источник: составлено автором по данным Института Юнуса Эмре.

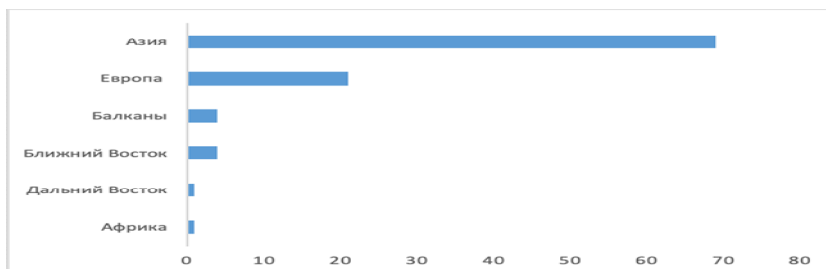
Фонд активно поддерживает и создаёт инициативы в рамках реализации научных исследований, проводит обучение специалистов, занимающихся Турцией и турецким языком.

Существуют два международных экзамена по турецкому языку, после сдачи которых можно получить сертификат об уровне владения языком, необходимом при поступлении в турецкие вузы, преподавании турецкого языка, работы переводчиком и т.д. Это экзамен на знание турецкого языка *Türkçe Yeterlik Sınavı (TYS)*, проводимый Институтом Юнуса-Эмре, и экзамен Центра изучения турецкого языка *TÖMER* при государственном уни-

верситете Анкары, проводимый только на территории Турции. В целом экзамены имеют стандартную для языковых испытаний структуру и оценивают знание языка по нескольким основным блокам: для *TYS* это чтение, аудирование, письмо и говорение (монолог, диалог), а для *TÖMER* – чтение, аудирование, произношение, письмо и грамматика. Интересно отметить, что в *TÖMER* в устной части упор делается именно на произношение, а не просто разговорные навыки. Однако региональное распределение участников экзаменов на знание турецкого языка не соответствует региональному распределению культурных Центров Юнуса Эмре в мире. Здесь лидирующее положение занимают представители азиатских и европейских стран по классификации Института (см. рис. 3).

Рисунок 3

Процентное соотношение участников *TYS* по регионам в 2020 г.

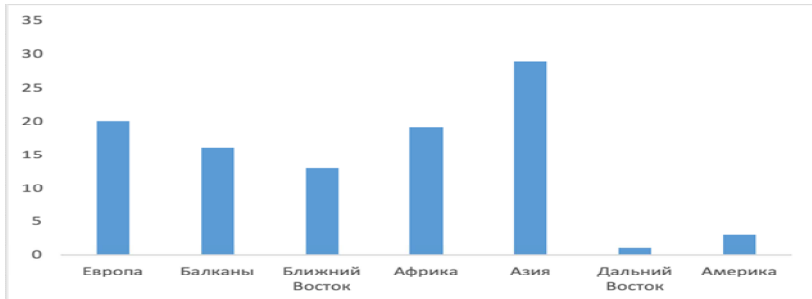

Источник: составлено автором по данным Института Юнуса Эмре.

По сравнению с другими международными экзаменами, например, по английскому или немецкому языкам, турецкие аналоги являются менее дорогостоящими.

В рамках политики по распространению турецкого языка за границей реализуются и используются различные проекты, практики и методики. Среди них стоит отметить проект «Тюркология», в рамках которого в известных зарубежных университетах были созданы кафедры по изучению Турции для увеличения числа исследований Турции в международном научном сообществе и повышения уровня заинтересованности Турцией у граждан других государств. Более того, поощряется научная деятельность в области изучения истории, культуры, политики и языка Турции.

Распределение университетов, с которыми подписаны соглашения по проекту «Тюркология» по регионам

Источник: составлено на основании данных Института Юнуса Эмре.

Наряду с этим также важно отметить проект «Я предпочитаю турецкий», в рамках которого по инициативе Института Юнуса Эмре в начальных, средних и высших учебных заведениях Боснии и Герцеговины, Грузии, Польши, Японии, Египта, Черногории и Румынии ведётся преподавание турецкого в качестве второго иностранного языка. При этом интересно отметить, что подавляющее большинство данных школ располагается в Боснии и Герцеговине (159 из 200).

До неудачной попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. в распространении турецкого языка также принимала участие сеть турецких школ, лицеев и университетов, которая была связана с движением Ф. Гюлена. Исламский проповедник и общественный деятель был одним из сподвижников Р. Т. Эрдогана в начале 2000-х гг. Несмотря на то что гюленовские школы финансировались частными учреждениями, их поддерживало турецкое правительство, которое рассматривало их деятельность как проводников турецких ценностей, языка и культуры. Однако после событий 2016 г. и закрытия с подачи Анкары сети гюленовских школ во многих странах функцию популяризации турецкого образования, а также развития международных связей Турции по данной линии принял на себя Фонд Маариф²³¹. Это было связано с тем, что находящийся в

²³¹ Akgun B. Turkey's Entrance to International Education: The Case of Turkish Maarif Foundation // Insight Turkey. 2020. №22(1). P. 62.

эмиграции в США Ф. Гюлен был объявлен одним из основных организаторов попытки военного переворота. Сегодня Фонд Маариф осуществляет деятельность в 67 странах по всему миру²³². Он курирует вопросы функционирования турецких образовательных учреждений за границей и частично рассматривает вопросы получения льготного образования иностранными студентами, а также их проживания в Турции.

Отдельно стоит отметить деятельность Управления по делам турок за рубежом и родственных сообществ (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı, YTB*), основного института по работе с турецкой общиной за границей (порядка 6,5 млн чел.²³³). Деятельность Управления направлена на укрепление связей между Турцией и представителями диаспоры и родственных народов за рубежом с упором на молодую часть общины посредством различных программ и проектов. Среди них можно отметить такие, как «Программа поддержки Время для турецкого» (*Türkçe Saati Proje Destek Programı*), ориентированная на поддержку институтов гражданского общества, способствующих продвижению обучения турецкому языку детей и молодежи турецкого происхождения, проживающих за рубежом. Также с целью подготовки учителей, необходимых для обучения турецкому языку детей, живущих за границей, *YTB* совместно с турецкими государственными университетами Акдениз, Хаджеттепе, Неджметтина Эрбакана, Сакарья и техническим университетом Ыылдыз запустили программу преподавания турецкого языка детям, проживающим за рубежом. Более того, *YTB* учредил Стипендиальную программу (*Yurtdışı Vatandaşlar Bursları*) для граждан Турции, проживающих за границей, на исследования и проекты, которые в первую очередь направлены на изучение культурных, социально-экономических условий жизни и потребностей турецкой диаспоры.

Активизация международной студенческой мобильности, а также предоставление иностранным студентам различных грантов и стипендий стало важной частью деятельности Турции в

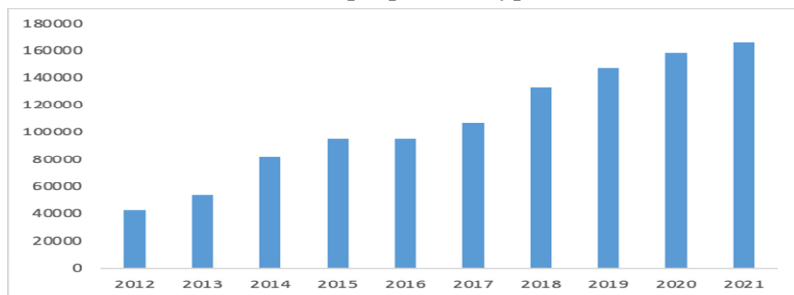
²³² Dünyada Türkiye Maarif Vakfı. URL: <https://turkiyemaarif.org/page/42-MAARIF-IN-THE-WORLD-16> (дата обращения 15.10.2022).

²³³ Turkish Citizens Living Abroad. URL: <https://www.mfa.gov.tr/the-expatriate-turkish-citizens.en.mfa> (дата обращения 15.10.2022).

рамках поддержания и распространения турецкого культурно-гуманитарного влияния в мире²³⁴. В этом контексте важно отметить деятельность Стипендиальной программы Турции, финансируемой Правительством Турецкой республики. Последние 5 лет наблюдается стабильный рост числа заявок на получение турецкой государственной стипендии на обучение (см. рис. 5).

Рисунок 5

Количество заявок на получение стипендии Стипендиальной программы Турции по годам

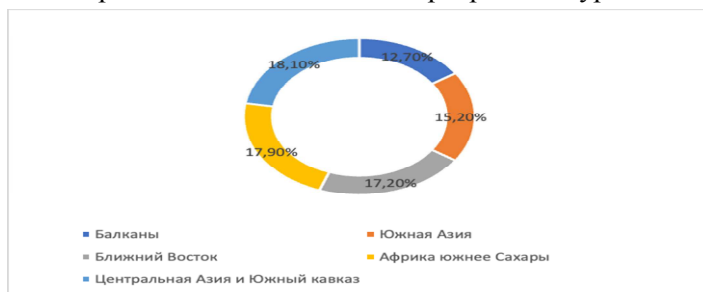

Источник: Ежегодный отчёт Стипендиальной программы Турции за 2021 г.

Что касается регионального распределения выдаваемых стипендий, то большое количество одобрений получают кандидаты из стран Центральной Азии и Южного Кавказа, Ближнего Востока, а также Африки южнее Сахары (см. рис. 6).

Рисунок 6

Региональное распределение стипендий, выдаваемых в рамках Стипендиальной программы Турции

Источник: Ежегодный отчёт Стипендиальной программы Турции за 2021 г.

²³⁴ Arasa B. The Turkish government scholarship program as a soft power tool // Turkish Studies. 2019. № 20(3). P. 432.

Кроме того, активная популяризация турецкой массовой культуры (телевидение, кинематограф, музыка и т. д.) и использование СМИ неразрывно связаны с процессом продвижения турецкого культурно-гуманитарного влияния за рубежом.

Ключевые акторы информационной политики Турции

Основными СМИ для раскрытия данной повестки стали Фонд турецкого радио и телевидения (*Türkiye Radyo Televizyon Kurumu, TRT*) и информационное агентство *Anadolu*. Во второй половине 2000-х гг. и в начале 2010-х гг. происходит постепенное масштабирование деятельности *TRT* на зарубежную аудиторию. В 2006 г. создаётся радио «Голос Турции» для вещания на 32 языках, а также *TRT Europe FM*. В 2008 г. был открыт интернет-портал *trt-world.com.tr* с вещанием на 35 языках, а в 2009 г. – *TRT 6* (позже названный *TRT Kurdî*), аудиторией которой являлось курдское население Турции и Ближнего Востока, для борьбы «с влиянием Рабочей партии Курдистана» (РПК) и *TRT Avaz* для тюркоязычных государств и народов²³⁵. В мае того же года при партнёрстве с *Euronews* был запущен телеканал *TRT-Int*. Можно сказать, что это была первая попытка выхода на англоязычную аудиторию со стороны Турции.

Как писал в 2008 г. в своём эссе А. Давутоглу, «... на сегодняшний день у Турции были лишь ограниченные возможности распространить своё влияние на Ближний Восток. Фактор РПК, а также наличие взаимных негативных образов с обеих сторон стали камнем преткновения в виде взаимного психологического барьера»²³⁶. Следовательно, с целью продвижения турецкой внешнеполитической повестки в 2010 г. начал своё вещание канал *TRT Arabi*.

При этом стоит сказать, что *TRT 6*, *TRT Avaz* и *TRT Arabi* были направлены на конкретные регионы, а более универсальный канал, который бы вещал на самую широкую мировую аудиторию, был создан только в 2015 г. под названием *TRT World*, заменив *TRT-Int*, производившийся совместно с *Euronews*. Более того, с 2017 г. стартовал проект «*TRT World Forum*», где веду-

²³⁵ Aydemir E. *Dış Politikada Yumuşak Güç ve Medya* // İstanbul: Kalkedon Yayınları. 2006. P. 367-368.

²³⁶ Davutoğlu A. *Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007* // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. №1. P. 81-82.

щие политики, учёные, эксперты и журналисты обсуждают и представляют свои мнения и прогнозы по наиболее актуальным проблемам нашего времени²³⁷.

На сегодняшний день *TRT World* скорее представляет собой самостоятельный продукт, готовый конкурировать с ведущими мировыми каналами, как *BBC*, *Euronews*, *Al Jazeera*, *DW* и т.п.

Существенно, что после попытки военного переворота в Турции, конституционной реформы с 2016–2018 гг. происходит концентрация рычагов информационной политики в руках турецкого президента. До конституционных преобразований *TRT* находился в подчинении премьер-министра Турции.

10 июля 2018 г. вышел Указ Президента Турции №3 (30474), в котором говорилось о том, что генеральный директор и члены правления медиахолдинга *TRT* теперь назначаются решением главы государства на 4-летний срок²³⁸. В дополнение к этому вышел новый Указ Президента Турции №14 (30488), согласно которому агентство *Anadolu* и *TRT* подотчётны Управлению по связям Администрации Президента Турции²³⁹.

Исходя из Указа Президента Турции №4 (30479) от 15 июля 2018 г., одним из полномочий *TRT* является вещание за рубежом с целью продвижения интересов государства в разных сферах деятельности и поддержания отношений турецких граждан, находящихся за рубежом, с Турецкой Республикой²⁴⁰. Более того, по сути, в указе была обозначена миссия *TRT* в рамках публичной политики: «При необходимости использовать все каналы вещания как внутри страны, так и за рубежом, а также осуществлять все необходимые меры с целью обеспечения ус-

²³⁷ TRT World Forum. URL: <https://www.trtworldforum.com/about/> (дата обращения 23.10.2022).

²³⁸ Üst Kademe Kamu Yöneticileri ile Kamu Kurum ve Kuruluşlarında Atama Usûllerine Dair Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/19.5.3.pdf> (дата обращения 23.10.2022).

²³⁹ Cumhurbaşkanlığından: GENELGE. 2018/2. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/CumhurbaşkanlığıGenelgeleri/20180724-2.pdf> (дата обращения 23.10.2022); İletişim Başkanlığı Teşkilatı Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/19.5.14.pdf> (дата обращения 23.10.2022).

²⁴⁰ Türkiye Radyo-Televizyon Kurumu (TRT) Cumhurbaşkanlığı Kararname. URL: <https://www.mevzuatinyeri.com/personel-mevzuati/turkiye-radyo-televizyon-kurumu-trt-cumhurbaşkanligi-kararname-h17027.html> (дата обращения 23.10.2022).

тойчивого вещания»²⁴¹.

После сосредоточения информационной политики в руках Р. Эрдогана и его Управления по связям при Администрации Президента начинается более активная экспансия медиахолдинга:

2020 г. – запуск платформ *TRT Russian* и *TRT Deutsch*;

2022 г. – начало деятельности *TRT Français* и *TRT Balkan*, в конце 2022 – начале 2023 г. предполагается старт *TRT Africa*;

2023 г. – планируется начать вещание *TRT* на испанском языке и фарси.

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что проведение более независимой и персонифицированной внешней политики со стороны команды Р. Эрдогана стало подкрепляться аналогичной информационной политикой Турции.

Сегодня Турция является второй после США страной – лидером по объёму экспорта сериалов, при этом значительная часть приходится именно на страны ближневосточного региона²⁴². Стоит отметить, что эффективность данного инструмента в рамках комплекса «мягкой силы» не стимулировалась государством и по большей части и сегодня обладает прежде всего экономической привлекательностью. С повышением спроса на продукты массовой культуры, распространением её далеко за пределы Турции и осознанием возможностей формирования предпочтений и восприятия населения данная сфера начала больше вписываться во внутри- и внешнеполитический контекст, тем самым соответствуя государственным целям и задачам. На основе исторических сюжетов, идеологического наполнения и грамотно продуманной стратегии с помощью массовой культуры формируется «знакомый и близкий» для иностранцев образ Турции, который повышает симпатии, привлекает поток туристов и людей, желающих изучать турецкий язык²⁴³. Яркий пример отражения государственной риторики в сериалах – «Бал-

²⁴¹ Ibid.

²⁴² Зубкова А.И. Мягкая сила Турции: феномен «soap power» как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. №2. С. 53.

²⁴³ Çevik B. S. Turkish Soap Opera Diplomacy: A Western Projection by a Muslim Source // Exchange: The Journal of Public Diplomacy. 2014. №6(5). P. 93.

канская колыбельная», продвигающий идею мирного проживания народов на Балканах (в данном случае в Северной Македонии (Скопье) – местных народов и этнических турок).

Турция в Южном Средиземноморье

Турция активно продвигает культурно-гуманитарную политику в Южном Средиземноморье с преобладающим упором на образовательный компонент. В 2015 г. Турция и Алжир подписали Меморандум о взаимопонимании в области высшего образования и научных исследований, направленный на создание общей основы, способной упрочить связи между академическими учреждениями обеих стран²⁴⁴. Интенсивно развивается образовательное и научное сотрудничество с Марокко и Ливией.

Однако серьёзным ограничителем распространения турецкого влияния в этом регионе выступает доминирующее положение Франции. Показательный пример уровня влияния Парижа – количество студентов из стран Южного Средиземноморья, обучающихся в стране. Так, из 31 тыс. алжирских студентов, получающих образование за рубежом (по данным ЮНЕСКО), около 80% выбирают французские университеты²⁴⁵. Марокканские же студенты составляют 20% от общего числа иностранных студентов в Республике: согласно образовательному агентству *Campus France*, во Франции учатся 43 тыс. марокканцев²⁴⁶. Количество студентов из Туниса, выбравших французские университеты для получения образования, несколько ниже – около 13 тыс.²⁴⁷ Тем не менее данные показатели в целом демонстрируют преобладающее влияние французского образования в регионе.

Ещё одним фактором, от которого зависит будущее «мягкой силы» Турции, является экономическое положение в стране. В настоящий момент Турция переживает один из самых тяжёлых

²⁴⁴ Algeria, Turkey Sign MOU in Higher Education and Scientific Research. URL: <https://allafrica.com/stories/201512161346.html> (дата обращения 14.10.2022).

²⁴⁵ Algeria Education and Training. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/algeria-education-and-training> (дата обращения 14.10.2022).

²⁴⁶ Ortiz J. Moroccan students make up the largest foreign academic community in France. URL: <https://atalayar.com/en/content/moroccan-students-make-largest-foreign-academic-community-france> (дата обращения 14.10.2022).

²⁴⁷ Tunisia-France: Tunisia ranked fifth in number of foreign students. URL: <https://news-tunisia.tunisienumerique.com/tunisia-france-tunisia-ranked-fifth-in-number-of-foreign-students/> (дата обращения 14.10.2022).

финансовых и экономических кризисов в своей истории, который сопровождается значимым ростом инфляции, безработицы, девальвацией турецкой лиры и т.п.²⁴⁸ Рекордное падение последней осенью 2021 г. крайне негативно сказалось на инфляции²⁴⁹: по состоянию на сентябрь 2022 г., согласно официальным данным, она в стране достигла отметки 83,45%, стремясь постепенно к трёхзначным показателям²⁵⁰. Несмотря на то что сфера образования остаётся одной из самых больших статей расходов бюджета Турции, Анкара вряд ли сможет поддерживать докризисный уровень вложений в образовательную политику в разных регионах, в том числе в Южном Средиземноморье.

Турция на Балканах

Другим регионом, имеющим важное геостратегическое значение для Турции, являются Балканы. Через их Балкан проходят важные для мировой экономики газопроводы, здесь сопрягаются транспортные пути, связывающие Европу и Азию.

Для Турции использование «мягкой силы» в этом регионе было инструментом восстановления отношений с соседними странами и получения признания в них. При этом не стоит забывать, что, помимо этого, турецкая внешняя политика на Балканах периода 1990–2000-х гг. доказывала, что, несмотря на все идеологические конструкты, она вполне может быть прагматичной и заточенной на конкретные результаты. Поэтому можно сказать, что Турция сумела выработать собственный формат «интеграционных полей» – культурно-гуманитарных, образовательных и экономических, лишь частично затрагивающих политические факторы²⁵¹. Это всегда демонстрируется во время визитов Р. Эрдогана в балканские страны и отражается на количестве

²⁴⁸ Исламов Д.Р. Движение санкционного неприсоединения: Сербия и Турция. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neprisoedinenie-serbiya-i-turcziya/> (дата обращения 14.10.2022).

²⁴⁹ Соловых Д. Рекордное падение турецкой лиры. Почему это произошло и что ждёт Турцию дальше. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13050995> (дата обращения 11.05.2022).

²⁵⁰ Tüketici Fiyat Endeksi. Türkiye İstatistik Kurumu. Eylül 2022. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Tuketici-Fiyat-Endeksi-Eylul-2022-45798> (дата обращения 14.10.2022).

²⁵¹ Аватков В.А. Неосоманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3. С. 76.

посещений со стороны высших официальных лиц Турции балканского региона. К примеру, в 2014–2022 гг. президент Р. Эрдоган 5 раз посетил Боснию и Герцеговину (БиГ), 3 раза Сербию, 2 раза Хорватию, по одному разу Грецию, Болгарию, Румынию, а также в 2021 г. совершил первый официальный визит в Черногорию²⁵².

Однако ранее турецкая информационная повестка в регионе серьёзно отставала от торгово-экономической и культурно-образовательной экспансии Турции. СМИ как инструмент публичной политики Турции в регионе стали развиваться только с конца 2000-х гг. первоначально с опорой на информационное агентство *Anadolu*. Другой значимый турецкий информационный игрок – *TRT* – преимущественно вещал на турецком языке (*TRT Avaz*). Лишь в 2022 г. с появлением цифровой платформы *TRT Balkan* можно говорить о системном проникновении Турции в информационное пространство региона.

Получается, что с момента начала вещания турецких каналов на Балканах до момента покрытия всех стран региона прошло почти полтора десятилетия. Первоначально *TRT Avaz* (в пер.: звук или голос) должен был ориентироваться на «тюркоязычные» страны, включая две балканские страны – Албанию и БиГ²⁵³. Вещание должно было идти на боснийском языке, позже добавился и албанский.

Более 52% информации *TRT Avaz* посвящено вопросам культуры, драме – 14,4%, музыкальным программам – 8,1%²⁵⁴. Помимо них освещались новости, кино, образование и т.п.²⁵⁵

Однако большинство программ на *TRT Avaz* касались турок, проживающих в балканских государствах, или жизни мусульманского сообщества. В целом тематику передач можно было

²⁵² Исламов Д.Р. «Хочу быть владычицей морской»: Турция как потенциальный посредник на Западных Балканах. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/khochu-byt-vladychitsey-morskoy-turtsiya-kak-potentsialnyy-posrednik-na-zapadnykh-balkanakh/> (дата обращения 23.10.2022).

²⁵³ Ibid. P. 35.

²⁵⁴ Erdoğan Y. Kamu Yayıncılığı ve TRT. Yüksek Lisans Tezi. Selçuk Üniversitesi, 2012. P. 128.

²⁵⁵ Çiftçi D., Akyel Y., Özejder İ. Public Broadcasting in The Turkish World Culture: Case of TRT Avaz // *Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2021. №97. P. 68.

распределить по следующим направлениям: 1) жизнь турок и мусульман на Балканах: *Gönül Yolu* («Сердечный путь»), *Rumeli'de Türk Kilometre Taşları* («Турецкие вехи в Румелии»), *Balkan Köyleri* («Балканские деревни») и др.; 2) освещение региональных вопросов политики, экономики, культуры, искусства и т.п.: *Balkan Gündemi* («Повестка дня Балкан»), *Boşnakça ve Arnavutça haberler* («Новости на албанском и боснийском языках») и др.; 3) сериалы, передачи для путешественников, документальные фильмы (совместно с *TRT Türk* и *TRT Belgesel*): *Balkan Saati* («Время Балкан») и т.п.

Стоит отметить, что телеканал *TRT Türk*, предназначенный для турецкой диаспоры за рубежом (за исключением тюркоязычных стран), был направлен на создание программ о турецкой культуре. В ареал вещания входит также Балканский регион. В частности, в 2022 г. был запущен проект *Balkan Saati*, где ведущий путешествует по балканским городам, знакомясь и беседуя в первую очередь с балканскими турками²⁵⁶.

К тому же основной канал *TRT* осуществляет свою деятельность на Балканах, распространяя фильмы и телесериалы. Примером тому является сериал «Алия», вышедший на *TRT* в 2018 г. Сам сериал состоял из 6 серий, которые повествовали о жизни боснийского лидера А. Изетбеговича²⁵⁷. В 2022 г. вышла вышеупомянутая романтическая мелодрама «Балканская колыбельная» о молодом турке, приехавшем в Северную Македонию и влюбившемся в македонку²⁵⁸.

Что касается продвижения турецкой новостной повестки, эту роль на себя взяло агентство *Anadolu*, которое начало вещание в 2012 г. на сербском, боснийском, хорватском языках; ввиду политической конъюнктуры был добавлен и черногорский. На данном этапе агентство также работает на албанском и македонском языках.

Несмотря на всё вышесказанное, на наш взгляд, целенаправ-

²⁵⁶ *Balkan Saati*. Bölümler. URL: <https://youtu.be/JyImOIZJk6A> (дата обращения 23.10.2022).

²⁵⁷ *Alija*. Bölümler. URL: <https://youtu.be/RHh8ZMur4ZU> (дата обращения 23.10.2022).

²⁵⁸ *Balkan Ninnisi*. Bölümler. URL: <https://youtu.be/8PoyT0GgkDk> (дата обращения 23.10.2022).

ленной информационной политики Турции в регионе не существовало. В частности, была слабо представлена работа на местных языках – преимущественно на турецком языке. Следовательно, у *TRT Avaz* был достаточно узкий круг потребителей, а часовые новостные сводки на албанском и боснийском языках вряд ли можно назвать значимым информационным явлением.

Но постепенно становилось очевидным, что этого явно недостаточно для Турции с точки зрения конкуренции с другими крупными медиа в регионе: *BBC*, *Euronews*, *Al Jazeera*, *Radio Free Europe*, *Russian Sputnik* и др. Поэтому в июне 2022 г. цифровая платформа *TRT Balkan* целенаправленно начала работать именно на Балканы на всех местных языках как «единый кулак» с офисами в Сараеве и Скопье²⁵⁹.

На данном этапе можно предположить, что следующие направления станут основой информационной повестки Турции через платформу *TRT Balkan*: борьба с исламофобией по всему миру, включая Балканы, «развенчание мифов» внутренней и внешней политики Турции, борьба с движением Ф. Гюлена, запрещённым в Турции, подготовка к выборам президента Турции в 2023 г. с упором на поддержку Р. Эрдогана.

Примечательно, что по набору инструментов турецкой «мягкой силы» на Балканах особняком стоит Болгария. В стране нет представительства Института Юнуса Эмре, ТИКА, нет школ МААРИФ. Поэтому наибольшую роль в трансляции турецких ценностей в болгарском обществе играют Управление по делам религии Турции (Диянет) и турецкие сериалы.

Безусловно, деятельность Диянета направлена на мусульман Болгарии, которые составляют 10% населения страны. Турки являются крупнейшей мусульманской общиной в Болгарии. Они представляют собой наиболее консолидированную общность в государстве с очень ясным и недвусмысленным пониманием своей этнической идентичности. Управление занимается строительством, реставрацией мечетей и культовых сооружений. Большая его роль состоит в поддержке религиозного образования.

²⁵⁹ Türkiye's public broadcaster TRT launches Balkans edition. URL: <https://www.trtworld.com/turkey/t%C3%BCrkiye-s-public-broadcaster-trt-launches-balkans-edition-58004> (дата обращения 23.10.2022).

Именно этот фонд снабжает болгарских мусульман религиозной литературой, осуществляются переводы на местные языки. Кроме того, существуют различные стипендии для обучения на богословских факультетах в самой Турции. Цель Диянета в Болгарии – помочь мусульманским братьям вспомнить свою веру, которую они почти забыли за период социализма. Так, в Болгарии находятся 3 средних духовных школы, высшее исламское учебное заведение. В 1998 г. Турция и Болгария подписали протокол, согласно которому Турция выплачивает заработную плату 600 имамам в стране, а также часть расходов, понесённых мечетями и другими религиозными учреждениями²⁶⁰. В 2012 г. Турция выделила 6 млн долл. на строительство мечети в южной болгарской области Кырджали²⁶¹. На тот момент это строительство считалось самым дорогим строительным проектом в этой части страны. Турция также приняла участие в восстановлении исторических достопримечательностей, включая мечети, мосты и религиозные школы османской эпохи. В 2019 г. была отреставрирована старейшая мечеть на Балканах (1392 г.) в Хасково²⁶².

О том, какую роль играет Турция в мусульманском сообществе Болгарии, свидетельствует то, что после аннулирования протокола о финансировании временным Кабинетом министров Болгарии в марте 2017 г. более 600 имамов остались без дохода, а 32 были вынуждены покинуть страну. Сам Верховный муфтий Болгарии был лишён средств для своей деятельности²⁶³.

В целом можно утверждать, что посредством Диянета Партия справедливости и развития начала экспортировать исламский дискурс за границу. Растущее значение ислама в риторике, используемой во внутренней политике, напрямую отражается

²⁶⁰ Tuygan B. Turkish religious diplomacy raises tensions with Bulgaria. URL: <https://ahvalnews.com/bulgaria-turkey/turkish-religious-diplomacy-raises-tensions-bulgaria> (дата обращения 11.10.2022).

²⁶¹ Turkey Pours BGN 12 M to Build Largest Mosque in Bulgaria. URL: <https://www.novinite.com/articles/138209/Turkey+Pours+BGN+12+M+to+Build+Largest+Mosque+in+Bulgaria> (дата обращения 11.10.2022).

²⁶² Calik B. Bulgaria: Ottoman-era mosque opens after renovation. URL: <https://www.aa.com.tr/en/culture/bulgaria-ottoman-era-mosque-opens-after-renovation/1505318> (дата обращения 11.10.2022).

²⁶³ Болгария перекрыла финансовый поток из Диянета Турции. URL: <http://newsturk.ru/2017/08/12/bolgariya-perekryila-finansovyyi-potok-iz-diyaneta-turtsii> (дата обращения 11.10.2022).

на деятельности турецкого государства за рубежом, что приводит к эволюции Диянета в сторону влиятельного религиозного института и повышению статуса имамов до уровня религиозных дипломатов.

В 2015 г. в Болгарии был принят новый закон об образовании и разработаны новые учебные программы и учебники, из которых было исключено изучение Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но представлено подробное изучение устройства Османской империи²⁶⁴.

Говоря о турецкой «мягкой силе», невозможно пройти мимо такого феномена, как турецкие сериалы, которые чрезвычайно популярны в Болгарии. Они пришли на смену латиноамериканским и обогнали их по популярности: в среднем их рейтинги на 50% выше, чем у латиноамериканских аналогов. Болгария закупила 27 турецких сериалов, среди которых «Тысяча и одна ночь», «Листопад», «Балканская колыбельная»²⁶⁵. Сериалы изменили образ Турции и турок, изображая их как современных, трудолюбивых городских жителей. Исследования показывают, что у болгар, которые смотрят турецкие сериалы, больше положительных впечатлений от Турции, чем у тех, кто их не смотрит²⁶⁶. Популярность сериалов связана с тем, что действие разворачивается в схожих для болгар и турок реалиях, на фоне миграции из села в город, где традиционные ценности сталкиваются с многочисленными вызовами мегаполисов. Именно традиционная мораль, на правильности которой настаивают создатели сериалов, нашла широкое отражение в сердцах болгар.

Таким образом, в последние два десятилетия наблюдается активизация турецкой политики по продвижению культурно-гуманитарного влияния за рубежом, что напрямую связано с изменением внешнеполитического курса страны с приходом к власти в начале 2000-х гг. ПСР. При этом изменения касаются как основных направлений внешней политики, учитывая, что ос-

²⁶⁴ Решетникова О.Н. Болгарии мостят дорогу в Балканский халифат // Русский дом. 2016. №4. С. 12.

²⁶⁵ Bulgaria Crazy Over Turkish Soap Operas. URL: <https://balkaninsight.com/2011/02/09/bulgaria-crazy-over-turkish-soap-operas> (дата обращения 11.10.2022).

²⁶⁶ Pehlivan H. Turkish TV series and the Balkans: Bridging the gap. URL: <https://www.trtworld.com/perspectives/turkish-tv-series-and-the-balkans-bridging-the-gap-477> (дата обращения 11.10.2022).

новной фокус смещается на страны Ближнего Востока и Северной Африки и Балкан, так и используемых для их реализации инструментов, учитывая комплексное применение инструментов «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике. В рамках применения «мягкой силы» в странах Средиземноморского региона делается упор на использование потенциала культурно-исторического и этноконфессионального влияния. Политика обосновывается тремя идейными концепциями, вокруг которых формируется современная внешняя политика Турции: панисламизм, пантюркизм и неоосманизм. Основными инструментами культурно-гуманитарной политики Турции в Средиземноморье сегодня являются: 1) образовательная политика; 2) политика по продвижению турецкого языка и культуры за рубежом, и 3) информационная политика. Турция является успешным примером, в том числе и для России, того, как в условиях относительно небольшого финансирования можно добиваться повышения притягательности страны в мире, используя инструменты «мягкой силы». Однако не стоит забывать о тех ограничениях, с которыми сегодня сталкивается Турецкая Республика. К ним относятся: нарастание напряжённости в отношениях между Турцией и некоторыми странами – членами ЕС (в частности, с Францией), включая институты Евросоюза; финансовые и экономические проблемы Турции, связанные с ростом инфляции, безработицы, девальвацией турецкой лиры и т.п., а также ситуативное усиление Анкары в роли посредника в вопросах международного регулирования, что, с одной стороны, влечёт за собой рост авторитета, а с другой – усиление традиционных страхов чрезмерных турецких амбиций и растущей конкуренции держав «среднего уровня» в тюркском мире.

ГЛАВА 12. СЕРБСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И РОЛЬ НКО И СМИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ДИСКУРСА

Бесспорно, эскалация украинского кризиса стала шоком для международных отношений. Мировая система трансформируется, на повестке дня появляются новые вопросы²⁶⁷. В Сербии,

²⁶⁷ Proroković D. Era multipolarnosti. Beograd: Službeni glasnik, 2018.

стране, практически окружённой ЕС и НАТО, но не являющейся их членом, остаётся открытым вопрос о характере взаимоотношений с Россией. Антироссийская истерия т.н. коллективно-го Запада нашла отражение и в практической политике: против РФ, её граждан, чиновников и бизнес-структур регулярно вводятся санкции. Беспрецедентными стали аресты российских активистов, а также ограничения авиасообщения.

Весьма показательна эволюция взглядов западных наблюдателей: если изначально ожидалось, что РФ не достигнет своих целей в рамках СВО, то уже спустя четыре месяца на Западе пришли к выводу, что конфликт затягивается, и в противостоянии на истощение у России имеются весьма неплохие шансы на успех, особенно в условиях санкций, оказавших негативный эффект и на экономики европейских государств. Отдельно подчёркивается, что действиями по конфискации российского имущества и преследованию частных лиц, предположительно находившихся в «тесном контакте с президентом РФ В. Путиным», подрываются сами ценностные основы западноевропейского общества²⁶⁸.

Антироссийская истерия положила начало установлению нового «железного занавеса». В силу географического фактора для такого небольшого государства, как Сербия, с ограниченным военным, экономическим и политическим потенциалом, было бы логично следовать политике ЕС и НАТО. Однако в силу исторических причин Сербия не стала членом ни ЕС, ни НАТО, и потому для неё целесообразно любой ценой оставаться с Россией – если не единственным, то одним из немногих и, безусловно, наиболее важным союзником в Европе. Без каких-либо колебаний и предельно откровенно официальные лица ведущих западных стран потребовали от Сербии действовать в соответствии с логикой, обусловленной географическим фактором²⁶⁹, и данные требования поддержала часть сербской интеллигенции.

²⁶⁸ Ди Велт: Пет разлога зашто Русија побеђује Запад у рату. URL: <https://srbin.info/svet/di-velt-pet-razloga-zasto-rusija-pobedjuje-zapad-u-ratu/> (дата обращения 10.11.2022).

²⁶⁹ Nema strpljenja u EU: Srbija mora da uvede sankcije Rusiji. URL: <https://rs.n1info.com/vesti/nema-strpljenja-u-eu-srbija-mora-da-uvede-sankcije-rusiji/> (дата обращения 10.11.2022).

ной, культурной и политической элиты²⁷⁰.

В то же время общественность Сербии чётко и прямо потребовала от руководства страны действовать, как подсказывают исторические императивы. Таким образом, власти Сербии оказались в очень сложной ситуации, которая в полной мере отражена в заключении Совета национальной безопасности от 25 февраля 2022 г. Согласно ему Сербия, с одной стороны, отказалась поддерживать антироссийские санкции, а с другой – выразила полную поддержку территориальной целостности Украины²⁷¹. Это неоднозначное отношение проявилось и во время ряда сессий Генеральной Ассамблеи ООН, когда Сербия голосовала за антироссийские предложения или воздерживалась. В ответ на шаткую позицию руководства населением Сербии в Белграде были организованы массовые протесты, призванные показать, что сербская общественность не поддерживает позицию властей. В западных СМИ эти выражения недовольства были представлены как действия «крайне правых» элементов²⁷². Тем не менее опросы общественного мнения показывают, что это не только мнение «крайне правых», а позиция подавляющего большинства граждан страны.

Журнал «Новая сербская политическая мысль» утверждает, что «84% граждан считают, что санкции не должны вводиться в отношении России. 60% граждан говорят, что не следует действовать подобным образом, даже если ЕС будет угрожать Сербии санкциями, в то время как около 19% опрошенных гово-

²⁷⁰ Teodorović: Treba da uvedemo sankcije Rusiji, pa neka se i smrzavamo malo! URL: <https://www.kurir.rs/vesti/politika/3939763/teodorovic-sokirao-izneo-nevidj-eni-predlog-zapad-da-pritiska-vucica-da-uedemo-sankcije-rusiji-slab-je-i-ne-moz-e-to-da-izdrzi> (дата обращения 10.11.2022). Ukrajinski termopili. URL: <https://www.danas.rs/dijalog/licni-stavovi/ukrajinski-termopili/> (дата обращения 10.11.2022).

²⁷¹ Zaključak Saveta za nacionalnu bezbednost Republike Srbije broj 1-10/2022. URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/saopstenja/zakljucak-saveta-za-nacionalnu-bezbednost-republike-srbije-broj-1-102022-od-25-februara-2022-godine> (дата обращения 10.11.2022).

²⁷² Protest desničara u Beogradu zbog glasanja protiv Rusije u UN. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/desnicari-srbija-rusija-protest/31804896.html> (дата обращения 10.11.2022); Skup podrške Rusiji u Beogradu. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/skup-podrske-rusiji-u-beogradu/31736481.html> (дата обращения 10.11.2022).

рят, что в этом случае санкции должны быть одобрены»²⁷³. К аналогичному выводу пришли исследователи *Demostat*: «Только $\frac{1}{3}$ граждан Сербии поддержала бы вступление Сербии в ЕС, в то время как 51% выступают против. Более половины граждан считают, что Сербия не должна согласовывать свою внешнюю политику и политику в сфере безопасности с ЕС, что является важным критерием дальнейшего процесса евроинтеграции, в то время как целых 80% выступают против введения санкций против России»²⁷⁴.

Итак, в то время как бóльшая часть сербских элит, или, точнее, в то время как более «громкая» её часть, поддерживаемая (про)западными СМИ, придерживается мнения, что ценности ЕС и НАТО должны быть «защищены», по крайней мере $\frac{4}{5}$ граждан имеют совершенно иную точку зрения.

Возникает логичный вопрос: почему мнение большинства населения не нашло отражения на выборах? Почему политические партии, разделяющие позицию 80% граждан, не побеждают? Ответ на этот вопрос весьма сложен, требует обширных исследований и междисциплинарного подхода. В данной главе обозначены два аспекта.

Во-первых, в балканских государствах, как правило, организуются выборы, которые имеют мало общего со свободой волеизъявления и неуклонным соблюдением демократических процедур. ЕС и НАТО создали тщательно проработанную систему управления политическими процессами. Для управления политическими системами, допуска к электоральным процессам тех или иных сил, а также для реализации определённых целей используется принцип «политкорректности». В этой связи показательна ситуация с Демократическим фронтом в Черногории: постоянно набирая около 30% голосов на выборах, он не может обеспечить выдвижение своих кандидатур на ключевые посты

²⁷³ Истраживање НСПМ: Број грађана који сматрају да не треба увести санкције Русији порастао са 82,2 на 84 одсто! URL: <http://www.nspm.rs/hronika/istrazivanje-nspm-broj-gradjana-koji-smatraju-da-ne-treba-vesti-sankcije-rusiji-porastao-sa-822-na-84-odsto.html> (дата обращения 10.11.2022).

²⁷⁴ Javno mnjenje: Čak 80 odsto protiv sankcija Rusiji. URL: <https://www.vreme.com/vesti/javno-mnjenje-čak-80-odsto-protiv-sankcija-rusiji/> (дата обращения 10.11.2022).

в правительстве, даже когда входит в правящую коалицию.

Во-вторых, ЕС и НАТО, игнорируя внутривластные реалии стран Балканского региона, насаждают «стабилитократию» за счёт демократии²⁷⁵ и требуют от государств региона гармонизации политического курса с линией стран – членов евроатлантических структур²⁷⁶.

Политические решения принимаются узким кругом людей, допущенных к руководству. Эти решения оправдываются и объясняются общественности «лояльными» представителями интеллектуальной и культурной элиты в рамках полностью подконтрольного медиапространства. Народное недовольство, даже когда оно выплёскивается на улицы, как в случае с Сербией, некому координировать. Нередко национальные и мировые СМИ игнорируют факты спонтанного народного волеизъявления, а если и сообщают о них, то только в негативном контексте.

Иными словами, создаётся определённый политический дискурс²⁷⁷. С одной стороны, формально существуют выборы, которые обеспечивают законность правительства, принимающего решения, а с другой стороны, действия части элит с чёткой прозападной ориентацией обеспечивают легитимность этих решений. В этом контексте легитимность даже важнее, чем законность: когда происходит что-то, что является законным, но не соответствует политическому дискурсу, то такие решения не получают легитимности, а потому труднореализуемы и отвергаются. Соответственно, позиция большинства или даже подавляющего большинства может быть обозначена «ошибочной». И хотя $\frac{4}{5}$ граждан Сербии могут придерживаться одних позиций, элиты могут представить их как нечто нелегитимное (см. схему.).

Для достижения такого порядка вещей была разработана система управления политическими процессами. Согласно Д. Ис-

²⁷⁵ Bieber F. The rice (and fall) of Balkan Stabilitocracies // Horizons. 2018. Issue №10. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/the-rise-and-fall-of-balkan-stabilitocracies> (дата обращения 10.11.2022).

²⁷⁶ Zweers W., Crieti G. The EU as a promoter of «stabilitocracy» in the Western Balkans. Clingendael: Netherlands Institute of International Relations, 2022. URL: <https://www.clingendael.org/publication/eu-promoter-stabilitocracy-western-balkans> (дата обращения 10.11.2022).

²⁷⁷ Foucault M. The Order of Things. London: Routledge, 2001.

Политическая система по Д. Истону²⁷⁸

тону, система – это «нечто большее, чем сумма её частей»²⁷⁹. Взаимодействие внутри системы или системы с окружающей средой приводит к тому, что изменение в одном компоненте системы влияет на другие компоненты или на всю систему в целом.

Чтобы лучше понять этот алгоритм, необходимо применить теорию систем к политическим процессам. Для того чтобы получить желаемый результат, надо выбрать структурные элементы²⁸⁰. В теории в демократических государствах наиболее важным элементом является мнение граждан, т.е. отношение ответственности. Благодаря манипуляциям СМИ и постоянному продвижению «политкорректности» политический дискурс становится таким элементом. Если невозможно создать такой политический дискурс из-за оппозиции части общества, этот «ввод» релятивизируется. В схеме Д. Истона общественное мнение представляют собой «требования», а манипулирование СМИ – «поддержку». Чтобы минимизировать критику политического дискурса «поддержка» увеличивается, а влияние «требований» уменьшается. Неправительственные организации и система образования играют важную роль в оказании влияния на политическую, интеллектуальную и культурную элиты.

Роль НКО, СМИ и институтов

С началом политической трансформации в странах Восточной Европы 1990-х гг. внимание западных акторов было сосре-

²⁷⁸ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965. P. 32.

²⁷⁹ Ibid. P. 31-34.

²⁸⁰ Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development, Applications. New York: George Braziller Inc., 2015. P. 194-196.

доточено преимущественно на НКО (это относится в первую очередь к США, но и позднее этот инструментарий стали использовать ЕС и НАТО)²⁸¹, при этом предпочтение отдавалось небольшим организационным единицам, помощь которым оказывалась в рамках проектного финансирования²⁸².

С годами сложился определённый подход к финансированию проектов. Он заключается в следующем. Во-первых, определяется стратегическая цель, связанная с реформированием всех сегментов государственного управления и формированием новой политики. Одним из приоритетов при этом является вопрос внешнеполитического позиционирования восточноевропейских стран. Во-вторых, неправительственным организациям для получения средств предлагается подавать заявки, соответствующие определённым критериям. Таким образом, ничто не навязывается, а креативность черпается за счёт внутренних ресурсов. На вопрос, как изменить внешнюю политику страны, отвечают исследователи соответствующих стран, которые лучше знают обстановку. Соответственно, осуществляется подбор персонала, поддерживающий желаемый политический дискурс. Третий шаг заключается в распространении влияния НКО на другие учреждения и отдельные лица. В проекты включаются сотрудники государственных научно-исследовательских и высших учебных заведений, они участвуют в исследованиях, которые зачастую приносят более солидные доходы, чем те, что они получают по основному месту работы²⁸³. На четвёртом этапе НКО взаимодействуют с научными, образовательными, культурными учреждениями, результатом чего становится влияние на научно-образовательную систему, где наряду с набором новых сотрудников также возможно продвижение новой теоретической

²⁸¹ Ram, Melanie H. The NGO Role in the Diffusion of EU Ideas and Policies. Berlin, 2009. P. 4-30. URL: https://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeuropa/activities_alt/Content/ic2009/opening_conference/conference_papersM_Ram_The_NGO_Role_in_the_Diffusion_of_EU_Ideas_and_Policies1.pdf (дата обращения 10.11.2022).

²⁸² Oechler S., Erick F. Public Private Not-for-profit Partnerships: Delivering Public Services to Developing Countries // *Procedia Engineering*. 2014. Vol. 78. P. 259-264.

²⁸³ В качестве примера: Beogradski centar za bezbednosnu politiku. URL: <https://bezbednost.org/projekti/> (дата обращения 10.11.2022).

базы и политической практики. Во взаимоотношениях между НКО и образовательными учреждениями имеет место внедрение тем и подбор персонала (экспертов), что позволяет создавать определённый дискурс. На пятом этапе дискурс переносится в учебники, внедряется в процесс воспитания кадров. На этом этапе НКО, выполнившая работу, может быть закрыта, так как реализация концепции осуществляется уже на уровне государственных научных и образовательных учреждений.

Другая задача НКО – взаимодействие со СМИ. Проект не будет до конца реализован, если результаты не будут доведены до сведения общественности. Представители различных НКО получают практически неограниченный доступ к прозападным информационным ресурсам. Таким образом, они становятся узнаваемыми и, следовательно, более влиятельными. Соответственно, затрагиваются «требования», представленные в схеме Д. Истона.

Показательно, что в Сербии, небольшом государстве, действуют целых три филиала крупных западных информационных ресурсов (*CNN*, *Euronews* и *Bloomberg*). К их числу следует добавить ещё несколько локальных СМИ, деятельность которых поддерживается грантами мощных западных фондов. Контроль медиапространства позволяет внедрять темы, разрабатываемые НКО, продвигать отобранный персонал и укреплять политический дискурс, а также формировать отношение политических партий, формулирующих требования общественности. Политические партии зависимы от доступа к медиаресурсам, т.к. иначе они не имеют широкого доступа к электорату, и для доступа к СМИ партии вынуждены приспособлять свои идеологические позиции к навязываемому дискурсу²⁸⁴. Политические партии вынуждены либо следовать нормам «политкорректности», либо сталкиваться с проблемой репрезентации. Конечно, в силу разных обстоятельств случается, что даже партии, которые не являются частью мейнстрима, превращаются в значимых акторов, способных занять важное место в политической системе. Одна-

²⁸⁴ Stromback J., Van Aelst P. Why political parties adapt to the media: Exploring the fourth dimension of mediatization // *International Communication Gazette*. 2013. Vol.75. Iss.4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1748048513482266> (дата обращения 10.11.2022).

ко это скорее исключения, подтверждающие правило.

Вместе научные, образовательные и политические институты, с одной стороны, и политические партии, с другой, направляют действия государственных институтов. Таким образом, государственные институты перенимают сконструированный нарратив и начинают отстаивать внедряемые ценности. То, что изначально исходило от НПО, со временем легализуется благодаря действиям политических партий.

Несмотря на то что в Сербии почти на протяжении четверти века вкладывались колоссальные финансовые средства в создание, поддержание и усовершенствование алгоритма управления политической системой, желаемый результат не был достигнут. Отношения с Россией – лучшая иллюстрация данного факта. Сербские власти не только не могут ввести санкции: каждая антироссийская мера автоматически приводит к массовым протестам и росту напряжённости в обществе.

В Сербии, как и во многих других странах, была разработана система управления политическими процессами, функционирование которой обеспечивается отчасти управляемыми выборами и «стабиллократией». Сначала были культивированы лояльные элиты, получившие финансовую поддержку и неограниченный доступ к медиаресурсам. Затем эти элиты получили огромное влияние в научных и образовательных учреждениях, которые стали местом воспитания и подбора кадров. В значительной степени они влияют на ключевые политические партии, которые вольно или невольно становятся проводниками политического дискурса.

Соответственно, встаёт вопрос: по какой причине политические институты не следуют в полной мере политическому дискурсу? По схеме Д. Истона «требования» являются частью «ввода». И когда дело доходит до требований общественности, то необходимо учитывать, что на формирование её отношения влияет целый ряд факторов, одним из которых является позиция Сербской православной церкви.

Другой фактор – позиции незападных СМИ, небольших антизападных политических партий и ряда лиц из научных и образовательных учреждений, не относящихся к прозападной элите. Вместе с другими факторами, включая личный опыт и чув-

ства (эмоциональные установки), знания и убеждения (когнитивные установки), они производят нежелательный «ввод», выраженный сопротивлением $\frac{4}{5}$ граждан страны антироссийским действиям и/или риторике, и ведущие политические партии вынуждены принимать эту ситуацию как данность.

Тот факт, что неподконтрольная часть медиа, политических и интеллектуальных элит остаётся неорганизованной, означает, что они не могут внедрять своё видение через «поддержку», в том числе потому, что у них зачастую нет собственных НКО.

В политической практике это приводит к тому, что общественность может влиять на реализацию некоторых решений, но не определять новые темы, не являющиеся частью внедряемого политического дискурса. «Политкорректность» как определяющий фактор информационного поля сохраняется благодаря действиям элит, но некоторые решения не могут быть навязаны из-за давления общественности и её требований, поддерживаемых западными СМИ, антизападными политическими партиями и другой частью элит. Пример отношения к России, как уже было отмечено, показателен. Однако это не означает, что Сербия располагает концептуальными идеями расширения и укрепления отношений с Россией.

ГЛАВА 13. ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ НОВОГО ПАРЛАМЕНТА БОЛГАРИИ

Ситуация на Украине и последовавшая за ней нестабильность в мире ещё больше обострили напряжённость в Болгарии, что проявилось в усилении дебатов и споров о перспективах евро-атлантизма и евразийства. 2 сентября 2022 г. был дан официальный старт новой избирательной кампании по выборам в 48-й парламент Болгарии. Из-за неспособности политического класса сформировать устойчивое правительство выборы проводились 4 раза в течение двух лет, а также состоятся снова в 2023 г. Несмотря на традиционные различия между партиями («левые – правые», «консервативные – либеральные»), на этот раз в электоральных различиях появилась новая красная линия – «евразийство – евро-атлантизм».

Исторически Россия, её образ и влияние всегда присутствовали в болгарском политическом дискурсе в зависимости от особенностей электората той или иной партии – для пророссийских политических сил это символ исторической памяти, славянства и православия. Не следует забывать также о ностальгии по социалистическому периоду, присущей некоторым избирателям²⁸⁵. Ещё одним важным фактом является отождествление образа России с образом президента страны Владимира Путина, который традиционно пользовался большим доверием²⁸⁶. Однако болгарский мифологизированный пафос не воплощается в реальную политическую мощь, так как в политической жизни Болгарии доминируют проевропейские партии, что подтвердилось и в ходе последних выборов.

Прозападные силы в болгарском обществе придерживаются иного мнения: некоторые из них испытывают откровенную враждебность к политике Москвы, являющейся олицетворением угрозы авторитаризма (в отличие от безопасности и демократии, гарантированных ЕС и НАТО). Показательными являются доклады некоторых аналитических центров о том, что Россия влияет на внутреннюю политику страны через интернет-дезинформацию и коррупцию²⁸⁷. Подобные утверждения можно найти и в годовом отчёте Государственного агентства национальной безопасности за 2021 г., который появился в середине избирательной кампании 2022 г.²⁸⁸

Существует также третья группа, которую условно можно назвать «прагматиками» или чаще всего людьми без конкретного мнения, которые ищут укрепления взаимовыгодных экономических связей, всё же разделяя установки ЕС. Первые две группы составляют меньшинство в политической жизни Болгарии, а прагматики, скорее, доминируют в основных политиче-

²⁸⁵ Пахалюк К.А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого // Вестник МГИМО Университета. 2018. №4(61). С. 178-203.

²⁸⁶ Аврамова В.Н. Рецепция образа России в болгарских массмедиа // Медиалингвистика. 2020. Т. 7(1). С. 63.

²⁸⁷ CSD. The Kremlin Playbook in Europe. Sofia: CSD. 2020. P. 100.

²⁸⁸ Годишен доклад 2021. Държавна агенция по национална сигурност. URL: https://www.dans.bg/images/stories/Information/Doklad_DANS_2021.pdf (дата обращения 10.10.2022).

ских партиях. Труднее дать такую оценку болгарскому обществу в целом. В соответствии с исследованием Т. Дронзиной и И. Мавродиевой, образ России по-прежнему воспринимается в идеологических, а не прагматических измерениях, хотя среди общественности наблюдается тенденция к росту прагматизма²⁸⁹.

Экономические и социальные последствия начала российской СВО на Украине во многом изменили дискурс в болгарском обществе. Помимо энергетики, ещё до начала избирательной кампании главными темами были цены на основные продукты, необходимость увеличения социальных расходов²⁹⁰, инфляция²⁹¹, политический кризис в стране и ухудшение отношений с Россией²⁹². Важно отметить, что фундамент идеи нового будущего евро-атлантического управления начал закладываться именно из-за негативного восприятия действий России.

Статистические данные трёх крупнейших агентств по исследованию общественного мнения в стране – *Gallup International Balkan*, *Alfa Research* и *Trend* – показывают, что настроения в Болгарии принципиально не отличаются от других западных стран. Согласно им, наибольшее беспокойство вызывает рост цен и инфляция, а также негативное восприятие России. При этом, несмотря на выраженную солидарность с Украиной, в Болгарии из всех стран ЕС самый большой процент людей, считающих, что Россия оказывает стабилизирующее влияние на международную политику (28% против всего 6% по всему ЕС в отличие от 84% европейских граждан, считающих, что Россия дестабилизирует мир). Также видна тенденция к усилению экономического фактора: 42% болгар считают, что санкции против России

²⁸⁹ Дронзина Т., Мавродиева И. Образ России в средствах массовой информации Болгарии // Вестник Евразии. 2008. №1. С. 69-70.

²⁹⁰ Публикувани са данните за изпълнението на консолидираната фискална програма към. Министерство на финансите на РБ. URL: <https://www.minfin.bg/bg/news/11935> (дата обращения 10.10.2022).

²⁹¹ Harmonized index of consumer prices (HICP) inflation rate of the European Union in August 2022, by country. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/225698/monthly-inflation-rate-in-eu-countries/> (дата обращения 10.10.2022).

²⁹² Зехирова, З. От «погазване на закона» до «извадено от контекста»: какво разбраха депутати за руските дипломати. URL: https://www.dnevnik.bg/politik/a/2022/07/01/4364420_ot_pogazvane_na_zakona_do_izvadenoto_ot_konteksta_kak_vo/?ref=home_NaiNovoto (дата обращения 10.10.2022).

необходимо смягчить. Это, в совокупности с внутренней повесткой, и стало лейтмотивом последней избирательной кампании²⁹³.

Отношение к России в программах партий

Согласно Конституции Болгарии, партии являются основой политической жизни в стране, поскольку на них опирается высшая власть – Народное собрание (парламент)²⁹⁴. Чтобы лучше понять ход последней кампании, в главе анализируются как политические программы, которые должны лежать в их основе, так и послания, высказанные политиками во время дебатов.

Несомненно, программы различаются по своей полноте, приоритетам и экспертному потенциалу. Более крупные партии, реально претендующие на вхождение в парламент, имеют более объёмные и профессионально составленные программы. Маленькие партии имеют небольшие, декларативные и часто сильно идеологизированные программы, которые иногда даже имеют форму манифеста. Есть и партии без официальных программ – «Болгарский восход», «Голос народа» и т.д.²⁹⁵

В таблице 1 они разделены на различные группы в зависимости от отношения к России, а также представлены итоги голосования 2 октября 2022 г. Часто одну партию можно отнести к в двум категориям сразу, но распределение производится путем сравнения программ друг с другом. Анализ сосредоточен в основном на партиях, преодолевших 4% барьер.

Из таблицы видно, что если исключить партии и коалиции

²⁹³ «Гласът на хората»: Общественото мнение на европейските граждани за войната в Украйна. URL: <https://www.gallup-international.bg/45723/public-opinion-of-european-citizens-on-the-war-in-ukraine/> (дата обращения 10.10.2022); Войната Русия – Украйна: радикална промяна в обществените нагласи към руския президент и ръст на солидарност с европейските страни. URL: <https://alphasearch.bg/post/995-voinata-rusia-ukraina-radikalna-promiana-v-obshtestvenite-nag-lasi-kum-ruskia-prezident-i-rust-na-solidarnost-s-evropeiskite-strani.html> (дата обращения 10.10.2022); Нагласи на българите спрямо основните институции, формации и войната в Украйна (март 2022). URL: shorturl.at/bjAEW (дата обращения 10.10.2022).

²⁹⁴ Конституция на РБ. URL: <https://www.parliament.bg/bg/const> (дата обращения 10.10.2022).

²⁹⁵ Таблица со всеми доступными партийными программами и дебатами: <https://docs.google.com/document/d/1DrA3amASKHoXnywA17ONcg8B9Tr572AQNBCeJdsqFFE/edit#> – авт. прим.

Таблица 1

Отношение к России на основе партийных программ

Крайние русофобы	Демократическая Болгария (ДБ) – 7,45%
Умеренные русофобы	ГЕРБ – 25,33% Продолжаем перемены (ПП) – 20,20%
Умеренные	Есть такой народ (ЕТН) – 3,83% Болгарская социал-демократия – Евролевые – 0,21%
Умеренные русофилы	Болгарская социалистическая партия (БСП) – 9,30% Поднимись БГ – 1,01% Мир – 0,18% Движение беспартийных кандидатов – 0,41% Прямая демократия – 0,16%
Крайние русофилы	Русофилы за возрождение отечества – 0,26%
Нет чёткого мнения	Движение за права и свободы (ДПС) – 13,75% ВМРО – 0,81%
	КОД – Консервативный альянс правых – 0,20% Болгарский союз за прямую демократию – 0,23% Болгарский национальный союз – НД – 0,07%
Антизападники	Возрождение – 10,18% Атака – 0,3% Справедливая Болгария – 0,36% Болгария труда и разума – 0,11%
Без программы	Болгарский восход – 4,63% НФСБ – 0,14% Голос народа – 0,25% Право – 0,07% Народная партия правда и только правда – 0,10% Движение национального единства – 0,16% Коалиция за тебя Болгария – 0,20% Болгарский национальный союз – 0,07%

без программы, то большинство либо придерживаются умеренных русофильских взглядов либо не имеют определённого мнения по вопросу. Под умеренно русофильской партией и коалицией подразумеваются те, кто выступает за восстановление политических и экономических отношений с Российской Федерацией, но не ставят под сомнение евро-атлантическую ориентацию страны. Примером может служить БСП, которая традиционно воспринимается как пророссийская партия: в её программе можно найти требования восстановления отношений с российскими энергетическими компаниями, нормализации дипломатических контактов с Россией и отмены санкций. Подобные

требования, в том числе проведение сбалансированной внешней политики, можно увидеть в программах других небольших партий, входящих в данную группу.

Самые малочисленные группы – крайние русофилы и крайние русофобы – представлены меньше. Тема отношений с Россией присутствует в программе Демократической Болгарии очень детально: помимо требования «... равноправных отношений в соответствии с принципами международного права, которые Россия систематически нарушает...», коалиция хочет всестороннего их пересмотра после эскалации конфликта на Украине. Россию обвиняют в ведении гибридной войны против Болгарии. Не может не произвести особого впечатления и раздел программы под названием «Депутинизация Болгарии».

На противоположном краю спектра находятся «Русофилы за возрождение Отечества». Фактически их программа представляет собой 9 пунктов, три из которых связаны с Россией. Первые два говорят о важности мира и сотрудничества между Востоком и Западом, а в третьем чётко сказано: «любые попытки вовлечь Болгарию в какую-либо форму враждебности по отношению к России наносят ущерб нашим национальным интересам». Подобной увязки интересов Болгарии с дружеским отношением к России нет ни в одной другой программе.

Как умеренно русофобские можно выделить две крупнейшие партии страны – ГЕРБ и ПП. Хотя в программе ПП даже нет слова «Россия», её позиции по другим вопросам, например, таким, как диверсификация энергетики, поддержка Украины, членство страны в ЕС и НАТО, свидетельствуют о нежелании развивать политическое сотрудничество с Россией. Риторика ГЕРБ более чёткая и может быть резюмирована как «больше НАТО, больше ЕС с сильной поддержкой Украины и прекращением зависимости от России». Но ни та, ни другая партия не имеют собственной политической позиции в отношении РФ, а, скорее, следуют общеевропейскому контексту развития отношений с ней. Что касается «умеренных партий», то здесь евроатлантический фактор достаточно силён, но тем не менее они не отрицают необходимость переговоров с Россией и развития отношений в ряде областей.

Политические дебаты и образ России в них

Основной эмпирической базой исследования стали 35 дебатов по трём национальным телеканалам – БНТ, БТВ и «Нова», а также на Болгарском национальном радио по трём основным темам – конфликт на Украине и место России, энергетический кризис и экономическая ситуация в стране. Их результаты отличаются от политических программ и дают более точную картину того, где партии располагаются на оси «русофилии – русофобии» (табл. 2).

Таблица 2

Отношение к России на основе дебатов

Крайние русофобы	Демократическая Болгария (ДБ) – 7,45% КОД – Консервативный альянс правых – 0,20% Болгарский национальный союз – НД – 0,07%
Умеренные русофобы	ГЕРБ – 25,33% Продолжаем перемены (ПП) – 20,20% ВМРО – 0,81% Коалиция за тебя Болгария – 0,20% НФБС – 0,14%
Умеренные	Болгарский восход – 4,63% Есть такой народ (ЕТН) – 3,83% Поднимись БГ – 1,01% Болгарская социал-демократия – Евролевые – 0,21%
Умеренные русофилы	Возрождение – 10,18% Болгарская социалистическая партия (СБП) – 9,30% Движение беспартийных кандидатов – 0,41% Болгарский союз за прямую демократию – 0,23% Мир – 0,18% Прямая демократия – 0,16% Движение национального единства – 0,16% Правая – 0,07% Болгарский национальный союз – 0,07%
Крайние русофилы	Справедливая Болгария – 0,36% Атака – 0,3% Русофилы за возрождение отечества – 0,26% Болгария труда и разума – 0,11%
Нет чёткого мнения	Движение за права и свободы (ДПС) – 13,75% Голос народа – 0,25% Народная партия правда и только правда – 0,10%

Источник: составлено автором.

Здесь количество русофильских партий превышает количество русофобских, но в процентном соотношении результаты очень близки результатам социологических опросов. В случае

крайних русофобов образ России ассоциируется с агрессией, отсталостью и коммунистическим прошлым: «Болгарии предлагают два пути: один – в сторону Москвы, что крайне рискованно, другой – путь развития, Европы» или «На чьей стороне стоят болгары: на стороне агрессора или на стороне Украины?». Доходят даже до крайностей: «Главная тема для ДБ – депутинизация в Болгарии».

Умеренные русофобы, безусловно, более сдержаны в своей риторике и склонны подчёркивать, скорее, свою европейскую, чем антироссийскую принадлежность. Ключевым вопросом является не столько сам конфликт, сколько поставки газа и ненадёжность ставки на российский энергетический ресурс. Однако нет недостатка и во взаимных моральных упрёках представителей ГЕРБ и русофильских партий, таких как БСП, по поводу позиции по Украине. Разница между крайними и умеренными русофобами в том, что у одних ненависть к России хроническая, у других – продиктована европейским мейнстримом. В этом отношении показательны слова лидера ГЕРБ: «Мы любим российский народ, и никто не может повлиять на это». Похожую позицию по поводу близости Болгарии и России выражают умеренные: «Мы должны стоять на стороне русского народа, а не диктатора, если хотим, чтобы русский народ был независимым» или «Мы должны стараться быть как можно более сбалансированными. Я думаю, что русский народ не заслуживает страданий, украинский народ – тоже».

У русофилов образ России в основном положительный. Это связано не только с историей, но и с вызовами текущей ситуации в болгарской экономике. В некоторой степени в ходе президентской компании они соревновались по поводу того, кто сможет обеспечить более эффективный диалог с Москвой. Среди крайних русофилов наблюдается нечто подобное, но у них безопасность Болгарии считается напрямую зависящей от союзнических отношений с РФ: «От России идёт наша стабильность, там есть экономическая стабильность, там путь на Восток», «У нас один внешнеполитический союзник и это Российская Федерация», «История доказала, что, когда Болгария в хороших отношениях с Россией, её процветание – факт».

Руководствуясь приведёнными выше данными, можно сделать ряд выводов. Во-первых, вопрос о России и всём, что с ней связано (энергетика, экономика и безопасность), был одним из доминирующих в последней избирательной кампании. Учитывая, что до этого он никогда не проявлялся столь ярко, можно заключить, что нынешнее внимание связано не с внутренним интересом и принципиальной важностью России для политических элит Болгарии, а глобальными последствиями эскалации конфликта на Украине.

Во-вторых, социологические исследования о настроениях болгар во многом подтверждаются результатами выборов: партии, которые были определены как русофобские, в процентном выражении набрали около 54,4%, а по количеству депутатов – 140 из 240. Ссылаясь на предыдущие выступления и голосования, можно также добавить голоса, полученные ДПС, хотя в этой кампании их антироссийская направленность не была очевидной (в основном потому, что они избегали публичных выступлений)²⁹⁶.

В-третьих, несмотря на общую победу русофобских партий, нельзя заключить, что Болгария является русофобской страной и предпочитает антироссийскую политику. Важно, что на выборы вышло менее 40% избирателей²⁹⁷. Также тезисы, поддерживаемые русофобами, не получают больше телевизионного времени, что создаёт некоторый баланс: например, большинство дебатов (24 из 35) транслировались на БНР и БНТ, где совокупное время участия русофильских партий выше. Кроме того, совокупное время индивидуальных интервью лидеров или членов партий с положительным отношением к России на трёх национальных телеканалах составило 360 минут против 255 минут у антироссийских²⁹⁸. Следует помнить, что партии выступают с большими платформами, и маловероятно, что определён-

²⁹⁶ Пленарни заседания. URL: <https://www.strazha.bg/sessions> (дата обращения 10.10.2022).

²⁹⁷ Обобщена активност на гласуване за страната. URL: <https://results.cik.bg/ns2022/aktivnost/index.html> (дата обращения 10.10.2022).

²⁹⁸ ПАРЛАМЕНТАРНИ ИЗБОРИ – ОКТОМВРИ 2022 г. URL: <https://www.lazheshli.com/%D1%80%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8-2022-%D0%B3> (дата обращения 10.10.2022).

ный избиратель поддерживает партию только на основе её отношения к России.

Это поднимает два важных вопроса: «Что более распространено среди русофилов – антизападные или пророссийские настроения», а также «Что более распространено среди русофобов – проевропейские или антироссийские настроения». На основании изученных дебатов в болгарском политическом пространстве, среди первых преобладают антизападные, а среди вторых – проевропейские настроения, за исключением, конечно, крайних элементов обоих лагерей. С одной стороны, это означает, что Россия не воспринимается большинством как реальная альтернатива нынешним союзам, членом которых является Болгария, но связана исторической памятью болгарского народа и текущим недовольством болгар ситуацией в ЕС. С другой стороны, поразительно, что многие политики с явной проевропейской ориентацией умышленно пытаются проводить различия между, с одной стороны, Россией и россиянами, а с другой – руководством страны и текущей политикой. Временно это негативно сказывается на образе России, но близость и историческая память об общей истории сохраняется даже среди проевропейских политиков. Очевидно, мечта о Большой Европе от Лиссабона до Владивостока ещё жива в Болгарии.

ГЛАВА 14. РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Начало 2022 г. ознаменовалось существенными сдвигами в устоявшемся мировом порядке. Внимание мировой общественности вновь оказалось обращено к Черноморскому региону. Одной из стран, оказавшейся под пристальным вниманием и столкнувшейся с невозможностью продолжать балансировать между Западом и Российской Федерацией, стала Республика Молдова. Страну традиционно характеризует поляризация общественного мнения по вопросу о том, кто является более важным стратегическим партнёром – Россия или т.н. коллективный Запад, что во многом обусловлено особенностями географическо-

го положения, смешанным этнолингвистическим составом населения и, как следствие, отсутствием долговременного внутривнутриполитического консенсуса по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики.

Согласно опросам, проводимым Институтом публичной политики в Молдове, в период между 2017 и 2021 гг., в среднем около 30% респондентов обычно получали информацию о событиях, происходящих в стране и в мире, именно из российских СМИ²⁹⁹. В стране присутствует ряд политических деятелей, позиционирующих себя в качестве пророссийских игроков и продвигающих идеи евразийской интеграции. Они традиционно апеллируют и проводят свои предвыборные акции при поддержке русскоязычных и российских СМИ.

Изначально вопрос русского языка не имел столь критического значения. В 1989 г. в соответствии с Законом о функционировании языков на территории МССР русский язык был признан языком межнационального общения³⁰⁰. Антироссийские (и, соответственно, антирусскоязычные) настроения в стране начали набирать популярность в Молдове после протестов 2009 г., в результате которых к власти в стране пришёл Альянс за европейскую интеграцию, и прозападные игроки на внутривнутриполитической арене стали занимать доминирующие позиции во всех эшелонах власти. В 2013 г. Конституционным судом было принято решение, согласно которому русский язык сохранял за собой право на существование, но без какого-либо официально-

²⁹⁹ Результаты опросов публикуются в открытом доступе в Барометре общественного мнения. Опросы проводятся дважды в год: в середине и в конце календарного года. В среднем опросы проводятся среди 1000-1300 граждан Молдовы старше 18 лет в 13 географических регионах, совпадающих с территориально-административными единицами Молдавии. Опросы проводятся на русском и румынском языках, в сельской и городской местностях. Сбор данных происходит приблизительно в течение 7-10 дней. Стоит отметить, что деятельность научного института спонсируется рядом иностранных посольств (Нидерланды, Словакия, Румыния, Великобритания, США), Всемирным Банком, Программой развития ООН, а также Фондом Сороса в Молдове и Румынии; Barometrul Opiniei Publice Republica Moldova. Iunie 2021. URL: https://ipp.md/wp-content/uploads/2021/07/Raport-BOP-2021_.pdf (дата обращения 10.10.2022).

³⁰⁰ Закон №3465 от 01.09.1989. О функционировании языков на территории Молдавской ССР. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=312813> (дата обращения 10.10.2022).

го статуса (наравне с прочими языками национальных меньшинств)³⁰¹. В то же время такие сферы, как образование и работа средств массовой информации не были ограничены, в них по-прежнему можно было пользоваться русским языком, несмотря на недовольство прозападных властей.

Таким образом, вопрос языка приобрёл политическую окраску. Русскоязычные СМИ стали ассоциироваться среди населения как пророссийские. В формировании такого мнения сыграли свою роль как политика местных властей по отношению к русскому языку, так и поведение отдельных политиков, позиционирующих себя в качестве ориентированных на сближение с РФ и поддержку её интеграционных проектов.

Национальная идентичность и положение русскоязычного населения

С точки зрения национальной идентичности Молдова занимает уникальное место среди всех стран бывшего СССР. В условиях богатого этнолингвистического состава населения, наличия на территории столь небольшого государства различных лингвистических групп, вопрос идентичности приобрёл особое значение. Так, в выдаваемых государством идентификационных документах практически всем гражданам в графе «национальность» указывают «молдаванин», в то время как многие идентифицируют себя в качестве других проживающих на этой территории национальностей. Как отмечают чешские исследователи В. Баар и Д. Якубек, «вопрос общей национальной идентичности для народа Республики Молдова был проблемой с самого начала независимости этого государства. На протяжении 25 лет независимости в общественном, научном и политическом дискурсе соперничали разные представления о молдавской нации. В силу исторического контекста регион имеет языковую специфику, которая базируется на примере проживающих в этой местности румын, молдаван и русских»³⁰². И именно языковая спе-

³⁰¹ Hotărârea nr. 36 din 05.12.2013 privind interpretarea articolului 13 alin. (1) din Constituție în corelație cu Preambulul Constituției și Declarația de Independență a Republicii Moldova. URL: <https://www.constcourt.md/ccdocview.php?l=ro&tip=hotariri&docid=476> (дата обращения 10.10.2022).

³⁰² Baar V., Jakubek D. Divided national identity in Moldova // Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. 2017. Vol. 11. №1. P. 58-92.

цифика прежде всего оказывает влияние на то, в качестве кого себя идентифицирует тот или иной гражданин. Иными словами, если гражданин на ежедневной основе использует русский язык, то он идентифицирует себя в качестве «русского» несмотря на то, что указано в его паспорте в графе «национальность».

Популярность русскоязычных средств массовой информации

Одновременно с этим более пристального внимания заслуживает вопрос популярности русскоязычных средств массовой информации, и, как следствие, реакции официальных властей Кишинёва на функционирование русскоязычных каналов связи, а также ассоциированности этих каналов с отдельными акторами на внутривластной арене. Так, в соответствии с опросами Института публичной политики Республики Молдова, складывается следующая картина: в молдавском обществе по-прежнему популярно телевидение; оно является основным источником информации, превосходящим по охвату другие средства массовой информации, такие как печатные СМИ, радио или Интернет. У молдавского зрителя авторитет Первого канала примерно на 50 пунктов выше остальных каналов, а в целом российские телепрограммы наиболее просматриваемые и явно опережают румынские и молдавские. Также, согласно статистическим данным Института, в 2017 г. 39,1% респондентов отметили, что получают информацию о происходящих событиях в стране и мире из российских теле- и радиопрограмм (при этом 2,7% респондентов отметили, что получают её из российских газет и журналов). В 2018 г. 26,6% отметили в качестве основных российские теле- и радиопрограммы, 2,2% отметили российские газеты и журналы. При этом уровень доверия к масс-медиа в целом (ТВ, радио, газеты, интернет-ресурсы) сохранялся на уровне 40,9 и 42,5% в 2017 и 2018 гг. соответственно³⁰³.

Согласно результатам опросов, в 2019 г. наибольшей популярностью у граждан Республики Молдова пользовались два те-

³⁰³ Barometrul Opiniei Publice Republica Moldova. Noiembrie 2017. URL: <https://ipp.md/wp-content/uploads/2017/12/Rezultate-sondaj.-Partea-I.pdf> (дата обращения 29.07.2022); Barometrul Opiniei Publice Republica Moldova. Noiembrie 2018. URL: https://ipp.md/wp-content/uploads/2018/12/BOP_11.2018_prima_par_te_finale2.pdf (дата обращения 29.07.2022).

леканала: *Moldova 1* и *Prime*³⁰⁴. *Jurnal TV*³⁰⁵ находится на третьем месте, за ним следует *PRO TV*³⁰⁶. *Publika TV*³⁰⁷ упоминается менее чем 5% населения как основная информационная телевизионная станция. Далее идут телеканалов РТР-Молдова и НТВ-Молдова³⁰⁸.

В опросах 2019 г. в разделе, посвящённом информационным сайтам, респонденты упомянули как СМИ, так и социальные сети. На первом месте оказался русскоязычный ресурс *kp.md* («Комсомольская правда»), за ним следуют румыноязычные новостные ресурсы *unimedia.md* и *protv.md*. Также респондентами упоминались такие социальные сети, как *Facebook*, *Odnoklassniki*, *Vkontakte*, *Twitter*, что говорит о том, что часть граждан получает информацию из социальных сетей, не придавая большого значения источнику получаемой информации. Уровень доверия к российским средствам массовой информации по-прежнему оставался на достаточно высоком уровне. Так, например, респонденты отметили, что доверяют СМИ из Молдовы – около 60%, из Евросоюза – 50%, России – 48% и Румынии – 40%³⁰⁹.

Очевидно, что на территории Приднестровья русскоязычные средства массовой информации обладают ещё большей популярностью: несмотря на этническое разнообразие³¹⁰, население в основном русскоязычное, на политическом уровне поддерживаются тесные отношения с Россией³¹¹.

Предсказуемо высокая популярность российских и русскоязычных средств массовой информации в совокупности с общим

³⁰⁴ Адаптация «Первого канала» под требования молдавских законов о балансе румыноязычных телепередач и русскоязычных.

³⁰⁵ Румыноязычный новостной канал.

³⁰⁶ Трансляция румынского канала *PRO TV* с адаптацией под молдавский рынок.

³⁰⁷ Молдавский телеканал, транслируемый на румынском и русском языках в Молдове и Приднестровье.

³⁰⁸ Аналог российских «РТР-Планета» и «НТВ».

³⁰⁹ Barometrul Opiniei Publice Republica Moldova. Decembrie 2019. URL: <https://ipp.md/wp-content/uploads/2019/12/BOP-FINAL-decembrie-2019.pdf> (дата обращения 29.07.2022).

³¹⁰ Официально распределение примерно равноценное, по 30% – молдаване, русские, украинцы.

³¹¹ Chifu I., Nantoi O., Sushko O. Percepția Rusiei în România, Republica Moldova și Ucraina. 2010.

историческим прошлым, ценностями, религией и наличием на территории Республики Молдова русской общины нередко вызывает вопросы у прозападных элит на тему непредвзятости и самостоятельности действий тех политиков, кто использует русский язык в качестве основного.

Политизация языкового вопроса через использование русскоязычных СМИ

После перехода в 2009 г. Партии Коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) в оппозицию и получения доминирующих позиций в правительстве и парламенте Альянсом за европейскую интеграцию всё чаще стали звучать дискриминирующие лозунги по отношению к русскоязычному населению во время политических демонстраций, нередкостью стала дискриминация в органах государственного управления и филиалах центров государственных услуг. Стали приниматься законы, ограничивающие деятельность тех или иных институтов на русском языке (будь то образовательные институты и в наибольшей степени – средства массовой информации).

Широкое использование русского языка, а также сохранение за ним статуса языка межнационального общения в глазах прозападной коалиции и всех нацеленных на европейскую интеграцию политических (и не только) элит стало существенной преградой на пути к т.н. демократии западного образца и вступлению в Европейский союз. В этой связи начал продвигаться нарратив о том, что русским языком пользуются наименее образованные слои населения, жители деревень и сёл и, соответственно, русскоязычные средства массовой информации, а также политики, их использующие, ориентированы на малообразованное пожилое население, которое питает «ностальгические чувства к СССР». Стоит отметить, что такая интерпретация в корне ошибочна, так как со времён СССР именно образованные слои населения в большей степени владели русским языком. Молдавский язык оставался в обиходе, но тезис, применяемый к русскоязычному населению с 2009 г., раньше, как правило, относился к румыноязычному деревенскому населению – именно эти слои оказывались наименее образованными в силу приверженности патриархальному сельскому укладу. Кроме того, согласно

отдельным исследованиям, бóльшая часть русскоязычных жителей и сейчас проживает в городах, почти половина из которых сосредоточена в муниципии³¹² Кишинёв, а также Бельцах и особенно в северных районах Республики Молдова³¹³.

Таким образом, попытки маргинализации русского языка и, как следствие, русскоязычных СМИ можно оценить как часть политики вестернизации общества. Ограничение использования русского языка коснулось в том числе средств массовой информации и рекламы: к 2014 г. практически все продукты масс-медиа выпускались на румынском языке, почти полностью отсутствовала реклама на русском языке как в печатных СМИ, так и на теле- и радиоканалах. Соответственно, и программы кандидатов на политические должности публиковались исключительно на румынском языке.

Когда на парламентских выборах 30 ноября 2014 г. Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ) заняла первое место, набрав 20,51% голосов, ситуация претерпела определённые изменения. Руководство партии сразу обозначило, что она не намерена становиться «частью олигархической и ориентированной исключительно на ЕС власти» и видит себя в оппозиции существующему режиму, не разделяя основные постулаты его внутренней и внешней политики. Одновременно с этим ПСРМ начинает кампанию по усилению неофициального статуса русского языка: все материалы партии публикуются на двух языках (русском и румынском), члены партии используют оба языка в выступлениях перед избирателями и на телевидении и радио-программах.

Одновременно с этим стереотип о том, что использование русскоязычных средств массовой информации нацелено исключительно на русскоязычное население, продолжал успешно существовать и использоваться в дискурсе прозападных партий и политиков. В совокупности с такой критикой также часто упоминалось, что «влияние российских СМИ привело к тому, что

³¹² Муниципий – административно-территориальная единица Молдавии, город с особым статусом.

³¹³ Cebotari S. Dimensiunea strategiilor hard și soft power ale Federației Ruse de menținere în sfera de influență Republica Moldova // Moldoscopie. 2015. Vol. 69. №2. P. 126-144.

на протяжении многих лет на ментальной карте жителей Республики Молдова Россия стала одним из её ближайших соседей... Благодаря этому влиянию жители гораздо лучше знают ситуацию в России, чем в самой республике, и для многих из них информационная программа «Время» на Первом канале, которая транслируется в Кишинёве, освещает события в мире, а программа *Mesagerul* на телеканале *Postul public de Televiziune*, представляет лишь местный источник, сообщающий о событиях в Республике»³¹⁴.

В 2020 г. была предпринята попытка вернуть русскому языку статус языка межнационального общения. Но в январе 2021 г. новое прозападное правительство и президент решением Конституционного суда признали данный шаг противоречащим конституции³¹⁵. Этот эпизод представляется особенно важным, так как закон 2020 г. был инициирован партией проигравшего выборы в президенты Игоря Додона – ПСРМ³¹⁶. Согласно закону, русский язык мог использоваться наравне с государственным, государственные органы были обязаны предоставлять информацию на двух языках. Также документом снимались ограничения с российских телеканалов и радио. В условиях, когда И. Додон, изначально позиционировавший себя в качестве пророссийского политика, подвергся обширной критике как со стороны оппозиции, так и сторонников из-за непоследовательности собственного внешнеполитического курса, такой шаг по возвращению статуса русскому языку был воспринят как попытка восстановить репутацию после проигранных выборов. Однако действие закона продлилось чуть больше месяца; он был отменён 21 января 2021 г. решением Конституционного суда с одобрения нового президента и правительства.

³¹⁴ Chifu I., Nantoi O., Sushko O. Percepția Rusiei în România, Republica Moldova și Ucraina. 2010.

³¹⁵ Curtea a examinat constituționalitatea Legii cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul Republicii Moldova. URL: <https://www.constcourt.md/libview.php?l=ro&idc=7&id=2067&t=/Media/Noutati/Curtea-a-examinat-constitucionalitatea-Legii-cu-privire-la-funcionarea-limbilor-vorbite-pe-teritoriul-Republicii-Moldova> (дата обращения 10.10.2022).

³¹⁶ LEGE Nr.234 din 16-12-2020 cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul Republicii Moldova. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124548&lang=ro (дата обращения 10.10.2022).

После начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине руководство Республики Молдова оказалось в более чем затруднительном положении. Возможность внешнеполитических манёвров резко сократилась. Цена на поставки российских энергоносителей повысилась втрое, поскольку руководство страны во главе с Майей Санду решило не обращаться к российской стороне для проведения переговоров по стоимости на энергоносители. Этот фактор в совокупности с притоком украинских беженцев и длительным кризисом, в котором находится молдавская экономика, привели к очередной волне массовых протестов в августе 2022 г.

В качестве лидеров оппозиции вновь выступают И. Додон и Илан Шор. Они всё чаще говорят на русском языке, публикуют в своих социальных сетях материалы на двух языках и заявляют о готовности немедленно наладить контакты с российскими партнёрами. Так, И. Шор 27 августа 2022 г. на своём официальном канале в социальной сети *Telegram* опубликовал следующее: «Я лично готов отправиться в Москву на переговоры по поставкам газа в Молдову на условиях, которые не будут уничтожать нашу с вами независимость, унижать граждан нашей страны и калечить нашу экономику». Таким образом, возобновляя дискурс в СМИ на русском языке и о евразийском направлении внешней политики, молдавская оппозиция пытается вернуться к традиционному для Кишинёва внешнеполитическому балансу между Москвой и Брюсселем.

Начиная с 2009 г. языковой вопрос в Молдавии носит исключительно политизированный характер, а те или иные СМИ, используемые политиками в своих кампаниях, ассоциируются с определёнными геополитическими предпочтениями, которых придерживаются вышеуказанные кандидаты на политические должности. В создавшихся в начале 2010-х гг. условиях русский язык, русскоязычное население и русскоязычные масс-медиа подвергались дискриминации в силу общей проевропейской направленности правительства Республики Молдова: был принят ряд ограничительных законов; у русского языка был отменён статус языка межнационального общения, данный ему ещё в конце 1980-х гг. Ситуация стала немного улучшаться, а поло-

жение русскоязычных СМИ (особенно в условиях их популярности и востребованности у населения) стало более устойчивым во время правления Партии социалистов Республики Молдова и президентства И. Додона, традиционно ассоциирующих себя в качестве приверженцев курса на сближение с Российской Федерацией и продвижение проектов евразийской интеграции. Был принят ряд мер по восстановлению прав русскоязычного населения, в конце 2020 г. русскому языку был возвращён статус языка межнационального общения, что снимало ограничения и со средств массовой информации. Однако с приходом к власти прозападной партии «Действие и солидарность» и избрания на пост президента Майи Санду, статус русского языка и русскоязычных СМИ снова оказался под вопросом; русский язык был лишён особого статуса, и произошёл «откат» к ситуации до 2015 г. Стремительное сужение политического поля приводит к тому, что под влиянием определённых политических кругов русский язык перестаёт быть языком межнационального общения в Молдове. Всё больше ему навязывается статус языка межнациональных и внутринациональных противоречий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепт «мягкой силы», созданный и реализованный в политике западных стран, перестал быть исключительно западным. Незападные игроки всё чаще и активнее применяют инструменты «мягкой силы» во внешней политике. Реакцией Запада на это стало введение термина «острая сила» для описания подходов незападных, «недемократических стран». Безусловно, различие между «демократической» «мягкой силой» и авторитарной «острой силой» исключительно пропагандистское. Однако реалии внешней политики в культурно-гуманитарной сфере, в особенности политизация и секьюритизация сфер культуры, исторической памяти, религии заставляет говорить о культурно-гуманитарной политике великих и региональных держав, как о понятии более широком, чем «мягкая сила».

Средиземноморский регион является эмпирически богатым полем для исследования культурно-гуманитарной политики. Ре-

гион, объединённый процессами в сфере политики, безопасности и экономики, представляет собой цивилизационную мозаику, на разломах которой великие и региональные державы ведут борьбу за умы и сердца элит и общества. Мозаичность региона во многом отражается в самой политике игроков: в Средиземноморье нельзя говорить о некой общей «западной» или «исламской» культурно-гуманитарной политике. Каждый актор обладает своим уникальным набором инструментов, компетенций и связей с акторами на местах.

Цели культурно-гуманитарной политики великих и региональных держав разнятся, что обуславливает гетерогенность применяемых инструментов. Для Соединённых Штатов Америки важно обеспечить трансформацию политических элит, реориентацию стран Средиземноморья в сторону США, их закрепление в американской сфере влияния. В связи с этим американская «мягкая сила» опирается в первую очередь на разветвлённую сеть НКО и медиа, вовлекающую перспективные политические элиты. Франция стремится закрепить или расширить своё влияние в средиземноморских странах, однако не претендует на политическое первенство. В связи с этим Пятая республика задействует языковые и культурные инструменты, активно работает в сфере среднего и высшего образования, что позволяет Парижу создавать франкоориентированные прослойки элит в странах присутствия. Схожим образом действует и Италия, особое внимание уделяя при этом академическому и научному взаимодействию. В свою очередь Турция стремится играть на культурно-исторической, религиозной и языковой близости со странами региона, позиционируя себя для одних стран носителем османского наследия, для других – центром тюрского мира, для третьих – защитником исламских ценностей.

Эффективность культурно-гуманитарной политики великих и держав в Средиземноморье значительно варьируется. Активная работа США с медиа и НКО дала свои плоды в Сербии и Молдавии, где обществу насаждаются прозападные нарративы, способствующие поляризации дискурса об отношениях с Россией, русском языке и русской культуре. В то же время чрезмерное присутствие западных стран в публичном поле ведёт к уве-

личению ресентимента, способствуя появлению контрнарративов, что в конечном счёте уменьшает эффективность «мягкой силы» стран Запада.

Распространение социальных сетей стало катализатором популяризации антизападных нарративов. В то же время социальные сети стали ещё одним полем великодержавного противостояния в информационной среде. Значительные средства были выделены не только на цифровую дипломатию, но и на информационную борьбу, в которой задействуются тысячи аккаунтов, ботофермы, лидеры общественных мнений. Увеличивающиеся возможности таргетирования информации позволяют создавать персонализированный политический контент, апеллирующий к этнополитической, религиозной, социально-экономической идентичности адресата. Это ведёт к секьюритизации социальных сетей и эскалации противостояния в онлайн-среде.

Средиземноморский регион находится в эпицентре процессов дестабилизации и фрагментации миропорядка. Противостояние между глобальными и региональными игроками проходит по линиям не только политических, но и цивилизационных разломов. В этом контексте существенное значение приобретают инструменты «мягкой силы» или, в широком смысле, культурно-гуманитарной политики. В случае России эффективность культурно-гуманитарной политики будет зависеть от формулировки чётких целей в каждом из субрегионов присутствия в Средиземноморском регионе. Уже исходя из сформулированных целей и на основе лучшего мирового опыта, можно будет выстроить оптимальную политику «мягкой силы», способствующую реализации интересов в сфере безопасности и экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. №3. С. 71-78.
2. Аврамова В.Н. Рецепция образа России в болгарских массмедиа // Медиалингвистика. 2020. Т. 7(1). С. 61-68.
3. Алексеенкова Е.С. Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы» // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. №1. С. 80-90.
4. Алиева А.И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. 2014. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. С. 63-94.
5. Блажић Пејић Ј. Руско словенофилство и «словенско питање» у Аустрији и Турској, Московски словенски комитет и српско питање (1858–1875). Докторска дисертација. Београд, 2021.
6. Божиловић Н. Култура сећања и југословенски рокенрол // Култура. 2016. Бр. 152. С. 257-280.
7. Бокерия С.А., Данилов В.В. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. №4. С. 643-653.
8. Вучетић Р. Американизација југословенске филмске свакодневице шездесетих година 20. века // Годишњак за друштвену историју. 2010. Бр. 1. Стр. 39-65.
9. Гаврилова С.М. Политика Италии в Средиземноморье: приоритетные направления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. №3(29). С. 121-134.
10. Гаврилова С.М. Российские учёные о внешней политике Италии на рубеже XX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. №1(9). С. 18-19.
11. Гусаров Ю.А. Евросоюз и Средиземноморье: Барселонский процесс // Актуальные проблемы Европы. 2007. №3. С. 101-113.
12. Долгая О.И., Тагунова И.А. Доступность качественного образования для всех как мировая тенденция в общем образовании // Школьные технологии. 2019. №1. С. 3-10.

13. Дронзина Т., Мавродиева И. Образ России в средствах массовой информации Болгарии // Вестник Евразии. 2008. №1. С. 69-70.
14. Еремичева О.И., Языковая политика Италии по защите региональных языков (на примере сардинского языка) // Древняя и Новая Романия. 2020. №S26. С. 177-186.
15. Зубкова А.И. Мягкая сила Турции: феномен «soft power» как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. №2. С. 52-62.
16. Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. №1. С. 52-79.
17. Калоева Е.Б. Останется ли Сербия проводником российских интересов на Балканах // Страны Восточной Европы и Россия: развитие отношений в 2005–2015. 2015. С. 77-97.
18. Кастельс М. Власть коммуникации. М: ИД НИУ ВШЭ, 2015.
19. Крутова-Солиман Н., Гриневиц Е.В. Европейская политика интеграции мигрантов-мусульман // Вестник МГИМО. 2022. №4. С. 186-196.
20. Ландабасо Ангуло А.И. Проблемы взаимоотношений Южного Средиземноморья с ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2003. №4. С. 124-139.
21. Мансур Ю.Н. Внешняя политика Италии 2001–2017 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2019. №3. С. 144-149.
22. Маслова Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (начало) // Вестник БГУ. 2018. №1(35). С. 111-116.
23. Муратшина К.Г. Гуманитарное сотрудничество как направление внешней политики России // Власть. 2022. №3. С. 115-121.
24. Овакимян М. С. Политика Италии в области интеграции мигрантов // Горизонты экономики. 2022. №2(68). С. 79-84.
25. Пахалюк К.А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого // Вестник МГИМО Университета. 2018. №4(61). С. 178-203.

26. Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: Academia, 2005.
27. Подберезкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36-54.
28. Подберезкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 36-54.
29. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 8-10.
30. Райнхардт Р.О., Маслова Е.А. Некоторые особенности научной и образовательной политики Италии на современном этапе // Среднее профессиональное образование. 2017. №4. С. 58-60.
31. Решетникова О.Н. Болгарии мостят дорогу в Балканский халифат // Русский дом. 2016. №4. С. 12.
32. Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Публичная дипломатия на Южном Кавказе // Сборник международной научной конференции «Современные проблемы управления». 3-4/2017. С. 439.
33. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политике // Вестник МГИМО-университета. 2014. №6(39). С. 53-60.
34. Торреальба А.А. Антидипломатия: модели, формы, методы, примеры и риски. Издательство: ЛитРес, 2018.
35. Хачатурян Д.А. Внешняя культурная политика Франции в отношении Армении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №5. С. 184-187.
36. Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 15. №2. С. 174-196.
37. Шестопад А.В., Литвак Н.В. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО. 2016. №5. С. 106-114.

38. Шлыков П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // *Международная аналитика*. 2021. №12(2). С. 130-152.
39. Akgun B. Turkey's Entrance to International Education: The Case of Turkish Maarif Foundation // *Insight Turkey*. 2020. №22(1). P. 59-70.
40. Altunişik M. B. The Possibilities and Limits of Turkey's Soft Power in the Middle East // *Insight Turkey*. 2008. №10(2). P. 41-54.
41. Arasa B. The Turkish government scholarship program as a soft power tool // *Turkish Studies*. 2019. №20(3). P. 421-441.
42. Arslan M. Yurt dışında yaşayan türk çocuklarının ana dili kullanimi ve kültür açısından karşılaştıkları sorunlar: bosna hersek örneği // *International Journal of Languages' Education and Teaching*. 2016. №4(1). P. 189.
43. Aydemir E. Dış Politikada Yumuşak Güç ve Medya // *İstanbul: Kalkedon Yayınları*. 2006. S. 367-368.
44. Baar V., Jakubek D. Divided national identity in Moldova // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. 2017. Vol. 11. №1. P. 58-92.
45. Balaban A., Çağlayan B., Gulseven Ü. Avrupa'da Türkçe // *Uluslararası dil ve edebiyat konferansı (Tirana-Albania, October 30 – November 1. 2014)*. Tirana, 2014.
46. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse // *European Journal of Turkish Studies*. 2016. P. 1-25.
47. Bertalanffy L. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller Inc., 2015. P. 194-196.
48. Biskind P. *Easy riders, raging bulls: how the sex-drugs-and-rock-n-roll generation saved Hollywood*. New York: Simon & Schuster, 1998.
49. Bjola C., Pamment J. Introduction: the 'dark side' of digital diplomacy // *Countering Online Propaganda and Extremism*. Routledge, 2018. P. 1-10.
50. Bramsen I., Hagemann A. The missing sense of peace: diplomatic approachment and virtualization during the COVID-19 lockdown // *International Affairs*. 2021. Vol. 97. №2. P. 539-560.

51. Cebotari S. Dimensiunea strategiilor hard și soft power ale Federației Ruse de menținere în sfera de influență Republica Moldova // *Moldoscoapie*. 2015. Vol. 69. №2. P. 126-144.
52. Çevik B. S. Turkish Soap Opera Diplomacy: A Western Projection by a Muslim Source // *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2014. №6(5). P. 78-103.
53. Çevik S. B. Reassessing Turkey's Soft Power: The Rules of Attraction // *Alternatives*. 2019. №44(1). P. 51-71.
54. Chifu I., Nantoi O., Sushko O. Percepția Rusiei în România, Republica Moldova și Ucraina. 2010.
55. Çiftçi D., Akyel Y., Özejder İ. Public Broadcasting in the Turkish World Culture: Case of TRT Avaz // *Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2021. №97. P. 55-77.
56. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.
57. Davutoğlu A. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. №1. P. 77-96.
58. Der Derian J. Anti-diplomacy, intelligence theory and surveillance practice // *Intelligence and National Security*. 1993. Vol. 8. Iss 3. P. 29-51.
59. Duncombe C. Twitter and the challenges of digital diplomacy // *SAIS Review of International Affairs*. 2018. Vol. 38. №2. P. 91-100.
60. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley, 1965.
61. Erdoğan Y. *Kamu Yayıncılığı ve TRT*. Yüksek Lisans Tezi. Selçuk Üniversitesi, 2012.
62. Fezell J. T. Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era // *Political Research Quarterly*. 2018. Vol. 71. №2. P. 482-494.
63. Foucault M. *The Order of Things*. London: Routledge, 2001.
64. Giragosian R. Armenia's Strategic U-Turn // *European Council of Foreign Relations Policy Memo*. 2014.
65. Gluckman P. D., Turekian V. C., Grimes R. W., Kishi T. *Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside* // *Science & Diplomacy*. 2017. Vol. 6. №4. P. 1-13.

66. Gower J., Timmins G. Introduction: The European Union, Russia and the Shared Neighbourhood // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. №10. P. 1685-1687.
67. Grossouvre H. Actualité de la Serbie entre Bruxelles et Moscou – Non alignement et rôle de la Serbie au cœur de la nouvelle Europe // *Culture of Polis*. 2015. Vol. 12. №. 3. P. 17-22.
68. Hall I. Diplomacy, anti-diplomacy and international society // *The anarchical society in a globalized world*. London: Palgrave Macmillan, 2006.
69. Hong S., Kim S. H. Political polarization on twitter: Implications for the use of social media in digital governments // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33. №4. P. 777-782.
70. Huang Z. A., Wang R. Exploring China's digitalization of public diplomacy on Weibo and Twitter: A case study of the US–China trade war // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. №2021. P. 1912-1939.
71. Kaltofen C., Acuto M. Rebalancing the Encounter between Science Diplomacy and International Relations // *Theory Global policy*. 2018. №9. P. 15-22.
72. Kim H. Bridging the Theoretical Gap between Public Diplomacy and Cultural Diplomacy // *The Korean Journal of International Studies*. 2017. Vol. 15. №2. P. 293-326.
73. Lane Ph. *French Scientific and Cultural Diplomacy*. Liverpool: Liverpool University Press, 2016.
74. Lebedeva O. *Russian Public Diplomacy: Historical Aspects // Russia's Public Diplomacy – Evolution and Practice*. Springer International Publishing, 2020. P. 27-43.
75. Manor I. *Digitalization of public diplomacy*. Springer. 2019.
76. Marin T. *Progetto italiano 1*. Firenze: Edilinga, 2020.
77. Melissen J. *The new public diplomacy: soft power in international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 240.
78. Meraz S. Is there an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // *Journal of computer-mediated communication*. 2009. Vol. 14. №3. P. 682-707.
79. Oechler S., Erick F. *Public Private Not-for-profit Partnerships: Delivering Public Services to Developing Countries // Procedia Engineering*. 2014. Vol. 78. P. 259-264.

80. Perić N. Media War: «Artillery Support» for NATO Aggression on the FRY 1999 // David Vs. Goliath: NATO War Against Yugoslavia and Its Implications. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2019.

81. Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988. Str. 15-28.

82. Proroković D. Era multipolarnosti. Beograd: Službeni glasnik, 2018.

83. Sharp P. Diplomacy in the 21st century: A brief introduction. Routledge, 2019.

84. Sholkamy M. E. A. Le iniziative italiane per la promozione della lingua e della cultura italiana all'estero // ELLE. 2019. Vol. 7. №3. P. 495-508.

85. Turra E. Azione! Torino: Loescher editore, 2017.

86. Wanta W., Golan G., Lee C. Agenda setting and international news: Media influence on public perceptions of foreign nations // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2004. Vol. 81. №2. P. 364-377.

87. Zeitzoff T. How social media is changing conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61. №9. P. 1970-1991.

88. Zurita A. V. Reinterpretando la Diplomacia de los Pueblos // Trabajos y. 2013.

ОБ АВТОРАХ

Бодиштяну Николь Витальевна – стажёр-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ ВШЭ

Глубокая Ольга Анатольевна – аспирант Дипломатической академии МИД России

Давранова Сабина Бобыровна – аналитик Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ

Дунамалян Норайр – к.полит.н., ст. преподаватель кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета, Армения

Ерёмин Денис Павлович – м.н.с. Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН

Зиновьева Елена Сергеевна – д.полит.наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО, зам. директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики

Исламов Дамир Римович – аспирант Института международных отношений Казанского федерального университета

Кулиева Нубара Салман Кызы – стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лункин Роман Николаевич – д.полит.н., профессор РАН, г.н.с., зам. директора ИЕ РАН, гл. ред. журнала «Современная Европа»

Мамедов Рашид Таджадинович – эксперт АНО «Большое Средиземноморье»

Мионов Артемий Юрьевич – эксперт АНО «Большое Средиземноморье»

Наджаров Александр Мартиросович – аналитик Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ

Пророкович Душан – д.полит.н., руководитель Центра евразийских исследований Института международной политики и экономики, Сербия.

Рыжкин Егор Николаевич – стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Стоянов Стефан Красимирович – стаж`р-исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ ВШЭ

Строков Иван Денисович – лаборант Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна – к.филол.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ

Танасич Никола – д.филол.н., сотрудник журнала «Новая сербская политическая мысль», Сербия

Энтина Екатерина Геннадьевна – д.полит.н., в.н.с., рук. Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН

Яшина Мария Геннадьевна – к.ф.н., старший преподаватель Школы иностранных языков НИУ ВШЭ

Язькова Вероника Евгеньевна – к.и.н, с.н.с. Центра по изучению проблем религии и общества Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН

ABOUT AUTHORS

Bodishteanu Nicole, Research assistant of International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, National Research University «Higher School of Economics» (NRU – HSE)

Davranova Sabina, Analyst of the Centre for Mediterranean Studies, NRU – HSE

Dunamalyan Norayr, Candidate of political sciences, Senior Lecturer at the Department of Political Science of the Russian-Armenian (Slavic) University

Entina Ekaterina, Doctor of political sciences, leading researcher, Head of the Department of Black and Mediterranean Sea studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)

Eremin Denis, Junior researcher of the Department of Black and Mediterranean Sea studies, IE RAS

Glubokaya Olga, Post-graduate student, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Islamov Damir, Postgraduate student at the Institute of International Relations of Kazan Federal University

Kuliyeva Nubara, Research assistant of the Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU – HSE

Lunkin Roman, Doctor of political sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief researcher, Department of social and political studies, Deputy Director, editor-in-chief of the journal «Contemporary Europe»

Mamedov Rashid, Expert of the Autonomous Non-Commercial Organization «Greater Mediterranean»

Mironov Artem, Expert of the Autonomous Non-Commercial Organization «Greater Mediterranean»

Nadzharov Alexander, Analyst of the Centre for Mediterranean Studies, NRU – HSE

Proroković Dušan, Ph.D. in political sciences, Research Fellow, Institute of International Politics and Economics, Belgrade Serbia

Ryzhkin Egor, Research assistant of the Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU – HSE

Stoyanov Stefan, Research assistant of the International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, NRU – HSE

Strokov Ivan, Laboratory assistant of the Centre for Comprehensive European and International Studies, NRU – HSE

Tabarinceva-Romanova Kseniya, Candidate of sciences (Philology), Associate professor of the Department of Theory and History of International Relations of UrFU

Tanasić Nikola, Doctor of science (Philosophy), employee of the journal «New Serbian Political Thought», Serbia

Yashina Mariya, Candidate of Science (Philology), Senior Lecturer at the HSE School of Foreign Languages

Yazkova Veronika, Candidate of Sciences (History), Senior research fellow at the Centre for the study of problems of religion and society, Center of religion and society problems, IE RAS

Zinovyeva Elena, Doctor of political sciences, Department of World Political Processes, Deputy Director of the Center for International Information Security and Scientific and Technological Policy

**В 2021–2022 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

382. Мусульмане в Европе. Сосуществование, взаимодействие, межкультурный диалог. Отв. ред. А.К.Камкин. ДИЕ РАН №382. М., 2021 г.
383. В.Я.Швейцер. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. ДИЕ РАН №383. М., 2021 г.
384. А.А.Синдеев. Проблемы общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №384. М., 2021 г.
385. В.Е.Язькова. Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. ДИЕ РАН №385. М., 2021 г.
386. Британия после брежневита. Отв. ред. К.А.Годованюк. ДИЕ РАН №386. М., 2021 г.
387. Фактор Китая в Средиземноморье. Отв. ред. О.В.Буторина, Е.С.Алексеенкова. ДИЕ РАН №387. М., 2022 г.
388. Б.П.Гуселетов. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. ДИЕ РАН №388. М., 2022 г.
389. А.С.Айвазян. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? ДИЕ РАН №389. М., 2022 г.
390. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе. Отв. ред. К.Н. Гусев. ДИЕ РАН №390. М., 2022 г.
391. В.Я.Швейцер. Политические проблемы современной Австрии. ДИЕ РАН №391. М., 2022 г.
392. А.В.Котов. Концепция региональной «умной специализации»: опыт реализации в ФРГ. ДИЕ РАН №392. М., 2022 г.
393. Германия. 2021. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №393. М., 2022 г.
394. Этнополитические процессы в современной Европе. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИЕ РАН №394. М., 2022 г.
395. Общество и политика в «эру COVID-19». Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН №395. М., 2022 г.
396. А.А.Синдеев. «Классические проблемы» общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №396. М., 2022 г.
397. Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета). Отв. ред. В.П.Журавель ДИЕ РАН №397. М., 2022 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2021–2022

382. Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dialogue of civilizations. Ed. by A.K.Kamkin. Reports of the IE RAS, №382. M., 2021.
383. V.J. Schweitzer. The party and political system of the European Union at the beginning of the XXI century. Reports of the IE RAS, №383. M., 2021.
384. A.A.Sindeev. Problems of commoneuropean security in the works of russian political scientists. Reports of the IE RAS, №384. M., 2021.
385. V.E.Yazkova. Catholic church and challenges of modernity in Italy: evolution of approaches and interpretations. Reports of the IE RAS, №385. M., 2021.
386. The United Kingdom after brexit. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, №386. M., 2021.
387. The China Factor in the Mediterranean. Ed. by O.V.Betorina, E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №387. M., 2022.
388. B.P.Guseletov. Trans European political parties in XXI century: formation, development, prospects. Reports of the IE RAS, №388. M., 2022.
389. A.S.Ayvazyan. The EU policy in the South Caucasus states: democracy, prosperity, security? Reports of the IE RAS, №389. M., 2022.
390. The stage of the special military operation in Ukraine. The anatomy of the anti-Russia policy in Europe. Ed. by K.N.Gusev. Reports of the IE RAS, №390. M., 2022.
391. V.J. Schweitzer. Political problems of modern Austria. Reports of the IE RAS, №391. M., 2022.
392. A.V.Kotov. The concept of regional smart specialization: implementation experience in Germany. Reports of the IE RAS, №392. M., 2022.
393. Germany. 2021. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №393. M., 2022.
394. Ethnopolitical processes in contemporary Europe. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №394. M., 2022.
395. Society and politics in the «COVID-19 era». Ed. by V.J. Schweitzer. Reports of the IE RAS, №395. M., 2022.
- 396 A.A.Sindeev. «Classic problems» of common European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, №396. M., 2022.
397. Politics, economics and security of the modern Arctic (to the 25th anniversary of the Arctic council). Ed. by V.P.Zhuravel. Reports of the IE RAS, №397. M., 2022.

Научное издание

**«МЯГКАЯ СИЛА» В ЧЕРНОМОРСКО-
СРЕДИРЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

Монография

Доклады Института Европы
№ 398

Подписано в печать 02.05.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,125.
Тираж 300 экз. Заказ № 513.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства «АртПринт»,
тел.: 8-950-765-69-59